

март–апрель
2 (82) 2018 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

10 ТИХОНОВА В. А.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

18 ФЛИЕР А. Я.

ЗЛО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

26 ГАВРОВ С. Н., ВОСТРЯКОВ Л. Е.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА:
КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ
ПРИТЯГАТЕЛЬНОГО БРЕНДА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

34 СИНЯВИНА Н. В., МАХОВИЧ Е. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРАНИЦА»
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

43 ГАВРИЛИНА Л. М.

ЛОКАЛЬНЫЕ СВЕРХТЕКСТЫ КАК ФОРМА
ОСМЫСЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**

52 ИПОЛИТОВ С. С.

«РЕВНИВО ОБЕРЕГАЯ ЧИСТОТУ СЕМЕЙНОГО
ОЧАГА»: КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ЭМИГРАНТСКОЙ СЕМЬИ (1920–1930-е ГОДЫ)

65 ХАНЖОВ С. В.

КИНО И ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС В СССР
20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

73 ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО Н. Е.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ
МУЗЫКА КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

82 ТИХОМИРОВА Е. Г., СИЗЕНКО А. Г.

МАСКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА В ЭПОХУ
РЕНЕССАНСА («ЛИЦА» ГОСПОДИНА ШИКО)

90 БЕЛОБРОВ А. А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ
БАРОККО В СОВРЕМЕННОМ, ЗАРУБЕЖНОМ
И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВЕ

98 ТОПАЛОВА Е. А.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
БОЛГАРСКОГО НАРРАТИВА

106 САОДАТОВА П. Ю.

ТРАДИЦИОННОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТАДЖИКИСТАНА И ЕЕ СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ

111 ХОССЕЙНИ ФАХРИСАДАТ

МОДЕРНИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕГО ПРИНЦИПЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО МИРА

116 ТРИШИН В. А.

ПОДГОТОВКА РЕЖИССЕРОВ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР РОССИИ И АМЕРИКИ

**СОВРЕМЕННЫЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
ЯВЛЕНИЯ**

126 ЗАКУНОВ Ю. А.

ЦЕННОСТНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
ВКЛЮЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ

136 МЯСНИКОВ А. Н.

ТИПОЛОГИЯ ПРАЗДНИКОВ БЕЛЬГИИ:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

142 ВИТЯЕВ С. М., РОДИОНОВА А. А.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР В КОММУНИКАТИВНОЙ
СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

**МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

152 РЕМИЗОВ В. А., ЧАЗОВА С. А.

ГУМАНИТАРНЫЕ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС ТЕМАТИКИ НАУЧНЫХ РАБОТ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

164 ХРИСТИДИС Т. В., ФЕДОРОВА Е. Н.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ
ПЕДАГОГА

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

174 МЕНЬШИКОВА Е. А.

СРЕДОВОЙ ПОДХОД В ЭТНОПЕДАГОГИКЕ

181 ЛИТВИНЕНКО В. А., ГЕРАСИМОВА И. А.

EVENT-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОЕКТОВ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

March–April
2 (82) 2018
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THE THEORY OF CULTURE** **10** **TIKHONOVA V. A.**
THE PROBLEM OF THE FUTURE:
THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS
- 18** **FLIER A. YA.**
EVIL AS A PHENOMENON OF CULTURE
- 26** **GAVROV S. N., VOSTRYAKOV L. Y.**
STATE CULTURAL POLICY:
CULTURAL DIPLOMACY AS A TOOL FOR DESIGNING
AND BROADCASTING THE ATTRACTIVE BRAND
OF THE RUSSIAN STATE
- 34** **SINYAVINA N. V., MAKHOVICH E. V.**
ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "BORDER"
IN MODERN RUSSIAN REALITY
- 43** **GAVRILINA L. M.**
LOCAL SUPERTEXTES AS A FORM OF REFLECTION
REGIONAL DIVERSITY OF RUSSIAN CULTURE

**THE HISTORY
OF CULTURE**

52 IPPOLITOV S. S.

“EVENINGLY PROTECTING THE FREEDOM
OF FAMILY CENTER”: CULTURE OF EVERYDAY
EMIGRANT FAMILY (1920–1930s)

65 KHANZHOV S. V.

CINEMA AND THE DISCOURSE OF POWER
IN THE SOVIET UNION OF THE 1920s
– THE FIRST HALF OF THE 1930s

73 DVININA-MIROSHNICHENKO N. E.

CONTEMPORARY MODERN ORTHODOX CANONICAL
MUSIC AS A PHENOMENON OF RUSSIAN CULTURE:
THE END OF THE 20th CENTURY
– THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

82 TIKHOMIROVA E. G., SIZENKO A. G.

THE MASK AS A CULTURAL FORM IN THE AGE
OF RENAISSANCE (THE “FACE” OF MR. SHIKO)

90 BELOBROV A. A.

REPRESENTATION OF THE ARTISTIC PRINCIPLES
OF THE BAROQUE IN CONTEMPORARY
FOREIGN AND RUSSIAN ART

98 TOPALOVA E. A.

ETHNO-CULTURAL ASPECT OF THE RESEARCH
OF THE BULGARIAN NARRATIVE

106 SAODATOVA P. YU.

TRADITION OF THE MUSICAL CULTURE
OF TAJIKISTAN AND ITS MODERN PROCESSUALITY

- 111 HOSSEINI FAKHRISADAT**
MODERNISM OF THE BEGINNING OF THE 20th
CENTURY AND ITS PRINCIPLES OF ARTISTIC
COMPREHENSION OF THE MODERN WORLD
- 116 TRISHIN V. A.**
TRAINING OF DIRECTORS IN THE CONTEXT
OF INTERACTION BETWEEN CULTURES
OF RUSSIA AND AMERICA
- MODERN CULTURAL PHENOMENA** **126 ZAKUNOV YU. A.**
VALUE-CIVILIZATIONAL ASPECTS FOR CITES
INCLUSION ONTO THE WORLD HERITAGE LIST:
RUSSIAN EXPERIENCE AND PERSPECTIVES
- 136 MYASNIKOV A. N.**
TYPOLOGY OF BELGIUM HOLIDAYS:
PHILOSOPHICAL CULTURAL ANALYSIS
- 142 VITYAEV S. M., RODIONOVA A. A.**
SHOPPING CENTER AS THE REALIZATION
OF THE CONCEPT OF AN IDEAL CITY
- METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH** **152 REMIZOV V. A., CHAZOVA S. A.**
HUMANITARIAN DISSERTATION RESEARCH
IN RUSSIA: ANALYTICAL DISCOURSE
OF SCIENTIFIC WORKS

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

164 KHRISTIDIS T. V., FEDOROVA E. N.

PROFESSIONAL STANDARDS IN EDUCATION
AS AN INSTRUMENT FOR THE FORMATION
OF THE NATIONAL SYSTEM OF TEACHER
PROFESSIONAL DEVELOPMENT,
GROWTH AND CAREER

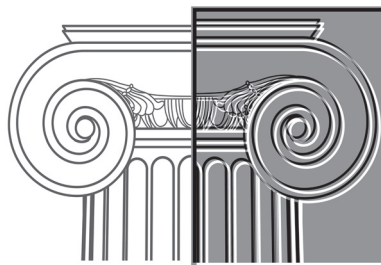
**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITIES**

174 MENSHIKOVA E. A.

ENVIRONMENTAL APPROACH
IN THE ETHNOPEDAGOGICS

181 LITVINENKO V. A., GERASIMOVA I. A.

EVENT-TECHNOLOGIES AS A TOOL
FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND
CULTURAL PROJECTS IN THE CREATIVE INDUSTRY

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

УДК 008:1

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры

Автор рассматривает проблему будущего на основе анализа концепций, связанных с развитием научно-технической революции в условиях современной информационной стадии развития цивилизации. Обращено особое внимание на теории, в которых модель будущего человеческого общества не связана напрямую с технотронным обществом, абсолютизирующим технологическую сторону прогресса. Отмечая возможность воздействия новых технологий на трансформацию биологической природы человека, его природной идентичности, автор обосновывает актуализацию в социально-философской мысли проблемы этического характера, важность учёта этической категории в анализе реалий современного этапа цивилизации, его противоречий, опасность отступления от идей гуманизма, обесцененных под натиском насилия над человеческим достоинством во имя утверждения «права сильного» в стремлении к мировому господству. Указывается, что усиление противостояния со стороны народов и стран, не желающих мириться с «новой формой тоталитаризма», обострение противоположных экономических и геополитических интересов разных стран ставит человечество перед угрозой деградации его цивилизационного состояния, что определяет поиск путей избавления от насилия, подготовки перехода к иной стадии цивилизации, цивилизации реального гуманизма, гарантирующей создание всех условий для духовного развития личности.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, информационные технологии, духовное развитие, глобализация, трансформация, модели развития, общество будущего.

V. A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE PROBLEM OF THE FUTURE: THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

The author considers the problem of the future on the basis of an analysis of concepts related to the development of the scientific and technological revolution in the conditions of the modern informa-

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВА – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социально-философских наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVA – Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Social and Philosophical Sciences, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail: tikhonovava@mail.ru

© Тихонова В. А., 2018

tion stage of civilization. Special attention is paid to theories in which the model of the future human society is not directly related to the technotronic society, which absolutizes the technological side of progress. Noting the possibility of the impact of new technologies on the transformation of the biological nature of man and his natural identity, the author justifies the actualization of ethical issues in socio-philosophical thought, the importance of taking into account the ethical category in analyzing the realities of the modern stage of civilization, its contradictions, deviations from the ideas of humanism, over human dignity in the name of affirming the “right of the strong” in the pursuit of world domination. It is pointed out that the intensification of confrontations on the part of peoples and countries that do not want to put up with the “new form of totalitarianism”, the aggravation of the opposing economic and geopolitical interests of different countries puts humanity at the threat of degradation of its civilizational state, which determines the search for ways to get rid of violence, the stage of civilization, the civilization of real humanism, which guarantees the creation of all conditions for the spiritual development of the individual.

Keywords: civilization, modernization, information technologies, spiritual development, globalization, transformation, development models, society of the future.

Для цитирования: Тихонова В. А. Проблема будущего: социально-философский аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 10–17.

В переходные периоды истории человечества общественная мысль всегда обращалась к проблеме будущего. Её актуальность усилилась и в наши дни вследствие того, что цивилизация вступила в информационную стадию развития. По какому пути пойдет человечество?

В современной социально-философской мысли существуют разные ответы на этот вопрос и различные концепции будущего развития общества. По-прежнему актуальны и даже доминируют теории, увязывающие общественный прогресс с научно-технической революцией и западной моделью общества, в которой социальный прогресс невозможен без технотронного развития.

Претворение в жизнь этой модели изначально представлялось весьма сложным и спорным, так как сама идея будущего воспринималась неоднозначно. У разных народов и в разных странах она наполнялась различным содержанием и сочеталась с различными методами её реализации – в зависимости в том числе и от

национальных, культурно-исторических особенностей народа.

По пути научно-технического прогресса человечество идёт более века. И явные, и латентные проблемы и трудности этого пути дают возможность полагать, что будущая социальная гармония не связана напрямую с технотронным обществом, абсолютизирующим технологическую сторону прогресса. Тем более она не предполагает господства определённых идеологических постулатов, а связана с идеалом подлинно свободных людей, стремящихся к знаниям и использующих их на благо человека.

Здесь имеет смысл обратиться к идеям П. А. Сорокина, оптимистически верящего в грядущую смену современной кризисной социокультурной системы «новой великой идеациональной культурой», которую будут развивать «новые люди» будущего, что позволяет сделать вывод о том, что грядущая новая цивилизация станет цивилизацией гуманизма нового типа.

В этом случае, как отмечает П. А. Со рокин, разовьются и будут совершенствоваться ценности, связанные с познавательной деятельностью (истина), эстетическим удовлетворением (красота), моралью (добро). Важно то, что такая цивилизация будет сориентирована не только на материальное богатство общества, основанное на господстве над природой. Цивилизованность здесь означает не техническую оснащённость, а именно гуманизм нового типа, при котором социальное выступает в единстве с личностным и где ведущими принципами должны явиться духовные начала личности и общества в целом.

Таким образом, антитезой абсолютизации технического прогресса оказывается такая модель будущего общества, при которой гуманистические отношения соединяют духовное и материальное производство, социально-экономическую и духовно-семейную среду, превращаясь в общество реального, а не формального гуманизма. В этой связи показательны слова М. Хайдеггера: «Тому, кто отрицает гуманизм, остаётся лишь утверждать бесчеловечность» [9, с. 341]. В обществе будущего, где знание оказывается главной целью личностного развития, можно надеяться на то, что предпосылкой этого станет всё та же гармония духовного богатства человека и его материального благополучия, составив в совокупности его личную интеллектуальную собственность.

Пристальное внимание научного сообщества к проблеме типа цивилизации будущего, нового уровня цивилизационного развития определяется и претензиями новых технологий на трансформацию самой природы человека, что ак-

туализирует этическую сторону данной проблемы. Ныне многие учёные задумываются над вопросом: кем станет человек? Подвергнется ли изменениям сама человеческая природа с применением NBICS-технологий?

Как отмечает И. В. Черникова, «то, что обозначается как природа человека, это не только философская категория, конструируемая по-разному историческим сознанием [10, с. 37]». Новые технологии ставят под вопрос саму «природную идентичность» человека. В силу этого возникает не только необходимость переосмысления содержания философской категории «природа человека». В условиях возможной трансформации «идентичности человека» намечается противостояние различных точек зрения на проблему эволюции человека как результата технологического развития.

По этому вопросу определились, как пишет И. В. Черникова, две основные позиции. Первая не признаёт никаких предпосылок к новому видообразованию в эволюции человека, ибо, по утверждению её сторонников, ещё задолго до появления концепции NBICS проблема «улучшения человека» и его способностей (физиологических и интеллектуальных) исследовалась в рамках расширения адаптивных возможностей внутри вида, что нашло отражение в распространённой технологии генной инженерии, которая касалась растений и животных, но при этом запрещались подобные технологии в отношении человека [10, с. 37]. Что касается второй позиции, то её сторонники исходят из того, что научные достижения, как заметил В. А. Лекторский, «взрывают жизненный мир человека. Речь идёт о таких его инвариантах, которые лежат в основе

человеческого существования, в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм [4, с. 41]».

Фактически речь здесь идёт о том, что NBICS-технологии стали основой достижения человечеством нового уровня цивилизационного развития, а введение их в социальную практику будет означать, что на этапе инновационной цивилизации действительно возможна трансформация биологической природы человека.

В связи с обозначенной проблемой, привлекающей внимание представителей как философской антропологии, так и социобиологии, возросла значимость философских исследований, посвящённых как раз её этической составляющей.

Об этом, в частности, свидетельствуют материалы «круглого стола» «Мораль в современном мире и проблемы российской этики», организованного в апреле 2017 года в журнале «Вопросы философии» [8]. Актуальность темы конференции была обусловлена процессами интенсивных изменений в духовной атмосфере человечества в связи с развитием новых технологий как в нашей стране, так и за рубежом.

Здесь нельзя обойти вниманием споры трансгуманистов и их критиков. Согласно воззрениям трансгуманистов, научные разработки по изменению человеческой природы служат во благо человечеству. Противники же подобных идей, как пишет И. В. Черникова, прежде всего обращаются к нравственной стороне вопроса, апеллируя к этике и проблеме человеческой идентичности [10, с. 41].

Трансгуманизм сформировался на почве представлений о кризисе человеческой природы. И то же самое сегодня говорят об универсальных этических осно-

вах человечества, об «общечеловеческих» ценностях.

Анализируя сдвиги в общественной жизни во всемирном масштабе, К. С. Гаджиев пишет: «Мы живём в условиях смены эпох, которая характеризуется эрозией и разложением тех или иных господствующих и развёртываемых процессов формирования новых ценностей, отношений, институтов ... Эти трансформации и сдвиги глубоко затронули экономику, политическую, социокультурную, духовную сферы, образ жизни. Более того, ставятся под вопрос основополагающие ценности, институты, правила взаимоотношений людей, служивших основой жизнедеятельности и существования человеческих сообществ со времён возникновения экзогамной семьи [1, с. 82]».

Как мы видим, технологический прогресс не может стать панацеей и залогом гармонии будущего общества. Напротив, в современных условиях проявляется мощное воздействие современных технологий, выражающееся в дегуманизации человеческого общества, в утрате чётких традиционных моральных ориентиров, нравственных ценностей, в подрыве культурных основ, привычных форм коммуникации. Следует отметить, что негативные социальные тенденции – террористические угрозы, религиозный радикализм, пересмотр семейных и гендерных устоев нарастают именно в последние десятилетия, которые характеризуются и бурным технологическим подъёмом, и ростом международной напряжённости при активизации устремлённости США к однопольному миру.

На пути к будущей социальной гармонии важно, в чьих руках оказываются технологические достижения цивили-

зации, которые повсеместно приводят к дисбалансу межкультурных коммуникаций, игнорированию норм международного права, когда насилие возводится в ранг добродетельного действия «во имя демократии». Вопреки идеологии глобализации, на основе которой были заложены принципы взаимоуважения народов, диктат угроз и насилия привёл к унижению человеческого достоинства, что и актуализировало проблему достоинства личности как важнейшего условия торжества гуманизма в будущем.

Такая постановка вопроса во многом связана с дестабилизацией политической и экономической обстановки в странах, попавших в прямую зависимость от США. Стремление поставить суверенных субъектов международных отношений в подчинённое положение вступает в противоречие с одним из важнейших гуманистических этических принципов – о человеческом достоинстве.

Не случайно концепт человеческого достоинства ныне определяется одной из составляющих предполагаемой новой стадии цивилизационной модернизации – гуманистической модернизации.

«Достоинство человека как фундаментальная ценность, – отмечает руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, – демаркационное качество цивилизации реального гуманизма, подлинное начало всех прав и свобод Человека, антипод любой вседозволенности, особенно той, что пытается спрятать лицо под маской цивилизации [2, с. 12]».

На передний план в таком контексте модернизации выходят задачи формирования высоконравственного и духов-

но богатого человека, неспособного совершать насилие над другими, унижать их достоинство.

Проблема ненасилия ныне приобрела особое звучание именно в связи с тем, что в современном мире сторонники однополярного мира, отстаивая «право сильного», тем самым лишают многие народы возможности достижения представлений о своём будущем как о динамично развивающихся цивилизациях, обеспечивающих благополучие и технологический прогресс, культурный расцвет и духовное совершенство человека.

Всё чаще гегемонистские устремления претендента на мировое лидерство наталкиваются на противодействия стран и народов, не желающих мириться фактически с «новой формой тоталитаризма», которая, как отмечает Л. А. Мусаелян, «несмотря на свой демократический декор, лишила народы права выбора путей развития, навязывая им собственное видение мира и образ жизни [6, с. 41]».

Сегодня, когда Соединённые Штаты Америки без ложной скромности позиционируют себя главенствующей державой, более того, независимой опорой, по утверждению З. Бжезинского, «глобальной стабилизации», действительность демонстрирует обратное.

В глобальной целостной системе не происходит взаимообогащения этносов, напротив, усиливается состояние обостряющихся противостояний, зачастую с переходом в военные действия, усиливается угроза их взаимоуничтожения, при этом культуры нивелируются, не получая импульса для саморазвития.

О сильном стремлении человечества избавиться от насилия, основанного на «праве сильного», свидетельствует реаль-

ная практика, подтверждающая вывод, что процесс глобализации не столь уж неуязвим, что он проявляется не в таких радужных красках, что он сопровождается негативными для «главенствующей державы» экономико-политическими, социокультурными последствиями, связанными с нежеланием иных наций, цивилизаций, культур подчиняться универсальным, имеющимся в виду западным, ценностям, выходящим за пределы их национальных интересов и традиций. Как отмечает известный отечественный историк Н. А. Нарочницкая, универсальный проект «бросает вызов всем великим национальным и духовным традициям человечества и требует устранить эти традиции для продолжения истории без всякого целеполагания [7, с. 7]».

Сегодня общественная мысль, международные исследовательские центры всё чаще констатируют нарастание рисков во всех областях жизнедеятельности человечества.

Н. П. Лапин отмечает, что, по оценкам участников XVII Конгресса Международной социологической ассоциации (Иокогама, июль 2014 года), «под воздействием противоположных экономических и геополитических интересов разных стран, их групп (в том числе и военных альянсов и блоков) и структур глобального бизнеса человечество оказалось перед угрозой деградации цивилизованного состояния и возможностью его рецессии к нецивилизованному состоянию. Возникли реальные угрозы сохранению homo sapiens: возможность ядерной войны, потепление климата и иные экологические опасности [2, с. 10]».

В таких условиях единственно альтернативной в выборе пути освобождения

от угроз, нависших над человечеством, становится идея перехода к иной стадии цивилизационной модернизации, а именно – модернизации гуманистической как модели гармоничного мира будущего.

В последнее время всё активнее звучит мысль о возможности избавления от угроз и проблем, опираясь на общественные движения патриотической направленности, способствующие подъёму гражданского самосознания, повышению роли духовно-нравственных принципов, осознанию необходимости социального сплочения в достижении целей гуманитарного развития будущего мирового сообщества.

Подтверждением большой значимости подобных мнений являются, в частности, утверждения о том, что «современному обществу необходима система общих ценностей, которая не должна, однако, конструироваться в ущерб ценностей национальных культур [5, с. 26]». Не случайно в последнее время во многих исследованиях обсуждаются проблемы введения аксиологических принципов в развитие науки и техники, учитывая как возросшее внимание к ценностям суверенности государства, личности, её национально-культурного поля, так и понимание того, что технологические достижения в условиях возрастающих «сил насилия» ставят под вопрос жизнь человека и цивилизации в целом.

Таким образом, мы можем констатировать, что устремлённость к решению задач гуманизации техники тесно связана с проблемами будущего общества, его корреляции со свободой личности, творчества, достоинства в качестве предмета социально-философских исследований.

Примечания

1. Гаджиев К. С. Новая «Великая трансформация»? // Вопросы философии. 2017. № 7.
2. Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4.
3. Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6.
4. Лекторский В. А. Рациональность. Социальные технологии и судьба человека // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. Том 29. С. 35–48.
5. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 16–28.
6. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация : монография / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь : ПГНИУ, 2016. 127 с.
7. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. Москва : Международные отношения, 2004. 534 с.
8. Пружинин Б. И., Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Бахитановский В. И., Гаджикурбанов А. Г., Гусейнов А. А., Зубец О. П., Кашников Б. Н., Назаров В. Н., Перов В. Ю., Прокофьев А. В., Разин А. В., Шохин В. К., Юдин Б. Г. Мораль в современном мире и проблемы российской этики. Материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 5–46.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии : сборник : пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. Москва : Прогресс, 1988.
10. Черникова И. В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 36–43.

References

1. Gadzhiev K. S. The New ‘Great Transformation’? *Voprosy Filosofii*. 2017, vol. 7. (In Russian)
2. Lapin N. I. Fundamental’nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v 21 stoletii. Chast’ 1. Chelovecheskaya tsivilizatsiya pered vyborom konfiguratsii fundamental’nykh tsennostey [The fundamental values of civilizational choice in the twenty-first century. Part 1. Human civilization before choosing a configuration of fundamental values]. *Voprosy Filosofii*. 2015, vol. 4.
3. Lapin N. I. Fundamental’nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v 21 stoletii. Chast’ 2. Aksiologicheskiye predposylki tsivilizatsionnogo vybora Rossii [The fundamental values of civilizational choice in the twenty-first century. Part 2. Axiological preconditions for the civilizational choice of Russia]. *Voprosy Filosofii*. 2015, vol. 6.
4. Lektorsky V. Rationality, Social Technologies and Human Destiny. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2011, no. 3 (vol. 29), pp. 35–48. (In Russian)
5. Mironov V. V., Mironova D. V. H. Multiculturalism: Tolerance or Acceptation? *Voprosy Filosofii*. 2017, vol. 6, pp. 16–28. (In Russian)
6. Musaelayn L. A. *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya [The historical process and globalization]*. Perm, Publishing house of the Perm State University, 2016. 127 p.

7. Narochnitskaya N. A. Rossiya i russkie v mirovoy istorii [Russia and the Russians in World History]. Moscow, Publishing House “International Relations”, 2004. 534 p.

8. Morality in the Modern World and the Problems of Russian Ethics. Materials of the Conference – Round-Table. *Voprosy Filosofii*. 2017, vol. 10, pp. 5–46. (In Russian)

9. Khaydegger M. [Heidegger M.] Pis'mo o gumanizme [A Letter on Humanism]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publishers, 1988.

10. Chernikova I. V. Sokhranenie prirody cheloveka kak global'naya problema sovremennosti [Preservation of human nature as a global problem of our time]. *Voprosy Filosofii*. 2016, vol. 9, pp. 36–43.

*

ЗЛО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

УДК 008:1

А. Я. Флиер

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

В статье анализируются основные мотивации противозаконного поведения человека и делается вывод о том, что злом считаются не сами поступки человека, а их несоответствие действующим законам, правилам, обычаям. Помимо того, злом обычно считают вред, наносимый коллективным интересам, а с Нового времени – ещё и индивидуальным интересам людей. Естественно, в каждую эпоху злом считались разные поступки, нарушающие господствующие ценности.

Ключевые слова: культура, ценности, зло, обычаи и ритуалы, религия, имущество, гражданские права, власть, корысть, идеи, невежество.

A. Ya. Flier

D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage,
Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Kosmonavtov str., 2,
129366, Moscow, Russian Federation

EVIL AS A PHENOMENON OF CULTURE

The article analyzes the main motivations for illegal human behavior, and concludes that evil is not considered to be the actions of a person, but their inconsistency with existing laws, rules, customs. In addition, evil is usually considered harm done to the collective interests, and from the New time also to the individual interests of people. Naturally, in every epoch evil was different actions, violating the dominant values.

Keywords: culture, values, evil, customs and rituals, religion, property, civil rights, power, self-interest, ideas, ignorance.

Для цитирования: Флиер А. Я. Зло как феномен культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 18–25.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

FLIER ANDREY YAKOVLEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of Expert and Analytical Center for the Development of Educational Systems in the Sphere of Culture, D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail:andrey.flier@yandex.ru
© Флиер А. Я., 2018

Начну с того, что я абсолютно согласен с мнением известного австрийского этолога К. Лоренца о том, что в природе нет и не может быть никакого зла [5]. Конечно, часть живой природы уничтожается ради пропитания другой её части. Растения впитывают из почвы разложившуюся биомассу, а животные поедают растения (или их плоды) и других животных. Но никто никого не убивает просто так. Жизнь более высокого уровня развития поддерживается, питаясь жизнью более низкого уровня. Так устроена природа [см.: 3]; и никакого зла во всём этом нет. Зло – это явление только человеческой культуры, результат неадекватного поведения человека. Попробуем разобраться в том, что такое зло и откуда оно берётся.

В свое время я много внимания уделил исследованию феномена человеческого насилия и отношения к добру и злу в разные эпохи [см.: 8, с. 202–210; 9; 10, с. 23–27; 11 и др.]. Теперь настала пора осмыслить зло по существу. А есть ли оно на самом деле в практике человеческой жизни или это только продукт субъективной оценки одними людьми действий других людей?

Как показали мои исследования, в разные эпохи наиболее последовательно и жёстко наказывали за разные нарушения. В первобытную эпоху – за нарушения обычая и ритуала, в аграрную – за нарушение доминирующих стандартов религиозного культа, в индустриальную – за посягательство на чужое имущество, а в постиндустриальную, похоже, главным нарушением стало посягательство на гражданские права человека [см.: 13]. Политическая неверность своему сюзеру (государственная измена) в аграрную

эпоху считалась религиозным преступлением, а в позднейшие времена выделялась в самостоятельный тип политических преступлений, наказуемых столь же строго, как и имущественные и правовые нарушения. Соответственно, и представления о зле, его проявлениях и его причинах в разные эпохи были разными.

В любом случае зло – это нарушение каких-то принятых правил, обычаев, законов. Это не есть действие само по себе, сколь бы ужасным оно ни было, а именно связанное с ним нарушение правил / законов – гражданских, уголовных, религиозных, этнических, сословных и пр. Даже убийства дифференцируются по их мотивации. Например, солдат, убивающий врагов на поле сражения, не считается убийцей, а при совершении того же самого на улице мирного города он – преступник. Или палач, казнящий по приговору суда, не убийца, а исполнитель приговора.

То есть в определении зла главное не само действие, а соответствие его закону. Поэтому зло будет рассматриваться именно как действие, нарушающее закон.

Но какова общая мотивация этих нарушений? Почему человек идет на них? Мой анализ показывает, что в основном встречаются пять основных мотиваций:

- *опьянение властью*, которой всегда мало (как денег, которые нередко подменяют властные полномочия), что толкает человека, обладающего какой-либо властью, к противозаконному расширению своих властных полномочий;
- *корысть*, то есть стремление к обогащению более быстрым и простым способом, чем разрешено законом;
- *идейный экстремизм*, при котором какую-то идею (доктрину) хочется реали-

зовать быстрее и радикальнее, чем это позволяет закон;

- *невежество*, при котором человек нарушает закон, даже не зная о его существовании;

- *хулиганство*, при котором зло совершается ради развлечения.

Разумеется, имеют место и другие мотивации, но они менее распространены. Важным побуждением к противозаконным действиям является и стремление скрыть преступления, мотивированные одной из перечисленных причин; но это я включаю в соответствующие базовые мотивации. Нужно сказать и о том, что под законом я имею в виду любые принятые в сообществе правила социального поведения, как зафиксированные письменными и юридически оформленными, так и существующие в форме обыденных, сугубо устных представлений и традиций.

Так или иначе, но зло – это, во-первых, лишь оценка одним человеком действий или намерений другого. А кто-то третий может иметь на этот счёт совсем иное мнение. И, во-вторых, такая оценка всегда привязана к месту и времени, а главное – к конкретной ситуации. В иное время, в ином месте и при иной ситуации оценка этого же события может быть совершенно противоположной. Например, дуэль между аристократами не одобрялась властями, но и не рассматривалась как преступление, а драка между простолюдными, закончившаяся смертью кого-либо, оценивалась как обычное уголовное убийство. В Англии в XVI веке дворянина могли повесить за немотивированное убийство слуги, а в России в XVIII веке на убийство Салтычихой десятков холопов власть долгое время закрывала глаза. Когда же делу Салтычихи всё-

таки дали ход, то для ненормальной садистки всё окончилось ... монастырской тюрьмой, где она прожила ещё 35 лет.

В конечном счёте распределение подобных оценок обычно осуществляется действующей властью в соответствии с установленными ею же правилами, и её оценка конкретного события как чего-то злого, как правило, поддерживается общественным мнением, а участники события считаются злоумышленниками.

Теперь рассмотрим перечень мотиваций поподробнее.

Зло № 1 – овьянение властью. Антропология власти была хорошо проработана отечественными и зарубежными специалистами [см.: 1], на труды которых я могу опираться. Особенно ценным является большое внимание, уделённое ими именно человеческому психологическому аспекту власти, который более всего актуален для данной статьи. Главная характеристика всякой власти – это то, что любому её носителю всегда мало власти, и он стремится преодолеть её законные ограничения [см. об этом: 2, с. 172–220]. Другое дело, что люди все разные, и кто-то проявляет умеренность и смиряется с ограниченностью своей власти, а кто-то стремится превратить её в неограниченную. Нередко это делается вовсе не с дурными намерениями, а ради блага (в понимании носителя власти). Но хорошо известно, куда благими намерениями вымощена дорога. Только воистину мудрый властитель понимает, что реально он может осуществить очень немногое, и чем скромнее его намерения, тем больше шансов на их осуществление. Впрочем, в истории бывают и исключения.

Носитель власти, как правило, не стремится совершать зло специально,

его больше интересуют структурные изменения в подвластной ему социальной реальности. Но поскольку любые изменения всегда встречают сопротивление, то для преодоления этого сопротивления используется аппарат насилия. А это уже есть совершение зла в самом прямом смысле.

При этом не следует забывать о том, что власть бывает как институциональной (например, у главы государства или членов правительства), так и ситуативной (солдат во вражеском городе, чувствующий себя властью по отношению ко всему его населению). Носители институциональной власти, как правило, сами не совершают насильственных действий, а только принимают решения и приказывают, иногда даже не отдавая себе отчёта в том, что тем самым они провоцируют насилие. А вот солдат во вражеском городе может грабить, насиловать и убивать фактически безнаказанно. Конечно, его начальники стремятся воспрепятствовать этому, но они не могут уследить за всеми. Из этого вовсе не следует, что солдат – плохой человек. Просто ситуацией он поставлен в положение властителя и обычно опьянён этой властью. По существу, то же самое можно сказать и о полицейском; только его власть осуществляется не во время войны и не во вражеском городе.

Разумеется, существует множество должностных инструкций, уставов и т.п., ограничивающих полномочия лиц, обладающих правом применять насилие. Но их эффективность весьма относительна. Гораздо большей эффективностью обладает индивидуальный культурный уровень того или иного человека при власти. У носителей высшей власти высокая куль-

тура иногда встречается; и они остаются в истории правителями-гуманистами. Но это редкое исключение. Вместе с тем уже давно замечено, что гуманитарная интеллигенция менее склонна к насилию, чем другие социальные страты [4, с. 103–115]. Если бы армии и полиция всех стран мира состояли бы из гуманитарных интеллигентов, зла в форме насилия в мире было бы много меньше. Но, увы, социальная практика во всём мире совсем иная.

Так или иначе, но насилие, осуществляемое лично или в форме приказа в порыве опьянения властью (административного восторга), во имя расширения её эффективности, даже ради самых благих намерений, есть очевидное зло.

Зло № 2 – корысть. Корысть в буквальном смысле означает желание материально обогатиться, в чём ничего дурного нет, если это делается в рамках закона. Но корысть превращается в зло тогда, когда она удовлетворяется противозаконным путём. В принципе, можно выделить четыре противозаконных метода обогащения:

- **грабёж** как овладение чужими средствами или имуществом открыто, насильственным путём. Одним из вариантов грабежа является разбой, представляющий собой коллективный грабёж с применением оружия;
- **воровство** как овладение чужими средствами или имуществом тайно, без ведома хозяев, украдкой;
- **мошенничество** как овладение чужими средствами или имуществом хитростью, с применением обманных манипуляций;
- **взяточничество** как получение незаконного вознаграждения за какие-либо должностные услуги.

Естественно, в Уголовном кодексе эти преступления имеют иные, юридически более выверенные характеристики. Но в данной статье преследуется не правовая, а научно-культурологическая цель. Общее во всех этих действиях то, что получение материального дохода осуществляется противозаконным путём и, как правило, более простым, быстрым способом и в большем размере, чем это допускается законом.

Хотя во все времена корыстные преступления осуждались, в первобытную и аграрную эпохи их было меньше и наказания за них были сравнительно, например – с религиозными преступлениями, несуровые [7]. Гораздо большее распространение такие преступления получили в индустриальную эпоху, и наказание за них стало более серьёзным.

Зло ли это? С точки зрения потерпевшего – несомненно, даже если потерпевший – государство. И главное здесь не размеры убытка, а обида за действия против всех правил социального общежития. Культурный смысл этого заключается опять-таки в противозаконности такого способа обогащения. Нужно сказать, что люди, совершающие корыстные преступления, как правило, отдают себе отчёт в том, что они совершают зло; но выгода от этого для их личных интересов столь высока, что превышает все моральные запреты.

Зло № 3 – идейный экстремизм. К этой категории относятся действия по изменению политического режима ради осуществления той или иной идеи (доктрины). Последствия этих действий могут квалифицироваться как преступные или как прогрессивные (в зависимости от взглядов того, кто квалифицирует).

К подобным действиям относятся прежде всего деяния левых революционеров (как правило, коммунистов разного толка), преследующих цель установить порядок большей социальной справедливости, нежели существующий. Другим проявлением идейного экстремизма являются деяния правых (консервативных) сил, либо борющихся с коммунистами (фашизм), либо стремящихся установить более «правильный» порядок национальных отношений (нацизм). В обоих случаях речь может идти либо о насильственном захвате власти (революция), либо о приходе к власти законным путём, но с последующим установлением террора и уничтожением / изоляцией / депортацией всех несогласных. Третий вид деяний такого рода – это религиозный экстремизм, по существу мало отличающийся от коммунизма, фашизма, нацизма.

В разные эпохи доминировал идейный экстремизм разных типов. Например, в аграрную эпоху был распространён религиозный фундаментализм (его орудиями были христианская инквизиция, исламский джихад и т.п.); в ходе индустриальной эпохи набирал силу социально-революционный экстремизм; а в XX веке, наряду с левыми движениями, проявили себя и правые тоталитаризмы – фашистский / этатистский и нацистский. Общим началом во всех этих действиях является их болезненная идеологичность, готовность ради идеи пожертвовать всем и всеми, нетерпимость к иным точкам зрения, пренебрежение к нормам международного права и т.п. Обычно идейные экстремисты не останавливаются перед массовым уничтожением всех несогласных с их идеями (или избавлением от них каким-то иным способом), внедряя свои идеи в со-

знание людей самыми грубыми силовыми методами.

Культурный смысл идейного экстремизма предельно прост: мир устроен неправильно и нужно его перестроить. Универсальным средством для этого является насилие (революционное, полицейское, инквизиторское и т.п.). Все «культурно чужие», «враги народа» уничтожаются. Впрочем, и «свои» уничтожаются с таким же усердием в процессе внутренней политической борьбы. Это трактуется не как зло, а как неизбежная цена прогресса. При тоталитарных режимах, основанных идейными экстремистами, действует обратный естественный отбор: отбираются и продвигаются по социальной лестнице не самые талантливые, а наиболее бездарные, но идейно верные. Знаменитые «Законы Паркинсона» [6], обосновывающие закономерность служебного продвижения и социального роста бездарностей, при тоталитарных режимах осуществляются с наибольшей полнотой.

Зло № 4 – невежество. Человек, совершающий зло по невежеству, как правило, сам не подозревает о том, что совершаемое им есть зло, и о том, что это запрещено законом. Никакой культурной интриги в зле по невежеству в принципе нет. Это яркое проявление малокультурности злоумышленника (вспомним рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник»); это зло от отсутствия элементарной социальной культуры и вытекающей из неё ответственности. К сожалению, подобное зло имеет большое распространение в социальной практике.

Зло № 5 – хулиганство. Это, пожалуй, один из психологически наиболее сложных вариантов злодеяния. Человек отдаёт себе полный отчёт в том, что его

действие есть зло, но делает это ради развлечения, как правило умозрительно надеясь, что от этого никто не пострадает. Зачем он это делает? Просто из безответственности? Бывает и так, но чаще этот человек стремится выделиться, привлечь к себе внимание таким способом. В этом я нахожу определённый инфантилизм; таким способом, хулиганя, стремится привлечь к себе внимание ребёнок. Тем не менее это довольно распространённая форма злодеяния, к счастью, действительно не очень вредоносная.

Хулиганство в культуре в конечном счёте тоже стимулировано желанием привлечь к себе внимание и часто имеет форму экстравагантной интерпретации различных артефактов [см., например: 12, с. 270–282]. В древности любое неканоническое интерпретирование обычаев, религиозных текстов и ритуалов считалось исключительным злом, ересью и т.п. и наказывалось, пожалуй, строже, чем любые иные нарушения. В течение XIX–XX веков происходила постепенная легализация подобных свободных интерпретаций, и ныне оригинальное суждение о любом артефакте уже является культурной нормой и никакого зла в себе не несёт.

Таким образом, культура зла отличается большой психологической сложностью. Здесь наблюдается разброс в мотивации от полного понимания зловредности совершаемых действий, но совершаемых во имя высоких целей, до полного неведения о вредности этих действий. Понятием «зло» квалифицируются два феномена. Во-первых, какое-то действие, нарушающее действующие законы, даже если оно никому не приносит ущерба. И, во-вторых, действие, наносящее ущерб чьим-либо интере-

сам. Нередко зло обладает сразу обеими характеристиками.

Выше мы рассмотрели лишь наиболее распространённые варианты мотиваций совершения зла, однако их перечень гораздо шире.

Здесь ещё нужно помнить и об историческом аспекте проблемы. В древности, когда в культуре абсолютно преобладало коллективное начало, злом считался только ущерб, нанесённый коллективу людей – государству, Церкви, городу, сельской общине и т.п. Интересы отдельных людей в Европе стали учитывать только в Новое время.

И тем не менее зло – это всё-таки субъективное мнение о том или ином событии, которое при иных обстоятельствах может быть охарактеризовано по-другому. Так, для современных европейцев безусловным злом являются преступления нацизма. А вот для древних китайцев или древних ацтеков количество жертв само по себе было не показательным. Главное – с какой целью было уничтожено столько людей? Рациональна ли была такая расправа? В определении события как зла многое зависело от исторического социального опыта каждой цивилизации...

Примечания

1. Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : [в 2 томах] / Санкт-Петербургский государственный университет ; [В. В. Бочаров, сост.]. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006–2007. Том 1 : Власть в антропологическом дискурсе. 2006. 491 с. ; Том 2 : Политическая культура и политические процессы. 2007. 518 с.

2. Бочаров В. В. Истоки власти // Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : [в 2 томах] / Санкт-Петербургский государственный университет ; [В. В. Бочаров, сост.]. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006–2007. Том 1 : Власть в антропологическом дискурсе. 2006. С. 172–220.

3. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы : беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. 5-е изд., доп. Санкт-Петербург : Петроглиф ; Москва : МЦНМО, 2009. 350 с.

4. Дука А. Политическая культура – поиски теоретических оснований // Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : [в 2 томах] / Санкт-Петербургский государственный университет ; [В. В. Бочаров, сост.]. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006–2007. Том 1 : Власть в антропологическом дискурсе. 2006. С. 103–115.

5. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / перевод с немецкого Г. Ф. Швейника. Москва : Прогресс-Универс, 1994. 272 с.

6. Паркинсон С. Н. Закон Паркинсона и другие памфлеты : пер. с англ. / предисл. Е. Амбарцумова. Москва : Прогресс, 1976. 448 с.

7. Тогоева О. Преступление и наказание в Средние века [Электронный ресурс] // Арзамас. Журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://arzamas.academy/courses/8> (дата обращения: 10.11.2017).

8. Флиер А. Я. Культура насилия // Личность. Культура. Общество. 2004. Том 6. Выпуск 4 (24). С. 202–210.

9. Флиер А. Я. Культура как репрессия. Москва : Диаграмма, 2006. 320 с.

10. Флиер А. Я. Культура лишения жизни // Обсерватория культуры. 2007. № 3. С. 23–27.

11. Флиер А. Я. Культура как «оружие массового поражения» [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.kabobo.ru/docs/82500/index-2853.html>
12. Флиер А. Я. Культура преодоления культуры // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 270–282.
13. Флиер А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 3 (май – июнь). С. 17–36. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/.

References

1. Bocharov V. V., comp. *Antropologiya vlasti. Kbstomatiya po politicheskoy antropologii. V 2 tomakh [Anthropology of Power: Reader on Political Anthropology. In 2 volumes]*. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University, 2006–2007.
2. Bocharov V. V. Istoki vlasti [The origins of power]. In: Bocharov V. V., comp. *Antropologiya vlasti. Kbstomatiya po politicheskoy antropologii. V 2 tomakh, tom 1 [Anthropology of Power: Reader on Political Anthropology. In 2 volumes, vol. 1]*. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University, 2006. Pp. 172–220.
3. Dolnik V. R. *Neposlushnoe ditya biosfery: besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverey i detey [Naughty child of the biosphere: talks about human behavior in the company of birds, animals and children]*. 5nd edition. St. Petersburg, Publishing house “Petroglif”, 2009. 350 p.
4. Duka A. Politicheskaya kul'tura – poiski teoreticheskikh osnovaniy [Political culture – the search for theoretical grounds]. In: Bocharov V. V., comp. *Antropologiya vlasti. Kbstomatiya po politicheskoy antropologii. V 2 tomakh, tom 1 [Anthropology of Power: Reader on Political Anthropology. In 2 volumes, vol. 1]*. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University, 2006. Pp. 103–115.
5. Lorenz Konrad *Das sogenannte Böse (Zur Naturgeschichte der Agression)*. (In Rus. ed.: Lorents K. *Agressiya (tak nazyvaemoe “zlo”) [Aggression (the so-called “evil”)]*). Moscow, Progress Publishers, 1994. 272 p.)
6. Parkinson S. N. [Parkinson Cyril Northcote] *Zakon Parkinsona i drugie pamflety [Law of Parkinson and other pamphlets]*. Moscow, Progress Publishers, 1994. 272 p.
7. Togoeva O. *Prestuplenie i nakazanie v Srednie veka [Crime and Punishment in the Middle Ages]*. Available at: <http://arzamas.academy/courses/8> (accessed: 10.11.2017).
8. Flier A. Ya. Kul'tura nasiliya [Violence culture]. *Personality. Culture. Society*. 2004, vol. 6, issue 4 (24), pp. 202–210.
9. Flier A. Ya. *Kul'tura kak repressiya [Culture as a repression]*. Moscow, Publishing house “Diagramma”, 2006. 320 p.
10. Flier A. Ya. Kul'tura lisheniya zhizni [Culture deprivation of life]. *Observatory of Culture*. 2007, no. 3, pp. 23–27.
11. Flier A. Ya. *Kul'tura kak “oruzhie massovogo porazheniya” [Culture as “weapons of mass destruction”]*. Available at: <http://ex.kabobo.ru/docs/82500/index-2853.html>
12. Flier A. Ya. Culture of Overcoming Culture. *Izvestia of Smolensk State University*. 2013, no. 4 (24), pp. 270–282. (In Russian)
13. Flier A. Ya. Good and Evil in Cultural and Historical Understanding. *The “Znanie. Ponimanie. Umenie” (“Knowledge. Understanding. Skill”)*. 2015, no. 3 (May – June), pp. 17–36. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (In Russian)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ПРИТЯГАТЕЛЬНОГО БРЕНДА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 008:316.7

С. Н. Гавров, Л. Е. Востряков

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

В статье рассматривается международное культурное сотрудничество как важное направление государственной культурной политики Российской Федерации. Авторы анализируют инструментарий международного культурного сотрудничества, посредством которого формируется позитивный образ России, российской культуры. Рассматриваются исходные составные части бренда Российского государства, возможность использования мест силы, двоеверия, того, что составляет органичный сплав христианства и язычества, элементов сакральной топонимики: Новгород, Соловецкий монастырь, русский Север и река Итиль-Волга. Элементами этого старого-нового бренда могут быть союз леса и степи, бескрайняя Евразия. Международное культурное сотрудничество в данном контексте служит инструментом донесения этого привлекательного образа – бренда России – до широкой международной аудитории.

Ключевые слова: культурная политика, международное культурное сотрудничество, культурная дипломатия, Министерство культуры Российской Федерации, бренд.

S. N. Gavrov, L. Y. Vostryakov

St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

STATE CULTURAL POLICY: CULTURAL DIPLOMACY AS A TOOL FOR DESIGNING AND BROADCASTING THE ATTRACTIVE BRAND OF THE RUSSIAN STATE

The article considers international cultural cooperation as an important direction of the state cultural policy of the Russian Federation. The authors analyze the tools of international cultural

¹ГАВРОВ СЕРГЕЙ НАЗИПОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры

GAVROV SERGEY NAZIPOVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of socio-cultural activities, St. Petersburg State Institute of Culture

²ВОСТРЯКОВ ЛЕВ ЕВГЕНЬЕВИЧ – доктор политических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры

VOSTRYAKOV LEV EVGENYEVICH – Full Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of socio-cultural activities, St. Petersburg State Institute of Culture

e-mail: gavrov@gmail.com¹, lev-vostriakov@yandex.ru²

© Гавров С. Н., Востряков Л. Е., 2018

cooperation, through which a positive image of Russia and Russian culture is formed. The article deals with the original components of the brand of the Russian state, the possibility of using places of power, dual power, what constitutes an organic fusion of Christianity and paganism, elements of sacred place names: Novgorod, Solovetsky monastery, the Russian North and the ITIL-Volga river. The elements of this old-new brand can be the Union of forests and steppes, endless Eurasia. International cultural cooperation in this context serves as a tool to convey this attractive image – the brand of Russia to a wide international audience.

Keywords: cultural policy, international cultural cooperation, cultural diplomacy, Ministry of Culture of the Russian Federation, brand.

Для цитирования: Гавров С. Н., Востряков А. Е. Государственная культурная политика: культурная дипломатия как инструмент конструирования и трансляции притягательного бренда Российского государства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 26–33.

Одной из задач государственной культурной политики выступает формирование притягательного для внешних и внутренних аудиторий бренда страны, её позитивного образа, основанного на притяжении культуры, позитивных исторических и социокультурных традициях, исторических успехах нации.

Россия как притягательный образ, Россия как притягательный бренд. Бренд рассматривается как финансовый актив, который можно измерить. Но сколько стоит бренд самой России?

Показательно в этой связи звучит известный вопрос И. В. Сталина о новом послевоенном автомобиле, который создатели хотели назвать «Родина»: «Почём будете Родину продавать?». Конечно, Родина не продается – вот и разработчикам Горьковского автозавода пришлось менять название модели, которая всем хорошо известна под маркой «Победа».

Тем не менее: в чём сила и на какие символы может опираться, какие историко-культурные элементы может включить бренд России?

Сакральные места, места силы. Древние курганы и языческие капища, на месте многих из которых стоят православ-

ные храмы. Новгород, Александровская слобода, Соловецкий монастырь... Русский Север и река Итиль-Волга. Союз леса и степи, бескрайняя Евразия. Русская история, полная великих побед и самоубийственных разрушений. «Вера православная, власть самодержавная». Советское время, связанное с Победой в Великой Отечественной войне, освоением космоса, достижениями культуры.

Конструируемый бренд России должен быть рабочим. Иными словами, он должен иметь возможность влияния на общественное сознание внутри страны и на её образ вовне. Воздействие не должно уступать культурным прорывам от блистательных дягилевских «Русских сезонов» в Париже до гастролей Мариинского и Большого театров в советский период нашей истории. Достижения российской культуры, явленные миру, сделали не меньше, чем военные успехи российской и советской армии, они формировали притягательный образ отечественной культуры, притягательный, позитивный образ России. Возобновить и донести этот позитивный образ России, формируемый культурой, сегодня возможно в рамках культурной дипломатии, между-

народного культурного сотрудничества. Именно поэтому утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации среди стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры выделяет цель повышения роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

Представляя собой, согласно мнению известного американского исследователя М. Каммингса мл., комплекс практических действий в области «обмена идеями, информацией, произведениями искусства и другими компонентами культуры» [цит. по: 3, с. 83], международное культурное сотрудничество давно и прочно входит в публичную внешнюю политику «продвинутых» государств мира. Не случайно помощники государственного секретаря США Ф. Кумбс и Ч. Френкель, призывая в середине 1960-х годов к расширению практики международных культурных контактов, определяли культурную составляющую в международной политике США как «четвёртое измерение» американского внешнеполитического курса [см.: 4, с. 13]. Исследователи подчёркивают, что культурная дипломатия, подразумевающая масштабный культурный обмен между людьми, приобретает в современном мире всё большее значение. Поэтому культуру следует рассматривать как существенный фактор международной политики и «мягкой силы» государств, стремящихся играть важную роль в международных отношениях. Известный отечественный дипломат Е. А. Шмагин отмечал: «Во все времена союз дипломатии и культуры служил национальным интересам России, вновь и вновь доказы-

вая свою жизненную силу на различных этапах истории Отечества. Именно культурная дипломатия с присущим ей специфическим инструментарием форм и методов воздействия на общественное мнение в значительной мере помогала растапливать лёд недоброжелательного, порой явно предвзятого отношения к нашей стране в советский период, амортизировала влияние всевозможных негативных тенденций политико-идеологического происхождения. В эпоху становления новой России именно культура вновь была призвана работать на укрепление международного авторитета страны, её доброго имени, демонстрировать открытость российского общества, служить свидетельством возрождения России, её развития в качестве свободного и демократического государства [5, с. 61–73]».

Среди факторов, на основе которых формируется культурная дипломатия государства, принято выделять:

- приоритеты внешней политики;
- стремление сформировать позитивный имидж;
- историю страны;
- распространение и популярность государственного языка страны в мире.

В рамках инициатив культурной дипломатии могут использоваться:

- искусство, в том числе театр, кинематограф, музыка, танец, живопись, скульптура;
- выставки, включая международные выставки ЭКСПО;
- образовательные программы и программы академического и научного обмена, языковые программы за рубежом;
- литература: формирование библиотек за рубежом и перевод на иностранные языки национальных произведений;

- трансляция новостей и культурных программ за рубежом;

- религиозная дипломатия, в том числе инициативы межрелигиозного диалога [2].

Задачам культурной дипломатии полностью отвечают состоявшиеся в 2016 году 230 гастрольных поездок 33 театральных и концертных учреждений, подведомственных Минкультуры России, в ходе которых было проведено более 500 мероприятий в 48 странах мира. В этом же ряду – такой яркий и резонансный выставочный проект, как открытие в октябре 2016 года уникальной выставки французских импрессионистов «Щукин. Шедевры нового искусства» в парижском Фонде Луи Виттона. В рамках экспозиции было представлено 150 полотен П. Гогена, А. Матисса, К. Моне, П. Пикассо, П. Сезанна из собраний Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Эрмитажа. Выставку посетили более 1 млн человек, что является беспрецедентным показателем для зарубежных выставок российских музеев.

Тогда же, в октябре 2016 года, в самом центре французской столицы, на левом берегу Сены, по соседству с Эйфелевой башней, состоялась церемония открытия Российского духовно-культурного православного центра, сразу же ставшего одним из самых популярных мест, связанных с нашей страной. Пятиглавый Свято-Троицкий собор, органично вписавшийся в исторический облик Парижа, пользуется популярностью и у французов, и у русских эмигрантов, и у туристов – ежедневно его посещают не менее 2 тыс. человек. Помимо собора, Россий-

ский духовно-культурный центр включает в себя выставочные и концертные залы, различные детские кружки и русскую классическую гимназию, где уже ведётся преподавание русского языка и учат писать иконы.

Поддержка соотечественников посредством оказания содействия в проведении культурных мероприятий на базе российских центров науки и культуры (РЦНК) рассматривается Минкультуры России как одна из приоритетных задач. Более семи десятков РЦНК, действующих в шестидесяти двух странах, на регулярной основе организуют концертные программы с участием ведущих российских артистов, оказывают поддержку международным музыкальным, театральным фестивалям, мастер-классам, гастролям фольклорных коллективов, фестивалям народного творчества соотечественников. В 2016 году выступления российских творческих коллективов и исполнителей в РЦНК прошли в 33 странах мира. Подобные проекты позволяют зрителям ощущать тесную связь с российской культурой, традиционными для России ценностями, осознавать принадлежность к российской цивилизации. Среди аудитории подобных культурных проектов заметно возрастает доля тех, кто симпатизирует России, интересуется российской историей и культурой, желает изучать русский язык.

Российская диаспора за рубежом составляет около 30 млн человек, при этом 10 млн из них проживают на территории стран СНГ. Меры поддержки соотечественников за рубежом, защита их прав и интересов в стране пребывания, сохранение культурной и гуманитарной среды, включающей изучение русского язы-

ка, возможность получения образования на русском языке, а также доступ к российским каналам информирования, являются одним из важнейших приоритетов внешней политики и элементом культурной дипломатии.

География зарубежных мероприятий, направленных на поддержку соотечественников и продвижение русского языка в мире, охватывает пространство СНГ, страны Европы, Ближнего Востока и Азии.

Важную роль играют действующие на базе РЦНК за рубежом информационно-образовательные центры «Русский музей: виртуальный филиал», а также созданные в загранпредставительствах Россотрудничества электронные читальные залы – центры доступа к ресурсам Президентской библиотеки за рубежом.

Достаточно устойчивой формой, способствующей продвижению за рубежом национальных традиций и отечественных духовных ценностей, выступают «Дни России» в зарубежных странах, которые зарекомендовали себя как уникальный формат гуманитарных акций, сочетающих демонстрацию современных достижений российской культуры и одновременно – богатейшего духовного наследия нашей страны. Как правило, «Дни России» в зарубежных странах с включением в них мероприятий духовного характера проводятся Минкультуры и МИД России во взаимодействии с Русской православной церковью и нередко приурочены к знаковым юбилейным датам.

Масштабная программа мероприятий «Дней России», посвящённая 1000-летию преставления святого равноапостольного великого князя Владимира – Крестителя Руси, была реализована летом 2015 года

в Республике Беларусь. В рамках «Дней» состоялись концерты духовной и народной музыки, фотовыставки-презентации «Владимир – Красное Солнышко», показы документального фильма о святом равноапостольном великом князе Владимире, Крестителе Руси. Центральным событием мероприятий стала двусторонняя конференция «Россия – Беларусь. Перспективы развития паломничества и религиозного туризма», в которой участвовали представители и Русской, и Белорусской православных церквей.

В 2015 году «Дни России» также состоялись в Республике Словения и в Государстве Израиль. В 2016 году масштабные «Дни России» («Дни духовной культуры»), посвящённые 25-летию Содружества Независимых Государств, прошли в Абхазии, Армении, Киргизии и Узбекистане.

На пространстве СНГ культурное сотрудничество осуществляется как в двустороннем, так и многостороннем форматах. Оно направлено на расширение российского культурного присутствия в странах Содружества, сохранение памяти об общей истории и поддержание культурного единства СНГ в интересах развития всего комплекса отношений стратегического партнёрства. Минкультуры России проводит в государствах СНГ комплексные мероприятия, приуроченные к общим памятным датам и знаковым событиям Содружества, ориентированные на разную целевую аудиторию, в том числе на молодёжь. Совершенствуется нормативно-правовая основа взаимодействия, реализуются проекты в формате Недель и Дней российской культуры, обменные фестивали, выставки, концерты. Системный характер имеет межрегиональное со-

трудничество. Только в самые последние годы Минкультуры России подписаны двусторонние документы о сотрудничестве с Арменией, Белоруссией, Таджикистаном, Абхазией и Южной Осетией.

На ежегодной основе проходят такие мероприятия, как фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», «Россия – Казахстан: XXI век», международный фестиваль славянских народов «Славянское единство», гастроли Молодёжного российско-белорусского симфонического оркестра, фестивали Союзного государства «Творчество юных», «Союзное государство молодым талантам XXI века», фестиваль творчества инвалидов «Вместе мы сможем больше».

Эффективным инструментом сотрудничества стран СНГ в сфере культуры является действующая с 2012 года межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества». Самыми первыми культурными столицами СНГ были объявлены в 2012 году города Астана (Казахстан) и Мары (Туркменистан), которые в 2013 году передали эстафету городам Габала (Азербайджан), Гюмри (Армения) и Могилев (Беларусь). Статус культурных столиц СНГ в 2014 году получили города Алматы (Республика Казахстан) и Ош (Кыргызская Республика). В 2015 году культурными столицами были провозглашены Воронеж (Россия) и Куляб (Таджикистан), в 2016 году – Дашогуз (Туркменистан). Культурной столицей Содружества Независимых Государств в 2017 году стал второй по величине город Азербайджана – Гянджа.

Новая концепция государственной культурной политики России нацелена на продвижение ценностей и позитивного образа российской цивилизации на меж-

дународной арене и культурного диалога в целом. Особое внимание уделяется знакомству иностранных аудиторий с произведениями, отражающими ценностную картину мира россиян и традиционные российские ценности.

Литература, музыка, опера, балет, театр, кинематограф, цирк, изобразительное искусство, архитектура, дизайн, художественная фотография – достижения во всех областях отечественного искусства бесспорны и признаны не только в России, но и в мире. Это подчёркнуто в «Основах государственной культурной политики».

Важнейшее место в комплексе мер, направленных на установление культурного лидерства Российской Федерации в мире, занимают обменные и «перекрёстные» Годы России с зарубежными странами, в которых существенное место отводится культурно-гуманитарному компоненту. Проведение перекрёстного года предполагает параллельную организацию культурных мероприятий одновременно в двух странах. Впервые этот подход был использован в 2010 году, когда состоялся самый первый «Перекрёстный год культур Франции и России». Ныне подобную форму культурного сотрудничества активно используют многие государства, обогатив её практикой тематического перекрёстного года.

Так, только в последнее время с впечатляющим успехом прошли «Годы языков и литературы» Россия – Германия (2014–2015) и Россия – Испания (2015–2016). Особой удачей 2016 года стало проведение «Года Россия – Греция», включавшего обширную программу мероприятий, более 100 из которых были организованы российской стороной.

Культурные сезоны – это крупные многодисциплинарные фестивали, включающие множество мероприятий в художественной, научной, образовательной, экономической областях. Сезоны могут проходить в форме дней, недель, месяцев и годов. Их цель – демонстрация культурного богатства России, а также развитие диалога культур.

Проводя культурные сезоны, организаторы стремятся не только показать свою культуру за рубежом, но и принять у себя культуры других народов, создавая максимально широкие возможности для их презентации и тем самым способствуя сохранению многообразия культур в мире и противодействуя культурной стандартизации. Как правило, в рамках культурных сезонов происходит укрепление не только культурных связей. Проведение подобных культурных сезонов позволяет создать благоприятный климат для обсуждения многих насущных вопросов в области политики и экономики [1].

Эффективный формат продвижения российской культуры в иностранных государствах – фестивали “Feel Russia” и «Цветы России». Это рассчитанный на широкую публику инновационный проект Минкультуры России, представляющий за рубежом богатое наследие и современные достижения российской культуры, знакомящий с историей и современностью нашей страны.

Фестиваль “Feel Russia”, который проводится на открытом воздухе, в парках

европейских городов, доказал свою эффективность как инструмент продвижения российской культуры в странах с разными духовными и цивилизационными традициями, позволяющий максимально учитывать интересы и особенности восприятия российских культурных акций в государстве-партнёре и сформировать программу, исходя из таких особенностей. «Цветы России» – комплексный проект, знакомящий зарубежную аудиторию с творчеством самых одарённых детей России – исполнителей классической, джазовой и народной музыки, художников, юных мастеров фотографии. В 2016 году “Feel Russia” прошёл в Австрии, Германии, Греции, Испании, Казахстане и Эстонии (в 2015 году – в Аргентине, Вьетнаме, Германии, Италии, Китае, Франции), а «Цветы России» – в Белоруссии и Греции (в 2015 году – в Финляндии и Словакии). Только в 2015–2016 годах фестивали посетили более 160 тыс. чел., по всему миру посмотрели мероприятия фестивалей более 1 400 млн телезрителей, количество публикаций в СМИ превысило несколько тысяч.

Так, в рамках государственной культурной политики, отдельных проектов международного культурного сотрудничества, формируется и транслируется миру притягательный образ российской культуры, а соответственно, самой России, способствуя созданию позитивного внешнего образа страны. Так формируется привлекательный бренд России.

Примечания

1. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Новые формы международного культурного сотрудничества во внешней культурной политике современных государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 386–389.

2. Василенко Е. В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства [Электронный ресурс] // Перспективы: портал Центра исследований и аналитики

Фонд исторической перспективы : [веб-сайт]. Электрон. дан. 23.11.2015. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/kulturnaja_diplomatija_kak_instrument_magkoj_sily_gosudarstva_2015-11-23.htm (дата обращения: 15.05.2017).

3. Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США = Cultural and information mechanisms of U. S. foreign policy : истоки и новая реальность. Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2012. 405 с.

4. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США : монография. Москва : РУДН, 2010. 212 с.

5. Шмагин Е. А. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 61–73.

References

1. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. Novye formy mezhdunarodnogo kul'turnogo sotrudnichestva vo vneshney kul'turnoy politike sovremennykh gosudarstv [New forms of international cultural cooperation in the foreign cultural policy of modern states]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences]. 2013, no. 8, pp. 386–389.

2. Vasilenko E. V. *Kul'turnaya diplomatiya kak instrument "myagkoy sily" gosudarstva* [Cultural diplomacy as an instrument of the "soft power" of the state]. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/kulturnaja_diplomatija_kak_instrument_magkoj_sily_gosudarstva_2015-11-23.htm (accessed: 15.05.2017).

3. Filimonov G. Yu. *Cultural and information mechanisms of U. S. foreign policy. Origins and a new reality*. Moscow, Publishing house of the People's Friendship University of Russia (PFUR), 2012. 405 p. (In Russian)

4. Filimonov G. Yu. "Myagkaya sila" kul'turnoy diplomatii SSHA ["Soft power" of US cultural diplomacy]. Moscow, Publishing house of the People's Friendship University of Russia (PFUR), 2012. 212 p.

5. Shmagin E. A. Kul'tura i diplomatiya [Culture and Diplomacy]. *International Affairs*. 2002, no. 3, pp. 61–73.

*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРАНИЦА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

УДК 008:1

Н. В. Синявина, Е. В. Махович

Московский государственный институт культуры

Авторы статьи анализируют причины актуализации концепта «граница» в российском обществе. Вводная часть статьи посвящена рассмотрению концепта как социокультурного феномена, его инструментальных возможностей в выявлении структуры имплицитного.

Далее авторы определяют аспекты, способствующие концептуализации слова «граница», и выявляют коррелирующие с ним понятия и идеи. Подчёркивается, что данный концепт сегодня используется в различных дискурсах, однако чаще всего в политическом.

В следующем разделе статьи анализируются геополитические и социокультурные факторы, способствовавшие превращению данного концепта в один из смыслообразующих в концептосфере русской / российской цивилизации. Авторы подчёркивают, что проблема территориальной принадлежности всегда связана с вопросом пространства власти. В связи с этим выявляются коррелирующие с ним концепты: «приграничье» как особое социокультурное пространство, «идентичность», «свой – чужой». Отмечается, что под влиянием философии постмодернизма происходит процесс трансформации последней антиномии и нивелирование её полярных составляющих, переход её к толерантной формулировке «свой – другой».

В заключение статьи авторы рассматривают потенциал использования концепта «граница» для выявления тенденций и структуры (ядро – периферии) современного российского социокультурного пространства.

Ключевые слова: концепт, граница, концептосфера, идентичность, Другой, свой – чужой.

¹СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SINYAVINA NATALYA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

²МАХОВИЧ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MAKHOVICH ELENA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: cleo2401@mail.ru¹, rus7507@mail.ru²

© Синявина Н. В., Махович Е. В., 2018

N. V. Sinyavina, E. V. Makhovich

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT “BORDER” IN MODERN RUSSIAN REALITY

The authors analyze the reasons for the actualization of the concept “border” in Russian society. The introductory part of the article is devoted to the consideration of the concept as a socio-cultural phenomenon, its instrumental capabilities in identifying the implicit structure. The authors further define the aspects that contribute to the conceptualization of the word “border”, and identify correlated concepts and ideas. It is emphasized that this concept is now used in various discourses, but most often in political ones. The next section of the article analyzes the geopolitical and socio-cultural factors that contributed to the transformation of this concept into one of the sense-forming factors in the conceptsphere of Russian/Russian civilization. The authors emphasize that the problem of territorial belonging is always connected with the question of the space of power. In this regard, the concepts correlating with it are revealed: “frontier” as a special socio – cultural space, “identity”, “own-alien”. It is noted that under the influence of the philosophy of postmodernism there is a process of transformation of the last antinomy and leveling of its polar components, its transition to the tolerant formulation “own – another”. In conclusion, the authors consider the potency of using the concept “border” to identify trends and structures (core – periphery) of modern Russian socio-cultural space.

Keywords: concept, frame, conceptual sphere, identity, Another, friend or foe.

Для цитирования: Синявина Н. В, Махович Е. В. Актуализация концепта «граница» в современной российской действительности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 34–42.

Если обратиться к орфографическому словарю, то можно найти следующие определения слова «граница»: «1. линия раздела между территориями, рубеж; 2. предел, допустимая норма [6, с. 182]». Таким образом, первое значение подразумевает прежде всего географическое и/или политическое понимание границы (государственная, областная, региональная, граница бассейна реки и пр.), а второе определяет пространственную и/или временную черту, некую последнюю, крайнюю грань. Другими словами, смысловое наполнение данного слова многообразно поливариантно.

Однако допустимо ли отнесение понятия «граница» к термину «концепт»? Сегодня в гуманитарных дисциплинах ак-

тивно дискутируется вопрос о соотношении терминов «понятие» и «концепт», поскольку наличествует расхождение в их употреблении, выявляются их существенные характеристики, уточняются смысловые значения. Исходя из проанализированной литературы по данной проблеме (С. А. Аскольдов, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, В. И. Карасик, А. Н. Князев и другие), будем трактовать понятие как «то, о чём люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не) уверенности [3, с. 616]». Сложность процесса реконструкции заключается в том, что границы того или иного концепта не

закреплены, они подвижны, а «суть концепта в членении, разбивке и сечении. Он представляет собой целое, так как тотализирует свои составляющие, однако это фрагментарное целое. Только при этом условии он может выделиться из хаоса психической жизни, который непрерывно его подстерегает, не отставая и грозя вновь поглотить [2, с. 27]». Более того, концепт всегда коррелирует с определённой проблемой, вне которой его смысл утрачивается. Другими словами, концепт можно рассматривать как инструмент, помогающий реконструировать картину мира, в контексте которой происходит его бытование. Приведённые характеристики убедительно доказывают возможность трактовки термина «граница» как концепта. Необходимо отметить, что ещё одной специфической чертой концепта выступает мозаичность, поскольку в нём постоянно протекает процесс перформатирования, принесения элементов других концептов, что приводит к его морфологической трансформации, с чем связана и сложность в структурировании его сущности. Проблемное же поле концепта представляет «целый перекрёсток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими концептами [2, с. 30]».

Актуализация концепта «граница» в современном мире связана со сменой культурной парадигмы, переориентацией на коммуникативность, диалогичность, с преодолением замкнутости традиционных культур, с плюрализмом и толерантностью в оценке культурных ценностей и норм. В связи с этим концепт употребляется во многих типах дискурсах, в том числе и политическом.

Как отмечает Г. Гусейнов: «Государственная граница – не просто часть кар-

ты, но вполне самостоятельная категория, которая и очерчивает некую территорию, и проведена внутри каждого индивида, себя с этой категорией отождествляющего ... Граница проведена, таким образом, в той области личного опыта, которая в наибольшей степени подвержена воздействию политических перемен [1, с. 11]». То есть граница в социокультурном и политическом аспектах всегда нацелена на конструирование собственного, «своего» пространства, рефлексия которого приводит к особому типу концептуализации.

Территория Руси – России всегда была огромна, необъятные пространства с восторгом описывались и древнерусскими авторами (в летописях, в «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли» и пр.), и писателями XIX–XX веков (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, А. А. Блок и другие).

Русские художники, используя сферическую перспективу и глядя на Русскую землю как бы сверху, пытались с помощью живописных средств показать её раздолье (К. С. Петров-Водкин, К. Ф. Юон и другие).

Безграничные просторы Руси – России пробуждали в русском человеке потребность дойти до края, найти его и обозначить (этим, отчасти, можно объяснить такой феномен отечественной культуры, как калики перехожие). Возникшая в IX веке Киевская Русь была государством с «рыхлыми» границами, поскольку шло постоянное расширение её территории за счёт присоединения земель других племён. В этой ситуации одним из определяющих факторов расселения людей стали реки. Со временем речная сеть превратилась в фактор геополитиче-

ский, цивилизационный, поскольку первые русские города основывались именно по пути «из Варяг в Греки», представлявшем своеобразную ось Древнерусского государства: «... тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок из Лавоти, а по Лавоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого озера вытекает Волхов и впадает в озеро Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно доплыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река [7, с. 6]». Как свидетельствует «Повесть временных лет», первые князья начинают активное градостроительство по Десне, Стугне, Суле и другим рекам. Со временем эти города превращались в укрепленные поселения, возводились земляные валы, чтобы защитить южную и юго-восточную границу Руси от набега кочевников.

Система укреплений, возведённая Владимиром Святославовичем, была не только оборонительным сооружением, но имела ещё и символический смысл – отделяла сакральное пространство Киевской Руси, освящённое христианством, от профанного, отделяла «своих» от «чужих». Любопытно, что в Киевской Руси того времени существовало такое понятие, как «наши поганые» (это могло обозначать и «язычник», и «чужой», и «неправильный» [5, с. 262]), под которым подразумевали кочевников, живущих на рубежах русской земли и ставших земледельцами, участвовавших вместе с русскими князьями в походах против кочевников.

Особенность процесса приращения земель русским государством в IX–XVII веках состояла в постоянном «растворе-

нии» границ, представлении об их удалённости. Данное обстоятельство не способствовало формированию в политическом сознании тенденции к пространственному самоограничению, обозначению ареала колонизации. Как и в Киевской Руси, русские правители XVI–XVII веков ограничивались возведением сети кордонов и крепостей, которые следует воспринимать лишь как маркеры завоёванной территории.

Ещё более наглядный пример – Петербург, основанный в непосредственной близости к границе государства, на его окраине, на спорной территории, которую делили между собой Россия и Швеция. Как отмечал Ю. М. Лотман: «Перенесение политико-административного центра на *географическую* (выделено Ю. М. Лотманом. – Н. С., Е. М.) границу было одновременно перемещением границы в идейно-политический центр государства. А последующие панславистские проекты перенесения столицы в Константинополь перемещали центр даже за пределы всех реальных границ [5, с. 266–267]». Пётр I не случайно выбрал для строительства новой столицы совершенно непригодную для этих целей территорию: болотистую, с постоянно оползающей почвой, с частыми наводнениями. Как в свое время Людовик XIV, устраивая резиденцию в Версале, желал подчеркнуть своё превосходство во всём и надо всем, включая природу, воплотил в этом дворцово-парковом ансамбле центральную идею своего правления: «Государство – это я!», так и Пётр, превращавший Россию в империю, нуждался в доказательствах подобного рода.

Кардинальным образом ситуация меняется после Октябрьской революции,

когда СССР начинает позиционировать себя как «осаждённую крепость», что провоцирует формирование «островного сознания». В этот период концепт «граница» коррелируется ещё и с такими лексическими новинками, как «зарубежье» и «железный занавес». В понятие «зарубежье» («зарубежный») заложено больше политического и идеологического смысла, нежели в термине «заграница» («заграничный»). Введение понятия «зарубежье», наряду с уже существовавшим «заграница», отразило тенденцию, возникшую в русской культуре 1920-х годов, когда начался массовый исход русского населения в эмиграцию. То есть под «зарубежьем» русские эмигранты подразумевали прежде всего Россию, которую они унесли с собой, включая её границы (здесь уместно вспомнить заглавие мемуаров Р. Гуля «Я унёс Россию»). В данном случае концепт «граница» приобретает дополнительное смысловое значение и усиливает противостояние между «своими» / «чужими» (уехавшими / оставшимися).

Таким образом, разговор о государственной территориальной принадлежности всегда коррелирует с пониманием пространства власти. В ситуации, когда правящая элита ориентирована на закрытость и изоляцию подчинённой ей территории, начинают возникать материальные преграды, функция которых не столько фортификационная, сколько отделяющая «своих» от «чужих» и одновременно объединяющая, позволяющая ощутить политическое и социокультурное единство власти и народа, выступающая гарантом их неразрывной связи. Например, в советский период метафора «железный занавес», прозвучавшая в знаменитой Фул-

тонской речи У. Черчилля (5 марта 1946 года), приобретёт вполне материальные очертания посредством строительства Берлинской стены, которая символизировала линию раздела мира социалистического (Свет, Добро) и капиталистического (Тьма, Зло).

Россия многими русскими / советскими людьми воспринимается как живой организм (например, «О, Русь моя! Жена моя...» (А. Блок), «Как невесту, Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать» (В. Лебедев-Кумач)), поэтому столь болезненными для большей части общества были её территориальные потери, особенно в 1990-е годы, воспринимавшиеся как распадение «тела» России. На протяжении всей истории существования СССР подчёркивалось, что он занимает 1/6 части суши, а его образование явилось результатом постоянного расширения. При этом «всякое новое расширение ... истолковывалось либо как *восстановление исторической справедливости*, либо как *исполнение (вековых) чаяний* (курсив Г. Гусейнова. – Н. С., Е. М.) того или иного народа [1, с. 30]».

Однако, с другой стороны, в постсоветское время появилась возможность увидеть то, что находится за пределами границы. Но данное обстоятельство в контексте крушения СССР и связанной с ним идеологии привело к нарушению идентификации бывшего советского человека. Более того, следует говорить о маргинализации (то есть трансформации социального положения человека / группы в силу резкого изменения социокультурных и политико-экономических аспектов) в 1990-е годы постсоветского общества в целом, что привело к утрате прежнего социокультурного статуса и

коммуникативных социокультурных кодов, аксиосферы. В этот период общество оказалось на границе исчезнувшего СССР и становящейся новой России, что актуализировало одну из главных проблем того времени – поиск национальной идентичности. Если в советское время процесс национальной идентификации был связан, помимо идеологической основы, с мобилизацией образа врага (капиталистические государства, враги народа), с закреплением в общественном сознании через СМИ исходящей от него угрозы, то в середине 1990-х годов, ориентированных на приобщение к ценностям и нормам западного мира, происходит трансформация и нивелирование этого образа. В результате стали возникать границы внутри российского общества, что привело к появлению и абсолютизации «своих» и «чужих», поскольку в данной ситуации возможность осознать себя появляется лишь в соотношении с другой, иной группой, отличающейся по политическим взглядам, уровню образования, материальному положению и т.д.

Современный западный мир, стремившийся к воплощению концепции мультикультурализма, изменил отношение к понятию «граница». Государственные границы стран Европы стали подвижны, мобильны, произошла их десакрализация, они наличествуют сегодня лишь на карте. Всё это явилось результатом вовлечённости тех или иных регионов в различного рода межгосударственные отношения.

Ситуация в современной России, против которой введены санкции, породившие некоторую её изоляцию, благоприятствует формированию новой культурной идентичности, основой которой будет ориентация на диалог, выстраиваемый

как с другими государствами, так и между различными общественными группами. Однако поведение западных лидеров и общественно-политических организаций не всегда укладывается в рамки дипломатии, что подталкивает к формированию у российской общественности негативного образа Запада. С другой стороны, как уже отмечалось, актуализация образа врага ускоряет процесс идентификации, чему способствует и присоединение Крыма, которое большей частью россиян было воспринято как восстановление исторической справедливости.

В связи с усилением политических коннотаций концепта «граница» нельзя не затронуть проблему приграничья как особой территории, где пересекаются и взаимодействуют различные социокультурные системы. Можно сказать, что приграничье выступает как пространственно-культурный феномен, поскольку в данном регионе в результате процесса инкультурации формируется единое социокультурное пространство приграничных районов, между которыми устанавливаются новые социокультурные коммуникации. В результате этого процесса постепенно складывается иная культурная идентичность, основой которой выступает диалог. Для России исследование феномена приграничья выступает наиболее актуальным, ибо она занимает второе после Китая место по протяжённости сухопутной государственной границы (20 017 км).

Сегодня концепт «граница» выступает удобным инструментом для анализа и оценки сложившейся социокультурной ситуации, поскольку выводит на ряд актуальных для современного мирового сообщества проблем, главными из которых, помимо уже озвученной – идентичность,

выступают дихотомические пары «свой – чужой», «центр – периферия», «Запад – Восток», «традиция – современность».

Большой интерес для рассмотрения представляет первая пара «свой – чужой», поскольку «в последние годы стало принято заменять слово “чужой” понятием “другости”, признавая, таким образом, что феномены, принадлежащие к разным культурам, могут быть поняты и осмыслены как отличные от своих собственных, но не вступающие с ними в противоречие [9]». Если в период Нового времени это понятие было тождественно «чужому», то его актуализация в конце XX века связана с теорией мультикультурализма, позиционирующей себя в качестве философской основы происходящих глобализационных процессов. В рамках этой теории особую актуальность приобретают процессы взаимодействия и взаимоотношения культур, новые технологические возможности передачи информации, культурная идентичность и проблема понимания.

Дефиниция «понимание» в современном гуманитарном знании рассматривается и как метод познания, и как результат коммуникативного акта, под которым имеют в виду и межличностное общение, и интерпретацию иных, отличных от твоих культурных традиций и норм. Так как понимание всегда ориентировано на смысл и связано с коммуникацией, то проблема Другого выводит на феномен диалога. То есть только при наличии Другого возникают диалогические отношения, которые в современном мире выступают как одна из попыток преодоления субъектно-объектных отношений.

Диалогизм как феномен стал предметом исследования для представителей

неклассической философии (Ж.-П. Сартр «со-бытие с Другим», М. Хайдеггер «бытие-с», Л. Бинсвангер «бытие-друг-с-другом»), которая стремится реконструировать с помощью дефиниции Другой, трактуемой ими как фундаментальный и семантический конструкт, понятие субъекта, «к объединению субъекта и объекта как равновеликих и равноценных величин во взаимодействии, к становлению интерсубъективности [9]». Иными словами, субъект нуждается в присутствии Другого, ибо только при наличии Другого субъект оценивает себя, понимает себя через восприятие его Другим.

В современном мире, с его ориентированностью на толерантность и культурный релятивизм, пристальный научный интерес к проблеме Другого связан и с постановкой вопроса о продолжении или отказе использования понятия «общество» в социально-гуманитарных науках, поскольку произошедшие на Западе изменения, затронувшие и социальные процессы, опровергли сложившиеся представления и о природе социального. Реакцией на данное обстоятельство стала потребность выработать новые исследовательские задачи и поиск релевантных методов познания.

Однако для России, с присущей её культуре бинарностью структуры, актуальной по-прежнему остаётся дихотомия «свой – чужой», а границей могут выступать любые, иногда неожиданные аспекты.

Одной из главных проблем российской действительности в конце XX века – начале XXI века стала расколотость общества на национальную и вненациональную части. Особенно ярко данное явление было заметно в конце 1990-х годов,

когда для первых Россия символизировала Россию, а вторые видели в ней лишь «эту страну». «Подобная отстранённость вненациональной России от России проявляется буквально во всём, и наиболее концентрированно – в практике бегства России от российских основ своей цивилизации, в непрестанном навязывании ей идеологии национального нигилизма, которая разрушает всё, что есть русского в России, а потому – и саму Россию [4, с. 129]».

Подводя итог, следует отметить, что, обращаясь к концепту «граница», можно обнаружить особый ракурс видения переходной эпохи, современниками которой мы являемся. Трансформация картины мира неизбежно приводит в движение каждый из её элементов, что позволяет увидеть его в ситуации «интенционального сбоя», а структура и смысловое наполнение концепта «граница» дают возможность наметить контуры становящейся картины мира.

Примечания

1. Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. Москва : ОГИ, 2005. 214 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. Москва ; Санкт-Петербург : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 1998. 288 с.
3. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.
4. Козин Г. Г. Бегство от России (К логике исторических потрясений России в XX веке). Саратов : Надежда, 1996. 168 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва : Оникс, 2008. 638 с.
7. Повесть временных лет // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко ; худож. О. Коровин. Пермь : Книжное изд-во, 1991. 271 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. Москва : Республика, 1992. 447 с.
9. Шапинская Е. Н. Проблема Другого в современной культуре и культурологии // Ориентиры... 2006. № 3. URL: http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheski-issledovaniya-cheloveka/orientiry_3/8446-problema-drugogo-v-sovremennoj-kulture-i-kulturologii.html

Reference

1. Guseynov G. Ch. *Karta nashey rodiny: ideologema mezhdu slovom i telom* [Map of our homeland: ideology between word and body]. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2005. 214 p.
2. Delez Zh. [Deleuze Gilles], Gvattari F. [Guattari Pierre-Félix] *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 1998. 288 p.
3. Demyankov V. Z. Termin “kontsept” kak ehlement terminologicheskoy kul’tury [The term “concept” as an element of a terminology culture]. In: Lyapon M. V., ed. *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey v chest’ akademika N. Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning:

a collection of articles in honor of Academician N. Yu. Shvedova]. Moscow, Publishing house “Azbukovnik”, 2007. Pp. 606–622.

4. Kozin G. G. *Begstvo ot Rossii (K logike istoricheskikh potryaseniy Rossii v 20 veke)* [*Escape from Russia (To the logic of the historical turmoil of Russia in the 20 century)*]. Saratov, 1996. 168 p.

5. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside minded worlds]. *Semiosfera* [*Universe of the Mind*]. St. Petersburg, Art Publishing House, 2001.

6. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53 000 slov* [*Dictionary of Russian language: Approx. 53,000 words*]. 24th edition. Moscow, Publishing House “Onyx”, 2008. 638 p.

7. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In: Ostapenko I., comp. *Drevnerusskie povesti* [*Ancient novel*]. Perm, 1991. 271 p.

8. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [*Time and Being: Articles and speeches*]. Moscow, Publishing House “Republik”, 1992. 447 p.

9. Shapinskaya E. N. *Problema Drugogo v sovremennoy kul'ture i kul'turologii* [*The Problem of the Other in Contemporary Culture and Cultural Studies*]. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheski-issledovanya-cheloveka/orientiry_3/8446-problema-drugogo-v-sovremennoj-kulture-i-kulturologii.html

*

ЛОКАЛЬНЫЕ СВЕРХТЕКСТЫ КАК ФОРМА ОСМЫСЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 008:1

Л. М. Гаврилина

Московский государственный институт культуры

Региональное многообразие российской культуры рассматривается автором как важное и неотъемлемое её качество и анализируется на материале локальных сверхтекстов культуры. Локальные сверхтексты рассматриваются в качестве своеобразных опор национально-го семиозиса, которые акцентируют его важные смысловые точки, одновременно фиксируя его внешние границы. Содержательное пространство локальных сверхтекстов, где локус соотносится со столицами, позволяет ощутить и осмыслить запечатлённую в знаковой форме «цветущую сложность» современной российской культуры, в которой уживаются горизонтальный размах, континуальность и поливариантность с идеей вертикальной доминанты единого и устойчивого центра.

Ключевые слова: культурный текст, локальный текст, локальный сверхтекст, культурная идентичность, региональная культура, «цветущая сложность».

L. M. Gavrilina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

LOCAL SUPERTEXTES AS A FORM OF REFLECTION REGIONAL DIVERSITY OF RUSSIAN CULTURE

The regional diversity of Russian culture is considered by the author as an important and inalienable quality of it and is analyzed on the basis of local supertexts of culture. Local supertexts are considered as peculiar supports of the national semiosis, which accentuate its important semantic points while simultaneously fixing its external boundaries. The content space of local supertexts, where the locus correlates with the capitals, allows one to sense and comprehend the “blooming complexity” of the modern Russian culture, which is embodied in a symbolic form, in which horizontal breadth, continuity and polyvariance coexist with the idea of the vertical dominant of a single and stable center.

Keywords: cultural text, local text, local supertext, cultural identity, regional culture, “blooming complexity”.

ГАВРИЛИНА ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

GAVRILINA LARISA MIKHAYLOVNA – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: gavrilina_larisa@mail.ru
© Гаврилина Л. М., 2018

Для цитирования: Гаврилина Л. М. Локальные сверхтексты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 43–50.

Российская культура, как и любая крупная культура, обречена на существование в состоянии сложного социального, лингвистического, религиозного, этнического, ландшафтного, регионального многообразия. В этих условиях вопросы о соотношении центра и периферии, столицы и провинции, о балансе центробежных и центростремительных тенденций, о соотношении региональных и общенациональной идентичностей остаются стабильно актуальными как для исследователей, так и для российской политической элиты. После обнародования в 1836 году «Философических писем» П. Я. Чаадаева и последовавшей за ними полемики славянофилов и западников проблема национальной идентичности стала сквозной в российской историографии, она проявилась в поисках «русской идеи», в идеологии евразийства. Вопросы «кто мы?» и «каково наше место в мире?» в русской социально-философской мысли стали главными, их значимость не снижается на протяжении уже как минимум двух веков. Советский период русской истории дал свои ответы на них: было объявлено о возникновении новой социально-политической общности – «советский народ». Однако эта идея была подвергнута критике и отброшена. В условиях постсоветских реалий в глобализирующемся мире эти «вечные» вопросы приобрели новую актуальность. Анализируя сложный процесс поисков самобытной национальной идентичности в России, американский исследователь русской культуры Дж. Биллингтон заметил: «ни один другой народ мира

не затратил столько интеллектуальной энергии для ответа на этот вопрос, как народ России [4, с. 26]».

Обсуждение проблемы национальной идентичности предполагает рефлексию в двух измерениях: во *внутреннем* (анализ культурного многообразия и выявление культурного ядра – некоей базовой целостности, позволяющей говорить о единстве) и *внешнем* (сопоставление этой целостности с окружающим миром). Они тесно связаны: для того чтобы оценить свой облик «вовне», нужно увидеть то, что объединяет многочисленные варианты «внутри». Поиск баланса между единством и разнообразием – одна из самых актуальных тем русской культурфилософской мысли, привлекавшая внимание многих мыслителей.

Так, К. Н. Леонтьеву, в соответствии с открытым им «законом триединого развития», идеальным представлялось состояние «цветущей сложности», в котором складывается взаимодействие противоположностей, когда стволовая вертикальная иерархия дополняется горизонтальными побегами. Формула К. Н. Леонтьева и её толкование, данное как самим философом, так и некоторыми его интерпретаторами (в частности, В. В. Розановым), представляются нам весьма современными, в чём-то перекликающимися с получившими популярность во второй половине XX века идеями синергетики.

Несмотря на избыточную полемичность и метафоричность рассуждений этого самобытного русского мыслителя, его концепт «цветущей сложности» по-

лучил широкую известность, он позволяет обосновать механизм развития крупных культур, в которых неизбежно должны сочетаться (если они хотят сохранять своё существование) процессы «увеличения внутреннего богатства» и «постепенного укрепления единства». Высшая точка развития, по мнению К. Н. Леонтьева, «есть высшая степень сложности, объединённая ... внутренним деспотическим единством [9, с. 69]».

Многообразие современной российской культуры имеет множество измерений, соответственно, рассматривается исследователями в разных плоскостях. На фоне кризиса идентичности на постсоветском пространстве, связанного с распадом Советского Союза, когда рухнула официальная формула коллективной идентичности («советский народ»), бурно развернулись процессы регионализации и этнизации.

В начале 1990-х годов наиболее актуальными и острыми как для исследователей, так и для политической элиты стали проблемы полиэтничности и многоконфессиональности российской культуры, в которых многие видели угрозу самому существованию единства страны. Позже сложился устойчивый региональный дискурс, посвящённый исследованию территориального разнообразия российской культуры, связанного со спецификой ландшафтно-климатических, социально-политических и культурно-исторических условий существования отдельных территорий России. Постепенно он аккумулировал этнический и конфессиональный дискурсы. В пространстве региональной субкультуры создаются условия для успешной коммуникации людей, проживающих на данной территории, для

интеграции элементов этнического, конфессионального, лингвистического, символического разнообразия. Региональные культуры рассматриваются исследователями как *субкультуры* внутри российской национальной культуры [2].

Огромная территория России стала залогом формирования её культурного многообразия. Представляется важным подчеркнуть, что этот процесс – длительный и сложный – не является механическим и не определяется лишь географическими и климатическими факторами. Долгое время в социально-гуманитарном знании господствовало объективистское понимание региона как некоего «вместилища», складывающегося естественным образом и зависящего от набора объективных факторов (природный и культурный ландшафт, климат, история и т.д.). Начиная с 1980-х годов сформировалась исследовательская программа социального конструктивизма, в рамках которой реальность анализируется как смысловая конструкция и перестаёт восприниматься как нечто, заданное исключительно объективными условиями; регионы, как и нация, оказываются одновременно и «воображаемыми сообществами» [1]. Нам близка позиция тех исследователей, которые считают наиболее приемлемым синтез двух методологий (объективистской и конструктивистской), когда «необходимо принимать во внимание как “реальные качества” данной территории, так и социальные концепты, разворачивающиеся вокруг него [7, с. 126]».

В данном контексте представляется вполне оправданным разделение понятий «*культура региона*» как формы существования сообществ в определённых пространственных условиях и «*регио-*

нальная культура» как формы самосознания регионального сообщества, осмысления им особенностей своего существования. В этом смысле можно утверждать, что не всякий регион создаёт свою региональную культуру, которая предполагает ещё и формирование некоей ментальной ценностно-смысловой конструкции [13].

В условиях тотального идеологического вакуума, возникшего после распада Советского Союза, выходом для многих региональных сообществ стало обращение к «месту», в котором они проживали, поиск его «изюминки», специфики, отличающей «нас» от «них». Процесс сложения региональной идентичности носил по преимуществу стихийный характер, направленный на адаптацию социума к новым условиям, однако заметную роль сыграли и местные элиты, пытавшиеся конструировать идентичность региональных сообществ. Создание привлекательного образа региона было важным как для внутреннего употребления (поддержания психологического комфорта жителей), так и для достижения политических и экономических целей вовне. Успешный брендинг «места» стал важной задачей для региональных элит. В условиях «текущей современности» локальные сообщества таким образом утверждали «локальный порядок на фоне глобального хаоса [3, с. 44]», делая своё пространство ценностно значимым через фиксацию или конструирование особенностей собственного локуса. Место, локус, регион приобрели большую ценность и значимость в сознании россиян, а пространство национальной культуры стало обретать невиданное в советское время многообразие.

С начала 2000-х годов складываются новые политические условия, связанные с реформированием федеративных отношений. Исследователи отмечают мощный рост конкуренции между регионами, каждый из которых пытается превратить собственную уникальность в политический, экономический и культурный ресурс развития региона. «Вопросы позиционирования, регионального имиджа, оценки и повышения туристического и инвестиционного потенциала региона, улучшения позитивного самоощущения регионального сообщества от проживания в данном регионе, необходимости изменения миграционного сальдо в положительную сторону получают статус законодательно оформленных приоритетов [14, с. 3]».

При всём различии подходов, мнений и позиций авторов, представленных в пространстве регионального дискурса, утверждается представление о культуре России как о сложной гетерогенной системе, которую можно рассматривать как «исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития [13, с. 88]».

Одним из актуальных направлений современных исследований проблемы регионального многообразия российской культуры, сложившимся в обширный социогуманитарный дискурс, является анализ локальных (или «городских») текстов культуры как своеобразных текстов-конструктов, отражающих специфику того или иного локуса и являющихся знаковой его манифестацией. Локальные тексты являются репрезентацией идентично-

сти местного сообщества и одновременно формой и способом её конструирования. Региональная идентичность складывается в процессе осознания и интерпретации местного своеобразия, выработки значимых и приемлемых для регионального сообщества смыслов, символов, мифов, которые способны поддержать его единство. Наиболее устойчивые нарративы, зафиксированные в знаковой форме, становятся основой локальных текстов.

Текстуальное пространство национальной культуры – семиосфера – представляет собой сложно организованное многоуровневое единство. Анализ и интерпретация культурных текстов – признанный метод исследования культуры, который даёт возможность увидеть не только естественное многообразие российского культурного ландшафта, но и осмысленное, ценностно окрашенное отношение к нему, пропущенное через сознание субъекта-носителя культуры и запечатлённое в знаковой форме. Осмысление этого многообразия и соотнесение его с некоей базовой целостностью – культурным ядром – лежит как в основе формирования всех региональных / локальных культур, так и в основе региональных исследований в России. Пространство локальных текстов российской культуры предоставляет богатый материал для анализа современного её состояния. Нам представляется значимым разделять феномены «локуса как текста», «локального текста» и «локального сверхтекста» [5].

«*Локус как текст*» – форма текстуальной репрезентации, соответствующая понятию «культура региона». Любой регион, как освоенное людьми пространство, обладает той или иной зна-

ковой выраженностью, то есть является текстом. В процессе социокультурной деятельности человек не только физически преобразует территорию, но и семиотизирует её, организуя символически. Россия, обладая огромной территорией с многонациональным, многоконфессиональным населением, представляет собой многоцветную культурную палитру со множеством ландшафтных и климатических зон, религиозных и этнических особенностей, выразившихся в архитектурных формах, в способах организации пространства и т.д.

Локальные тексты порождаются региональными культурами со сложившимися устойчивыми характеристиками, которые так или иначе осмыслены, артикулированы, означены самими жителями этих мест или приезжими наблюдателями. *Локальный текст* как некий образ места складывается благодаря переживанию / осмыслению его специфики (петербургский, пермский, крымский, московский, кавказский, сибирский, алтайский, северный, поморский, калининградский и другие тексты).

Наибольший интерес вызывают *локальные сверхтексты*, которые порождают региональные культуры с ярко выраженными особенностями, самобытной индивидуальностью, уникальной судьбой, сложившимся культурным ядром.

Локальный сверхтекст представляет собой *незамкнутую устойчивую совокупность текстов*, имеющих общую внетекстовую ориентацию [12]; он обладает *единством лексики и интерпретационных кодов*, ему присуще единство и семантическая связность [15]; организован на основе *принципа ценностно-смысловой центрации* [10].

На основе осмысления / переживания центральной идеи складывается «*максимальная смысловая установка*» [15], отражающая концептуальное ядро сверхтекста, которое построено по бинарному принципу и обладает «*антитетической напряжённостью*» [5].

Локальный сверхтекст, являясь *культурной реализацией локального мифа*, занимает особое место в национальном культурном космосе. Здесь в полной мере относится утверждение А. П. Люсого о том, что в российской культуре «каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального “выворачивания” всей России через себя [11, с. 8]». Это отмечают многие исследователи. Сошлемся, в частности, на исследователя северного текста Е. Ш. Галимову, которая видит в нём «особый северорусский вариант национальной картины мира [6]».

Локальные сверхтексты запечатлевают символический облик региона через соотнесение собственной инаковости с общенациональным, государственным целым, через сопоставление местных особенностей с Москвой как столицей и с Петербургом как второй (другой, европейской) столицей.

Исторически сложилось так, что роль столицы в России всегда была очень велика: обширное пространство всегда требовало властной вертикали, нуждалось в сильном центре. Его политическое, экономическое, культурное доминирование было присуще русской культуре на протяжении многих столетий. По мнению В. А. Каганского, одного из ведущих российских исследователей в области культурной географии, в России «направление “центр – периферия” – главное на-

правление дифференциации, изменения всего культурного ландшафта ... Отсутствие полноценных горизонтальных связей между местами – естественное следствие абсолютного централизма и моноцентричности; все места связаны друг с другом исключительно через единственный центр», который является репрезентатором вовне всей системы в целом, её властным, смысловым и хозяйственным ядром [8, с. 8].

Локальные сверхтексты можно рассматривать также в качестве своеобразных смысловых реперов, опор национального семиозиса, они дают возможность прочувствовать весь размах и разнообразие культурного пространства России, акцентируют его предельные точки, одновременно фиксируя его внешние границы. Соотнося свой локус со столицами, с общенациональным центром, локальные сверхтексты, таким образом, служат утверждению этого цивилизационного единства. Центр / столица выступает в региональных идентификационных стратегиях как значимый «Другой».

Содержательное пространство локальных сверхтекстов позволяет увидеть представленную в знаковой форме «цветущую сложность» современной российской культуры, в которой уживаются горизонтальный размах, континуальность и поливариантность с идеей вертикальной доминанты единого и устойчивого центра.

Представляется, что социокультурное разнообразие российских регионов является неотъемлемым свойством, атрибутом бытия российской культуры, что при сохранении необходимой степени единства может быть надёжной основой устойчивости Российского государства.

Примечания

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской. Москва : Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Андрейчук Н. В., Гаврилина А. М.* Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ) : монография. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. 139 с.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исследования постиндустриального общества, Журнал «Свободная мысль». Москва : Логос, 2002. 326 с.
4. *Биллингтон Д.* Россия в поисках себя / пер. с англ. Н. Н. Балашова. Москва : РОССПЭН, 2005. 220 с.
5. *Гаврилина А. М.* Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 104–111.
6. *Галимова Е. Ш.* Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/73b/galimova.pdf>
7. *Головнева Е. В.* Социальный конструктивизм и значение материального в экспликации понятия «регион» // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 120–128.
8. *Казанский В. А.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. Москва : Стрелка Пресс, 2013. 29 с.
9. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Избранное / сост., вступ. ст., с. 3–18, И. Н. Смирнова. Москва : Рарог : Московский рабочий, 1993. 397 с.
10. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Северодвинский филиал. Архангельск : Поморский ун-т, 2007. 342 с.
11. *Люсый А. П.* Московский текст : текстологическая концепция русской культуры. Москва : Вече : Русский импульс, 2013. 317 с.
12. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
13. *Мурзина И. Я.* Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского ГУ. 2004. № 29. С. 86–97.
14. *Назукина М. В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата политических наук : 23.00.02 / Назукина Мария Викторовна. Пермь, 2009. 26 с.
15. *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга : Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1993. С. 205–235.

References

1. Anderson Benedict *Imagined communities*. (In Rus. ed.: Anderson B. *Voobrazhayemye soobshchestva: razmysleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, Publishing house “Kuchkovo field”, 2016. 416 p.)
2. Andreychuk N. V., Gavrilina L. M. *Fenomen kaliningradskoy regional'noy subkul'tury (sotsial'no-filosofskiy i kul'turologicheskiy analiz)* [The phenomenon of the Kaliningrad

regional subculture (socio-philosophical and culturological analysis)]. Kaliningrad, Publishing house of the Immanuel Kant Baltic Federal University, 2011. 139 p.

3. Bauman Z. *Individualizirovannoe obschchestvo [Individualized society]*. Moscow, Logos Publishing House, 2002. 326 p.

4. Billington James H. *Russia in search of itself*. Washington; London: Wilson center press; Baltimore; London: Hopkins univ. press, 2004 (In Rus. ed.: Billington D. *Rossiya v poiskakh sebya [Russia in search of itself]*). Moscow, ROSSPEN Publishers, 2005. 220 p.)

5. Gavrilina L. M. Architectonics of the local supertext of culture. *Vestnik TVGU. Seriya: Filosofiya = Herald of Tver state university. Series: Philosophy*. 2016, no. 3, pp. 104–111. (In Russian)

6. Galimova E. Sh. *Severnyy tekst v sisteme lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) sverkhstekstov russkoy literatury [Northern text in the system of local (urban and regional) supertexts of Russian literature]*. Available at: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/73b/galimova.pdf>

7. Golovneva E. V. Social constructivism and the meaning of materiality in explication of the term “region”. *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015, no. 1, pp. 120–128. (In Russian)

8. Kagansky V. L. *Kak ustroena Rossiya? Portret kul'turnogo landsbafta [How is Russia structured? Portrait of a cultural landscape]*. Moscow, Strelka Press, 2013. 29 p.

9. Leontyev K. N. Vizantizm i slavyanstvo [Byzantinism and Slavdom]. In: Leontyev K. N. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow, Publishing house “Moskovskiy rabochiy”, 1993. 397 p.

10. Loshakov A. G. *Sverkhstekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen [Supertext as a verbal and conceptual phenomenon]*. Arkhangelsk, Publishing house of the Pomor State University, 2007. 342 p.

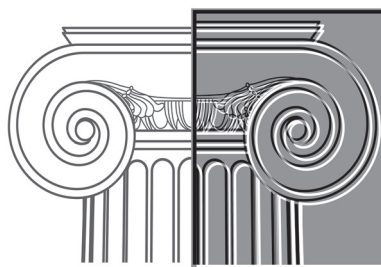
11. Lyusy A. P. *Moskovskiy tekst: Tekstologicheskaya kontseptsiya russkoy kul'tury [Moscow text: The textual concept of Russian culture]*. Moscow, Publishing house “Veche”, 2013. 317 p.

12. Mednis N. E. *Sverkhsteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]*. Novosibirsk, 2003.

13. Murzina I. Ya. Regional'naya kul'tura kak predmet filosofsko-kul'turologicheskogo issledovaniya [Regional culture as an object of philosophical and cultural research]. *Izvestia. Ural Federal University Journal*. 2004, no. 29, pp. 86–97.

14. Nazukina M. V. *Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskyy analiz. Avtoreferat diss. kand. polit. nauk [Regional identity in modern Russia: typological analysis. Synopsis cand. polit. sci. diss.]*. Perm, 2009. 29 p.

15. Toporov V. N. Peterburg i peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg and the Petersburg text of Russian literature]. *Metafizika Peterburga: Peterburgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury. Vypusk 1 [Metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on the theory, history and philosophy of culture. Issue 1]*. St. Petersburg, 1993. Pp. 205–235.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

«**Р**ЕВНИВО ОБЕРЕГАЯ ЧИСТОТУ СЕМЕЙНОГО ОЧАГА»: КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЭМИГРАНТСКОЙ СЕМЬИ (1920–1930-е годы)

УДК 008:930.85

С. С. Ипполитов

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются культурные, правовые, социальные особенности повседневной жизни эмигрантских семей из России. Анализ культурного разнообразия повседневной жизни русских колоний по всему миру в 1920–1930-х годах приводит к выводу о решающей роли семьи в выборе эмигрантом дальнейшего жизненного пути, который мог привести к одному из двух возможных вариантов: ускоренной ассимиляции либо к созданию в эмиграции замкнутых по культурному и национальному признаку сообществ, ставших в итоге основой феномена «русский мир» в зарубежье.

Ключевые слова: культура российской эмиграции, ассимиляция, социальная адаптация, русский мир, повседневность, культура повседневности, Гражданская война в России.

S. S. Ippolitov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

“EVENINGLY PROTECTING THE FREEDOM OF FAMILY CENTER”: CULTURE OF EVERYDAY EMIGRANT FAMILY (1920–1930s)

The article deals with cultural, legal, social features of everyday life of emigrant families from Russia. An analysis of the cultural diversity of the everyday life of the Russian colonies throughout the world in the 1920s–1930s leads to the conclusion that the family has a decisive role in the choice of the emigrant for a further life path that could lead to one of two possible options: accelerated assimilation or the creation in emigres of closed cultural and national characteristics of communities, which in the end became the basis for the phenomenon of “Russian world” in foreign countries.

Keywords: culture of Russian emigration, assimilation, social adaptation, Russian world, everyday life, everyday culture, Civil war in Russia.

ИППОЛИТОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, проректор по развитию, декан факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

IPPOLITOV SERGEY SERGEEVICH – Ph.D. (History), Vice-Rector for Development, Dean of the Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: nivestnik@yandex.ru
© Ипполитов С. С., 2018

Для цитирования: Ипполитов С. С. «Ревниво оберегая чистоту семейного очага»: культура повседневности эмигрантской семьи (1920–1930-е годы) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 52–64.

Устойчивое выражение «семья – ячейка общества» за многие десятилетия употребления в общественно-политическом контексте стало привычным. Действительно, именно семья задаёт непрерывный культурный контекст, который во многом определяет культурную, социальную и общественно-политическую палитру общества. Безусловно, это движение двустороннее: влияние общества и государства на семью многопланово и разнообразно; этой проблеме посвящено значительное количество профессиональных исследований.

Но зададимся вопросом: что происходит с семьей, волею судьбы созданной на чужбине или заброшенной в чужое общество? В общество с чуждой культурой, нормами права, историей и повседневными обычаями? Как она зарождается, живёт и развивается?

Обречена ли она на неизбежную ассимиляцию или запаса национальных культурных устоев, впитанных и усвоенных поколениями, достаточно для создания небольшого замкнутого «микромира», где русская культура, язык и обычаи будут жить, невзирая на ментальную агрессию внешней среды?

Гражданская война в России и эмиграция, помимо тяжелейших испытаний, повлекли за собой ещё одну беду. Сотни тысяч семей распались или потеряли кого-то из близких, целое поколение молодых мужчин из-за длительного периода войн и потрясений оказалось исключено из процесса создания семей. Многие из тех, кто был женат, оказались разлучены

с семьями без всякой надежды на воссоединение в будущем. Поиск в эмиграции спутника или спутницы жизни для одиноких россиян становился важным по естественному человеческим, культурным, экономическим соображениям. Ведение совместного хозяйства, особенно в чужой стране, в наёмном жилище, всегда оказывалось более эффективным. Жизнь в эмиграции брала свое, и российские беженцы, покинувшие Россию без семей, начинали обустраивать свою личную жизнь.

Материальный и бытовой уровень жизни российских беженцев, сохранение или утрата ими культурной идентичности были очень тесно связаны с другой проблемой – ассимиляцией. В разных странах «беженского рассеянья» были свои специфические особенности, обусловленные культурной, правовой, религиозной, экономической средой. Однако ассимиляция россиян имела во всех этих странах и свои общие, национальные черты.

Особенно заметным стало многообразие культуры повседневности русских колоний во Франции. Именно в этой стране русским эмигрантам удалось сохранить собственную национальную и культурную идентичность, создавать замкнутые в культурном и языковом смысле колонии и поселения. Но процессы ассимиляции проникали и в эту казавшуюся культурно однородной среду соотечественников.

Одним из факторов, ускоривших ассимиляционные процессы, стали демографические особенности русской эмиграции, большую часть которой составляли

молодые мужчины трудоспособного возраста, что влекло за собой возникновение смешанных русско-французских браков. Сыграло в этом вопросе свою роль и значительное количественное преобладание в структуре русских колоний мужчин над женщинами – в три-пять и более раз: русский мужчина во Франции просто не мог найти себе спутницу жизни из России. Этому явлению способствовал также живой интерес к российским беженцам во французском обществе и «русская мода» – уникальный культурный феномен, буквально захлестнувшая Европу 1920-х годов.

Способствовало ассимиляции и созданию смешанных семей и французское законодательство: в отличие от гражданок Германии [12], француженки не лишались гражданства при вступлении в брак с иностранцем. В 1925 году российским эмигрантам было разрешено «воссоединение семей»: появилась возможность вызвать из России своих близких родственников, что стало чрезвычайно важным событием в жизни русской колонии во Франции.

Немецкое законодательство, наоборот, тормозило этот процесс. Так, в апреле 1922 года, после заключения Рапалльского договора¹, в Германии прекратилось признание браков, заключённых россиянами в период Гражданской войны на территориях, подконтрольных белым режимам [17, с. 146]. Внезапно все

¹ Рапалльский договор 1922 года между РСФСР и Германией, подписан в г. Рапалло (Италия) 16 апреля во время Генуэзской конференции 1922 года. Предусматривал немедленное восстановление в полном объёме дипломатических отношений между РСФСР и Германией. Обе стороны признавали принцип наибольшего благоприятствования в качестве основы их правовых и экономических отношений, обязывались содействовать развитию их торгово-экономических связей.

русские эмигранты, находившиеся в тот момент времени на территории Германии и связанные узами брака в период войны, оказались практически вне закона: их семейный статус мог быть оспорен правительственными органами, они не могли пользоваться нормами семейного права страны пребывания, наследовать имущество своих супругов. И особенно болезненной эта правовая коллизия стала для рождённых в таком браке детей: все они в один момент становились «незаконнорожденными», что в культурной традиции русских семей было событием немислимым.

Острое чувство одиночества от потери родины, оторванности от родной культурной, языковой, духовной среды, от потери дома и устроенного быта усугублялось у российских беженцев и острым личным одиночеством.

М. Раев обращал внимание на изолированность и одиночество тех россиян, которые оседали во французской провинции. Многие из них «... потеряли свои семьи либо в России, либо на пути в изгнание. Эти люди по-прежнему хранили верность своим родным и друзьям. Они стремились поддерживать в себе чувство общности, основанное на единстве прошлого и судьбы, что само по себе исключало серьёзные попытки к интеграции. Но жизнь брала своё; смешанные браки становились для русских мужчин необходимостью, создание семьи помогало постепенно избавиться от мировоззренческого, культурного, ментального шока после трагического разрыва с родиной. Смешанный брак помогал скорейшей адаптации, быстрому вхождению в социокультурную среду нового общества, позволял создать обустроенный повседневный

быт, которого так недоставало беженцам на чужбине.

Но такие смешанные браки не оставляли русскому эмигранту пространства для выбора дальнейшей культурной альтернативы: ускоренная ассимиляция с этого момента была практически неизбежной, и одним из её проявлений становилось крещение рождённых в совместном браке детей по католическому обряду. Да, прецеденты подобного рода остро осуждались в русских православных колониях, но “увод” ребёнка из православия часто воспринимался родителями в качестве шанса на успех во взрослой жизни. Культурная, религиозная ассимиляция закладывалась самими родителями с первых дней жизни их общего ребёнка, не оставляя ему в будущем возможности выбора между национальной и культурной идентичностью отца или матери [3, с. 1]».

Истории смешанных брачных альянсов, в которые вступали российские эмигранты, порой бывали и драматичны, и забавны. Вот одна из них, опубликованная в парижских «Последних новостях» в 1936 году.

«Сошёлся русский рабочий, бывший офицер, с француженкой, служившей прислугой у богатого домовладельца и страстного коллекционера нумизмата. Русский пошёл провожать, а потом и завязался настоящий роман. Но не совсем обыкновенен оказался старый домовладелец и нумизмат. Человек одинокий и учёный, он собирал всю жизнь старые монеты, коллекции насекомых, оружие, мебель. Громадный дом был переполнен этим добром. Вскоре старик умер. Француженка не раз говаривала своему русскому другу: “хозяин, наверное, оставит мне тысяч тридцать, вот откроем с тобой

какое-нибудь дело и заживём вместе”. Но завещание старика превзошло самые смелые надежды. Верной прислуге он оставил всё своё состояние и несколько миллионов, включая коллекции, громадный дом и загородную виллу.

Новая миллионерша зажила барыней в большом, напоминавшем музей особняке. Казалось бы, самая пора выходить за друга замуж, но “славянская душа” неожиданно запротестовала: “Жениться не могу. У меня в России жена осталась. Сведений о ней не имею, но разводиться не желаю, – выйдет, что ты меня на свои миллионы покупаешь. Мне твоего не нужно”.

Пожив с француженкой месяц, другой, русский исчезает без копейки денег, где-то работает, потом является снова. Поживёт и опять исчезнет. Несчастливая миллионерша уже привыкла к этому и только горюет:

– Такой ведь странный, уходя из дома, хотя бы десять франков взял. А то и на папиросы не возьмёт, так ни с чем неведомо куда и пропадает.

Она живёт одна, поджидая бескорыстного друга, и рада встрече с русскими. Верна осталась она и памяти умершего хозяина. Пристрастившись к коллекционерству, француженка стала сама разъезжать по аукционам и скупать старинные вещи. Коллекции растут, во всём поддерживается прежний порядок, но счастья и довольства нет, и жизнь проходит... [13, с. 4]».

Но такие истории происходили нечасто. Как правило, русские люди на чужбине старались обустроить своё семейное гнездо, скрепить жизнь домашним очагом, детьми, уютом. Франция в этом смысле предоставляла российским бе-

женцам такие шансы. Многие французские промышленные предприятия, заинтересованные в сохранении постоянно квалифицированного коллектива рабочих, старались обустроить их семейный быт, поддерживая и поощряя семейное обустройство и рождение детей, справедливо полагая, что семейный работник с детьми будет намного ответственнее относиться к своей работе, чем его холостой коллега. Именно при реализации этой политики в окрестностях Парижа и в других местах французской провинции возникали поселения русских эмигрантов, селившихся компактно в домах, которые им предоставляла заводская администрация, и обустроивших повседневный быт своих семей по образу и подобию покинутых родных мест.

« – Хорошо здесь живём, – рассказывала корреспонденту “Последних новостей” русская старушка. – Квартиры удобные, по две-три комнаты с кладовой и дебарой, у всех огорода. Всюду электричество, а уголь привезут тебе и сами сложат. Ребят бесплатно в школе учат. За работу платят неплохо...

– Есть семьи, где по пяти ребят, а четверо это и немного ещё считается. Одним, что ни год, бог ребёнка посылает, а у других нет как нет. Одни тут всё огорчались, что детей не было, в прошлом году пошли в воспитательный дом, взяли себе ребёнка и усыновили. Выбирали с толком, чтобы белокурый был и глаза голубые, на русского похож. И представляете, нашли такого: ну, совсем русский – и беленький, и голубоглазый. Владимиром назвали. Чудесный мальчик [14, с. 4]».

А вот как выглядел возникший недалеко от Парижа «настоящий казачий хутор» и его обитатели:

«Внешнего, казачьего, в них мало: обыкновенные пиджаки, галстуки и шляпы. Многие свободно говорят по-французски, поженились на французенках и пустили прочные корни в местной почве ... Жениться можно и на французенке, и на галичанке. Невест сколько угодно. А дальше толковый человек – сам кузнец своего счастья.

– Моей дочке уже восемь лет. Жена по-русски, конечно, не понимает, дома говорим по-французски, девочка немного понимает по-русски, но говорить не может. Я научил её читать русскую газету. Она возьмёт “Последние новости”, водит пальцем и читает заголовки: “Ста-лин бо-лен”. А потом спрашивает: “Папа, кес-ке-сэ Сталин? Кес-ке-сэ болен?” Времени всё не хватает, как следует обучить её...

– И я сына никак не могу научить по-русски. По-французски я неважно изъясняюсь. С женой-то кое-как говорю, а с сыном понимаем один другого с пятого на десятое. Пробовал ему рассказывать про Россию, про нашу природу, про охоту. Он слушает, молчит, а понимает ли что-нибудь, я не знаю...

– У одних наших похуже было. Отец с матерью русские и по-французски никак научиться не могли. Оба работали целые дни, а детей оставляли на попечение французенок, квартирной хозяйки. Потом дети стали бегать в школу. Родители придут с работы, а тем уже и спать пора. Где тут разговоришься. Теперь совсем друг друга не понимают. Родители говорят только по-русски, а дети только по-французски. Чуть посложнее – через переводчика объясняться надо... [15]».

Не обошли стороной эти культурные тенденции и французские колонии. Для многих эмигрантов интересы новой роди-

ны во французских колониях, например в Марокко, перестали восприниматься как нечто чуждое. Русские родители часто одобряли смешанные браки, гордились тем, что их сыновья женились на «настоящих» француженках или их дочери выходили замуж за «настоящих» французов. Эмигранты переезжали в Марокко семьями. Но, бывало, создавали их и здесь. Нередко семьи распадались, а бывшие супруги разъезжались. «Люди служили, растили детей, мечтали. Умирали: кто в бою с рифами, кто в своей постели, кто на больничной койке». Эмигрантская периодика пестрит сообщениями о кончине соотечественников. Память наиболее известных из них отмечалась некрологами. Если полистать журнал «Часовой», выходивший с 1929 года в Париже, можно встретить множество сообщений о завершении земного пути российскими поручиками и ротмистрами, есаулами и полковниками, генералами и адмиралами. И перечень мест последнего упокоения — Рабат, Мекнес, Касабланка. Были и безвестные могилы, затерявшиеся в пустыне или в горах [6, с. 62].

«Осколки разбитого вдребезги» семейного быта, частные драмы, личные трагедии подчас находили своё неожиданное отражение в коммерческих разделах русскоязычных эмигрантских газет. Именно туда обращались попадавшие в беду соотечественники в слабой надежде получить помощь или заработать скромные деньги на продаже вывезенного с родины семейного скарба и ценностей.

Так, в газете с немного двусмысленным названием «Новая русская жизнь», выходившей в свет в Гельсингфорсе (Финляндия) можно было встретить такие объявления: «Продаются немного подержан-

ные самовар с принадлежностями, стул к письменному столу орехового дерева, а также две очень красивые булавки к галстуху, с камнями [7, с. 4]».

«Дешёво продаются: шикарная мужская шуба, дамское плюшевое пальто с котиковым воротником, новый раздвижной диван, новый граммофон и пластинки по 10 марок за штуку [8, с. 4]».

Нередко появлялись в русской прессе и объявления иного рода от мужчин, стремившихся одним махом решить сразу несколько проблем: обзавестись капиталом и вступить в близкие отношения с дамой. Чаще всего за такими объявлениями скрывался мошенник или альфонс, пытавшийся таким незамысловатым образом решить свои финансовые затруднения:

«Молодой энергичный коммерсант ищет даму с капиталом 50 тыс. марок в компаньонки в доходное предприятие в Выборге [9, с. 4]».

Но гораздо чаще в русских газетах появлялись объявления другого рода:

«Добрые люди! Помогите мне. Жить не на что. Семья из 6 человек [10, с. 4]».

Середина 1930-х годов была отмечена в эмигрантском сообществе ростом интереса к переселению в страны Латинской Америки. Побудительных мотивов к этому было достаточно. С одной стороны, экономический кризис, начавшись в Америке, докатился до Европы, оставив без работы и средств к существованию огромное число людей. Российские эмигранты оказались в этих условиях наименее защищённой группой европейского населения. Массовые увольнения на промышленных предприятиях затрагивали их в первую очередь. С другой стороны, правительства Латинской Америки в этот период начали активную политику по при-

влечению переселенцев на неосвоенные земли. Уругвай, Парагвай, Аргентина были крайне заинтересованы в притоке работоспособного населения, желавшего и имевшего силы освоить огромные необработанные земельные массивы. Именно в этот период в европейской прессе началась рекламная кампания по вербовке переселенцев, которым обещали землю, деньги на обустройство хозяйства, льготные кредиты, райский климат и прочие заманчивые перспективы. Надо ли говорить, что практически все эти обещания оказались вымыслом?

Здесь же стоит упомянуть об особой категории переселенцев в Латинскую Америку – одиноких людях, мечтавших создать там семью и обосноваться на новом месте. Но поскольку обмен изображениями между потенциальными супругами, находившимися по разные стороны океана, в ту эпоху был налажен из рук вон плохо, знакомства по переписке обирались порой не слишком приятными сюрпризами и неожиданностями.

Вот как описывал К. К. Парчевский прибытие в Аргентину парохода из Европы, на котором, вероятно собрав последние деньги, приплыли к своим избранникам российские невесты:

«На пароходе остаются только одинокие женщины, приехавшие по вызовам мужей, женихов и братьев и не встреченные ими. И к женщинам, в конце концов, приходят много лет не виденные мужья или никогда не виденные женихи. У некоторых такие встречи происходят не без трагикомических недоразумений.

– Я не хочу выходить за такого неслыханного уroda, – с негодованием отвергает своего заокеанского жениха хо-рошенькая еврейка. – На карточке он вы-

глядел совсем иначе ... Это же надувательство!

– В таком случае, вам придётся вернуться этим же пароходом, – заявляет переводчик, – вас не спустят на берег. Да вы посмотрите на него, он же совсем не так плох, как вам показалось, и зарабатывает недурно.

– Понимаете вы много в красоте! Ведь мне с ним жить придётся, а не вам. Не могу я выйти замуж за обезьяну!

Но “обезьяна” кротко берёт невесту за руку и что-то объясняет ей по-еврейски. Чиновники иммиграционного управления ждут решения разборчивой девицы, а переводчик, стараясь ускорить взаимное знакомство, подталкивает жениха к невесте и уговаривает поцеловаться. Наконец, первый лёд разбит. Сквозь слёзы, с опаской поглядывая на иммиграционного чиновника, девица разрешает жениху поцеловать себя в щеку. Вопрос разрешён, можно сходить на берег [11, с. 54]».

Мы так никогда и не узнаем, чью фотографию выслал невесте этот находчивый переселенец – свою или своего более симпатичного товарища. Но зато можно с большой степенью вероятности утверждать, что союз этих людей, скорее всего, состоялся, поскольку денег на обратную дорогу в Европу у невесты не было.

Семейные союзы, созданные в эмиграции, равно как и семейные пары, которым удалось не потерять друг друга в водовороте войны и бегства, подвергались в чужих краях не только материальным и юридическим испытаниям. Часто вхождение в новую социальную среду было сопряжено с культурными, сословными, имущественными, национальными и даже расовыми предрассудками. Многие эми-

гранты, имевшие в России заметный общественный статус, оказывались в изгнании в менее привилегированном положении, опускались по социальной лестнице, не могли поддерживать привычный уровень жизни. Всё это негативно сказывалось на семейных отношениях, разрушало иногда даже прочные союзы.

Браки русских эмигрантов и местных жителей часто наталкивались на неприятие русских эмигрантских общин. Например, соотечественники крайне неодобрительно отнеслись к поручику Бабичеву, женившемуся на девушке из аристократической эфиопской семьи.

Но этот брак оказался недолгим. Следующей женой Бабичева стала одна из его эфиопских служанок. Этот мезальянс закрыл чете Бабичевых доступ в дома немногочисленной, но влиятельной русской колонии, образовавшейся в Эфиопии в 1920-е годы. Спесивые русские дворянки и жены царских офицеров не желали принимать у себя на равных бывшую прислугу. Если Бабичева и приглашали на различные светские рауты, то, как правило, без жены [16, с. 95].

«Неудачи в личной жизни, обусловленные тяготами изгнания, невозможность создать семью, тяжёлая беспросветная повседневная жизнь, отягощённая экономическими неурядицами, равнодушием местных властей, часто толкала русских женщин к суициду. Но главным толчком становилась, как правило, измена мужа, распад семьи. Пик суицидов пришелся на конец 1920-х годов. Среди покончивших с собой преобладали женщины в возрасте от 20 до 40 лет, по словной принадлежности – дворянки, мешанки, представительницы интеллигентных профессий [4, с. 86]».

В 1920–1930-х годах, в том числе и по названным выше причинам, были редки смешанные браки между русскими и китайцами. Сословные, расовые, но особенно культурные предрассудки делали браки между русскими и китайцами явлением нечастым. В 1927 году появился закон, регулировавший заключение подобных браков. В соответствии с этой правовой новацией россиянка обязывалась принять китайское гражданство, получив разрешение на брак. Рождённые в браке дети становились китайскими гражданами и обязаны были изучать китайский язык. Овдовев, она становилась наследницей в равных долях с детьми. Если же вдова была бездетной, то за ней оставлялось право только на получение пособия [4, с. 86].

Непросто складывались любовные и семейные отношения русских с болгарами. Прибыв в эту православную страну, россияне оказались неожиданно для себя в довольно строгом патриархальном обществе, со строгими, порой даже жёсткими, бытовыми и культурными нормами и правилами поведения. «Ревниво оберегая чистоту семейного очага, болгары, естественно, боятся допустить к нему пришельцев, большей частью людей молодых, здоровых, соскучившихся по женской ласке и потому способных окинуть их “госпож” нечистым взором [5, с. 73]».

Строгой регламентации подлежали все контакты русских мужчин с болгарскими женщинами и девушками:

«– Даже когда чокаешься за обедом с еговой бабой, – жаловались казаки на щепетильность братушек, – изволь делать это так, чтобы край к краю, да вровень. Сохрани господи, если стукнешь ножкой своей рюмки о верхушку ейной.»

– А, кричит болгарин, ты плохое замышляешь насчет моей “госпожи”, ты “лош человек” (плохой человек). Провались ты, думаешь, и сам, и твоя “госпожа”! [5, с. 73]».

Однако болгарское «простонародье» не прочь было породниться с русскими. В тех случаях, когда видели серьезность намерений, не мешали своим дочерям принимать ухаживание. К сожалению, искренних и серьезных намерений почти ни у кого из россиян не было.

«– Пристрельнёшь, бывало, чуточку за девицей, а батька ейный, “баша”, интересуется: “Ты, Иване, ергенин (холостой)?”

– Ергенин, говорю, конечно, ергенин. Даром, что ли, наши деды-казаки поговорку складывали: “Семь мостов от станции отъехал – и холост”. Пока попадешь домой, а тут, отчего не поступить в зятя, особенно ежели дело сходное, если, помимо девки, ещё и волов дают, и землю, и всякое заведение. Отчего не побаловаться. Поживёт иной, “набьет ряшку”, шариком катается. Случится, письмо с дому: жена, родители пишут, так и так, живы и здоровы, беспременно приезжай хозяйство налаживать. Вывертывайся, как знаешь. И тут неплохо, а там своя земля. Подумает иной, подумает, вспомнит свою речку Кундрючку, в степи цветы лазоревые и всё тебе родное ... Айда на пароход, поминай как звали. Случалось и так в Варне: пока пароход стоял у пристани, прибежали бабы с жандармами. Только где уж найти! Братва не выдаст, мешками завалят. Лишь бы не задохнулся, а найти – никак не найдешь. Походят, порыщут по трюму ... Все вы, руснаки, мошенники! – выругается под конец булка, здесь все вы ергенины, а выходит у каждого есть в

России своя “госпожа”. После такой эвакуации в ту деревню руснак лучше носа не показывай, исколотят [5, с. 73]».

Впрочем, такое не слишком уважительное отношение к противоположному полу демонстрировали не только русские. Сохранилась история, как один варненский градоначальник, взбешённый неприступностью русской дамы, служившей в ресторане и не отвечавшей на его приставания, издал приказ о том, чтобы все русские кельнерши еженедельно являлись на медицинский осмотр. Конечно, никто такого распоряжения не исполнил [5, с. 76].

Большие надежды связывали российские эмигранты с переселением в Америку. Причём в данном контексте понимались на тот момент не только собственно США, но и страны Латинской Америки, проводившие в период 1920–1930-х годов активную государственную политику по освоению земель и привлекавшие для этих целей переселенцев со всего мира.

Переезжали «за океан» из охваченной кризисом Европы целыми семьями, зачастую приобретая билеты в долг в надежде на скорое обустройство на разрекламированных западной прессой землях.

Вот как выглядела типичная группа российских беженцев на пароходе, отправлявшемся из Европы в Америку с переселенцами на борту. «Русская группа на “Флориде” состоит из 55 человек. 14 хозяйственных семейных мужиков в возрасте от 27 до 59 лет, 14 жен, простых русских баб, старуха-теща одного из крестьян, неграмотная сибирская крестьянка Марья Польская, трое холостых и 23 ребят: от годовалой Нинки до 17-летних парней.

На пароходе, в Гибралтаре, родилась 56-я пассажирка. Ребёнок оказался впол-

не здоровым, а мать, полежав в пароходном госпитале несколько дней, быстро оправилась и уже сама стирала в прачечной не только пелёнки, но и разное белье, которое ей сдавали пассажиры. Отец новорожденной, немецкий колонист Клостер, с Кубани, назвал девочку по имени парохода Флоридой, и всё расспрашивал, не полагается ли ему от пароходного общества какого-нибудь пособия на дочку. Но пособия не полагалось, и дело ограничилось одной справкой из лазарета о рождении новой пассажирки [11, с. 7]».

Этот переселенческий порыв, сорвавшийся в 1930-х годах с уже насиженных в Европе мест российских беженцев, заканчивался, как правило, трагично, особенно в странах Латинской Америки. В этом дальнем путешествии и уже на новом месте, в Соединённых Штатах, российские семьи подвергались новым, доселе неизвестным им опасностям. Здесь начинали играть роль и экономические реалии, часто заставлявшие супругов искать работу в разных местах в ущерб совместно ведению патриархального хозяйства; и веяния эмансипации, менявшие представления русских женщин об их роли в семейной жизни; и новые неизведанные «соблазны», иногда разрушительно действовавшие на семейные отношения.

«С каждым годом (по разным причинам) увеличивалось число разводов. Брак в эмиграции утратил привлекательность. Если в России дети в большинстве случаев служили «цементом» для брачных уз, то в эмиграции всё изменилось: ребёнок мог стать обузой. Нередко каждый член семьи был озабочен своими проблемами, что подтачивало былую солидарность близких людей. Крупные промышленные города превращали людей в «наёмных ра-

бов, проводящих свои лучшие годы за тяжёлой, скучной, монотонной работой» на фабриках и заводах ... Дети, будучи свидетелями ссор и дразг в семье, бежали из дома в танцзалы, кинотеатры и подобные места ... Женщины начали стремиться к экономической независимости от мужа и, если достигали этой цели, не считали нужным ему более подчиняться. В свою очередь, дети, становясь старше, начинали зарабатывать на собственные нужды и тоже перестали подчиняться воле отца и матери. Такова упрощённая схема крушения патриархальной семьи [1, с. 176]».

Семья, семейные отношения, во все века имевшие для русского человека непреходящую ценность, приобрели в эмиграции особый смысл. Создание семьи вдали от родины, на чужой земле и по чужим законам, являлось, без сомнения, смелым шагом. Бытовая неустроенность, безработица, неопределённое правовое положение, чуждая культурная и языковая среда представляли серьёзную опасность для молодой семьи. Но стремление к созданию собственного «уютного мирка», где можно было бы укрыться от враждебной окружающей действительности, перевешивало все возможные трудности.

Создание семьи на чужбине для многих российских эмигрантов было и способом экономической и культурной адаптации. Заведомо неравные браки, мотивированные с той или другой стороны экономическими интересами, не были редкостью в эмигрантской среде. Зачастую они вели к ускоренной культурной ассимиляции русского супруга. Дети, появившиеся на свет в таких союзах, как правило, уже не учили русский язык и не владели им, русская культура и национальные обычаи очень быстро уступали место на-

циональным обычаям стран пребывания, а русский язык в качестве языка семейного общения окончательно выходил из употребления.

Однако нередким явлением в эмиграции были семьи, сохранявшие свой язык и культуру, даже несмотря на внешние препятствия и общую тенденцию к ассимиляции, набирающую силу в эмигрантской среде. Сохранению русского языка и национальных обычаев способствовали компактные эмигрантские поселе-

ния, существовавшие в разных странах в определённые промежутки времени и обусловленные экономическими реалиями той или иной страны. Особенно заметными были такие компактные русские поселения во Франции в середине 1920-х годов и в Латинской Америке 1930-х годов. В этом случае у российских эмигрантов появлялась возможность создать свой маленький «русский мир» с православным храмом, русской школой и сохранёнными национальными обычаями.

Примечания

1. *Баландина О. В.* Проблемы социальной адаптации антибольшевистской эмиграции в США. 1917–1930 гг. // Американский ежегодник. 2000. Москва : Наука, 2002.
2. *Бойко Ю. В.* О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории ; редкол. : Ю. А. Поляков (отв. ред.) и др. Москва : Изд. центр ИРИ, 1996.
3. ГА РФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.
4. *Капран И. К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.) : монография. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. 202 с.
5. *Калинин И. М.* В стране братушек. Краснодар : Традиция, 2012. 316 с.
6. *Лукин Ю. В.* Марокканские будни изгнанников // Российская диаспора в Африке: 20–50-е годы : сборник статей / Российская академия наук, Институт Африки ; отв. ред. А. Б. Летнев. Москва : Восточная литература, 2001.
7. Новая русская жизнь: Орган русской освободительной национально-государственной мысли. Ежедневная газета. Гельсингфорс. 1921. № 3.
8. Новая русская жизнь: Орган русской освободительной национально-государственной мысли. Ежедневная газета. Гельсингфорс. 1921. № 6.
9. Новая русская жизнь: Орган русской освободительной национально-государственной мысли. Ежедневная газета. Гельсингфорс. 1921. № 11.
10. Новая русская жизнь: Орган русской освободительной национально-государственной мысли. Ежедневная газета. Гельсингфорс. 1921. № 48.
11. *Парчевский К. К.* В Парагвай и Аргентину : Очерки Южной Америки. Париж : [изд. авт.], 1936. 304 с.
12. Последние новости = Les Dernières Nouvelles. Ежедневная газета. Париж. 1922. № 594.
13. Последние новости = Les Dernières Nouvelles. Ежедневная газета. Париж. 1936. № 5664.
14. Последние новости = Les Dernières Nouvelles. Ежедневная газета. Париж. 1936. № 5671.

15. Последние новости = Les Dernières Nouvelles. Ежедневная газета. Париж. 1936. № 5684.
16. Хренков А. В. Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке: 20–50-е годы : сборник статей / Российская академия наук, Институт Африки ; отв. ред. А. Б. Летнев. Москва : Восточная литература, 2001.
17. Williams R. C. *Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany 1881–1941*. Ithaca ; New York ; London, 1972.

References

1. Balandina O. V. Problemy sotsial'noy adaptatsii antibol'shevistskoy emigratsii v USA. 1917–1930 gg. [Problems of social adaptation of the anti-Bolshevik emigration in the USA in 1917–1930]. *American yearbook. 2000*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 2002.
2. Boyko Yu. V. O vliyaniy smeshannykh brakov na protsessy sotsial'noy adaptatsii rossiyan vo Frantsii 1920-kh godov [On the influence of mixed marriages on the processes of social adaptation of Russians in France in the 1920s]. In: Polyakov Yu. A., ed. *Istoriya rossiyskogo zarubezh'ya: Problemy adaptatsii migrantov v 19–20 vv. Sbornik statey [History of the Russian Abroad: Problems of adaptation of migrants in the 19–20 centuries. A collection of articles]*. Moscow, Publishing house of the Institute of Russian History RAS, 1996.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. Fund 6461. Inventory 1. Document 112. List 5.
4. Kapran I. K. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya Khabarina (konets 19 veka – 50-e gody 20 veka) [The daily life of the Russian population of Harbin (late nineteenth century – 50's of the twentieth century)]*. Vladivostok, Publishing house of the Far Eastern Federal University, 2011. 202 p.
5. Kalinin I. M. *V strane bratushek [In the country of the brothers]*. Krasnodar, Publishing house “Tradition”, 2012. 316 p.
6. Lukonin Yu. V. Marokkanskie budni izgnannikov [Moroccan weekdays of exiles]. In: Letnev A. B., ed. *Rossiyskaya diaspora v Afrike. 20–50-e gody. Sbornik statey [Russian Diaspora in Africa. 20–50th years. A collection of articles]*. Moscow, Russian Academy of Sciences “Vostochnaya literatura” (“Oriental Literature”) Publishers, 2001.
7. *Novaya russkaya zhizn' : Organ russkoy osvoboditel'noy natsional'no-gosudarstvennoy mysli. Ezbednevnyaya gazeta. Gel' singfors [New Russian life: The organ of Russian national liberation national thought. Daily newspaper. Helsingfors]*. 1921, no. 3.
8. *Novaya russkaya zhizn' : Organ russkoy osvoboditel'noy natsional'no-gosudarstvennoy mysli. Ezbednevnyaya gazeta. Gel' singfors [New Russian life: The organ of Russian national liberation national thought. Daily newspaper. Helsingfors]*. 1921, № 6.
9. *Novaya russkaya zhizn' : Organ russkoy osvoboditel'noy natsional'no-gosudarstvennoy mysli. Ezbednevnyaya gazeta. Gel' singfors [New Russian life: The organ of Russian national liberation national thought. Daily newspaper. Helsingfors]*. 1921, no. 11.
10. *Novaya russkaya zhizn' : Organ russkoy osvoboditel'noy natsional'no-gosudarstvennoy mysli. Ezbednevnyaya gazeta. Gel' singfors [New Russian life: The organ of Russian national liberation national thought. Daily newspaper. Helsingfors]*. 1921, no. 48.
11. Parchevsky K. K. *V Paraguay i Argentinu. Ocherki Yuzhnoy Ameriki [In Paraguay and Argentina. Essays of South America]*. Paris, 1936. 304 p.
12. *Poslednie novosti. Ezbednevnyaya gazeta [Latest news. Daily newspaper]*. Paris. 1922, no. 594.
13. *Poslednie novosti. Ezbednevnyaya gazeta [Latest news. Daily newspaper]*. Paris. 1936, no. 5664.

14. *Poslednie novosti. Ezbednevnyaya gazeta* [Latest news. Daily newspaper]. Paris. 1936, no. 5671.

15. *Poslednie novosti. Ezbednevnyaya gazeta* [Latest news. Daily newspaper]. Paris. 1936, no. 5684.

16. Khrenkov A. V. Rossiyskaya diaspora v Efiopii [Russian Diaspora in Ethiopia]. In: Letnev A. B., ed. *Rossiyskaya diaspora v Afrike. 20–50-e gody. Sbornik statey* [Russian Diaspora in Africa. 20–50th years. A collection of articles]. Moscow, Russian Academy of Sciences “Vostochnaya literatura” (“Oriental Literature”) Publishers, 2001.

17. Williams R. C. *Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany 1881–1941*. Ithaca ; NewYork ; London, 1972.

*

К ИНО И ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС В СССР 20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

УДК 008:930.85

С. В. Ханжов

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается ранний период становления советского кинематографа с учётом новых социально-культурных и экономических реалий СССР. На этом этапе кино непосредственно включается в жизнь социума как идеологический инструмент массового воздействия, задающий вектор понимания событий и действий широким слоям населения. Автор подробно останавливается на создании ключевых документов и организаций, регулирующих роль и место кинематографа в новой советской культуре. Отдельное внимание в статье уделяется практике комментированных кинопоказов, сформировавшейся в 1920-х годах и имевшей своей целью интенционально аспектированное объяснение фильмов специально подготовленными политработниками Агитпропа, так называемыми красными комментаторами. Автор отмечает, что устное сопровождение фильма лектором определённым образом включало художественный вымысел картины в злободневную сводку реальных событий, таким образом встраивая произведение искусства в систему властного дискурса.

Ключевые слова: идеология, властный дискурс, советское кино, Агитпроп, культурфильм, лекция, комментированный кинопоказ.

S. V. Khanzhov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CINEMA AND THE DISCOURSE OF POWER IN THE SOVIET UNION OF THE 1920s – THE FIRST HALF OF THE 1930s

The article considers the early period of the formation of Soviet cinema taking into account the new socio-cultural and economic realities of the USSR. At this stage, the cinema is directly involved in the life of the society as an ideological tool of mass impact, which sets the vector of understanding events and actions to the broad sections of the population. The author dwells in detail on the creation of key documents and organizations regulating the role and place of cinematography in the new Soviet culture. A separate attention in the article is paid to the practice of commented films, which was formed in the 1920s, and had as its aim an intentionally explanation of the films by the specially trained political workers of Agitprop, the so-called “red commentators”. The author

ХАНЖОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – соискатель кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KHANZHOV SERGEY VLADIMIROVICH – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: hansv@mail.ru

© Ханжов С. В., 2018

notes that the oral accompaniment of the film by the lecturer in a certain way included the artistic fiction of the painting in the topical summary of real events, thus embedding the work of art in a system of power discourse.

Keywords: ideology, authoritative discourse, Soviet cinema, Agitprop, cultural film, lecture, commented film demonstration.

Для цитирования: Ханжов С. В. Кино и властный дискурс в СССР 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 65–72.

История советской культуры наглядно демонстрирует, что система взглядов и ценностей, сложившись однажды, может десятилетиями влиять на стратегии деятельности в ключевых сферах общественной жизни и определять уклад жизни людей различных социальных страт. От того, как будет сформирован образ мышления, каким он будет, какие представления о будущем он породит и какие принципы и ценностные ориентации придут на смену идеям и иллюзиям, оправдавшим и не оправдавшим себя, в значительной степени зависит то, насколько правильно и эффективно мы сможем оценить и использовать опыт предшествующих поколений.

Культура, и особенно – художественная культура, всегда органично связана со спецификой времени, поскольку она всегда выражает запросы общества, потребности, интересы и противоречия каждой конкретной эпохи, в свою очередь, именно запросами, потребностями, противоречиями стимулируется сфера культурного творчества. Состояние, в котором находится художественная культура на том или ином временном этапе, задаётся конкретикой исторических событий, о которых мы впоследствии узнаём из текстов культуры, сохранивших для нас «дух эпохи». Поэтому представляется актуальным изучение различных аспектов

культуры, понимаемых как самостоятельные феномены, в определённом историческом контексте и в тесной связи с анализом рецепции этих феноменов в различных сферах общественной жизни.

Тема взаимодействия культуры и власти в сфере кинематографии представляет собой обширное поле для культурологических исследований. Особо интересен в этом плане период ранней советской культуры. Постреволюционный, переживший Гражданскую войну российский социум представлял собой довольно самобытное явление. Наличие различных социальных групп, свободомыслие, так или иначе порожденное духом Октября, упоение победой и ожидание мировой революции, стремление разрушить и перестроить всё «старое» – вот основные признаки общественной атмосферы 1920-х годов.

Трудности реализации на практике большевистской модели нового общества усилили внимание к идеологическому и политическому обеспечению этого проекта, его культурно-идеологическим проблемам. Были предприняты попытки решить вопрос в отношении культурной политики как на теоретическом (в многочисленных дискуссиях, статьях идеологов), так и на практическом уровне.

В первых же директивных документах советской власти появляется термин

«культурное строительство», означавший планомерное воздействие на всю совокупность духовной жизни общества партийных и государственных структур, а также соответственно ориентированных общественных организаций. Определяющая роль в этой триаде отводилась коммунистической партии. Её программные идеи, принципиальные установки по вопросам культуры возводились в ранг государственной политики. Поиски наиболее эффективных каналов и способов культурно-идеологического воздействия на массы завершились созданием системы культурно-просветительной работы, которая, по сути дела, являлась политико-просветительной. Именно политико-просветительные комитеты, высшей инстанцией которых стал Агитпроп – один из ведущих отделов ЦК ВКП(б), благодаря налаженной и обширной сети своих учреждений приняли на себя роль рупоров и толкователей генеральной линии партии, а также стали средством социальной и культурной адаптации масс к утверждаемым сверху новым ценностям. Создание соответствующих идеологическим формам культурно-просветительных учреждений (клубов, библиотек, изб-читален, «красных юрт» и т.п.) для широкой аудитории давало практически безграничные возможности давления и влияния на неё путём выработанных Агитпропом комплексных методов работы. Именно это привело к тому, что сами организации политпросвещения в числе первых попали под воздействие командно-административной системы, став её неотъемлемой частью. Находясь под жёстким прессингом идеологического диктата, они и сами начали воздействовать на массы прямолинейно и жёстко.

Первым актом такого рода следует считать декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании рабоче-крестьянского правительства от 26 октября 1917 года, согласно которому пост комиссара народного просвещения занял А. В. Луначарский, сохранивший этот пост до 1929 года. Сам по себе этот факт ещё не означал складывания системы руководства искусством – уже хотя бы потому, что культурой и просвещением брались заведовать правительство, считавшее себя временным. 9 ноября ВЦИК и Совнарком приняли декрет «Об учреждении государственной комиссии по просвещению», где формулировались принципы культурной политики новой власти: «Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остаётся за центральной государственной властью, поручается, впредь до Учредительного собрания, Государственной комиссии по народному просвещению, представителем и исполнителем которой является народный комиссар [3, с. 59]». А. В. Луначарский, в свою очередь, настаивал, что «государство обязано влиять на искусство и оно может делать это в определённом смысле, может определённым образом руководить искусством [6, с. 498]».

Состав комиссии, на первый взгляд, мыслился вполне в духе времени, то есть предельно широко. В неё должны были входить преимущественно лица, делегированные профсоюзами и другими общественными организациями. Тем самым комиссия как бы представляла собой олицетворение в реальности союза государства с общественностью, с широкой демократической средой. Но на деле за этой красивой вывеской с самого начала скры-

валась старая, вполне бюрократическая сентенция: «Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство просвещения. Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии народного просвещения [3, с. 62]».

В структуру комиссии входили 15 отраслевых отделов. В их числе и те, которым предстояло ведать кинематографом: отдел искусств и отдел внешкольного образования. Можно сказать, что именно здесь начинается история раннего советского кинематографа.

Не позднее января 1918 года во внешкольном отделе возникла новая структурная часть: подотдел кино. Возглавил его М. А. Кресин [см. об этом: 5]. На примере подотдела очень хорошо видны особенности ранней советской управленческой структуры. Статус учреждения был всеобщий, но никаких инструкций и рекомендаций по просвещению и агитации с помощью кино в масштабах всей страны на первых порах не существовало. Да и влияние подотдела в этот период распространялось, в лучшем случае, на ближайшие к Петрограду уезды, не претендуя на выполнение масштабных политических, образовательных и культурных задач.

Тем не менее большая часть партийного и государственного руководства понимала возможности кино и видела в нём «лучшее орудие просвещения масс, могучее средство в деле распространения идей пролетарской революции, идей красного Октября [7, с. 28]». Несомненно, что кинематограф оптимально соответствовал потребностям советской власти в массовом медиавоздействии. Кино должно было стать не только средством «просвещения масс», но и своеобразным демон-

страционным стендом, акцентирующим прогрессивность и современность новой власти. Кроме того, ритуально обставленные коллективные походы в кино, которые охотно освещались в кинохрониках, должны были усилить воздействие демонстрируемых идей на массы и контроль за их правильным восприятием. Например, некоторые фильмы конца 1920-х годов жёстко и идеологически выпукло подчёркивают особенности социальной иерархии (понятой как иерархия культурная) чуть ли не на физиологическом уровне, чётко акцентируя жестовую, кинетическую дифференциацию между крестьянином и рабочим («Конец Санкт-Петербурга», 1927), между человеком старого и нового времени («Обломок империи», 1929).

Однако, по мнению руководства, дело нельзя было свести только к показу фильмов. Следовало подавать фильмы таким образом, «... чтобы и развлекательный материал кино организовывал мысли и чувства зрителей в нужном пролетариату направлении [7, с. 433]». Здесь необходимо отметить, что в СССР 1920-х годов, несмотря на идеологизацию общества, массовый зритель, как и до революции, желал смотреть преимущественно развлекательное кино. Приведём в качестве примера гневный пассаж драматурга Вл. Киршона, очень точно характеризующий ситуацию: «Вглядываясь в продукцию нашей советской кинематографии последнего года, мы с удивлением замечаем отчётливо вырисовывающийся на ней знак от накрашенных губ Мэри Пикфорд. Руководители нашей советской кинематографии пытаются заклеить этот значок пластырем революционных надписей. Однако пластырь не стирает значка, факт остаётся фактом: наша кинематография

работает больше на кино-психопата, обывателя, мещанина, чем на своего прямого хозяина – рабоче-крестьянского зрителя [4, с. 7–8]».

В итоге подход к правильному показу развлекательных фильмов был найден при помощи лекционно-разъяснительного метода. Демонстрация кино стала дополняться лекциями и политинформацией, которые придавали фильму определённую направленность. В дальнейшем из этого рождается практика обрамления кинопоказа устным сопровождением так называемыми красными комментаторами.

Такое устное сопровождение представлялось необходимым по многим причинам: благодаря комментарию можно было не только «парализовать вредные стороны» идеологически чуждых фильмов, но и «выжать из них максимальную культурно-просветительную пользу [2]»: какая-нибудь «Принцесса устриц» Э. Любича (*“Die Austernprinzessin”*, E. Lubitsch, 1919) могла послужить иллюстрацией антагонистических противоречий капиталистического мира, тогда как «Сломанные побеги» Д. Гриффита (*“Bröken Blossoms”*, D. W. Griffith, 1919) превращались в удачное наглядное пособие к докладу на географические или этнографические темы. Такой фильм, как «Сиротки Бури» того же Д. Гриффита (*“Orphans of the Storm”*, D. W. Griffith, 1921) можно было показать на вечере, посвящённом Великой французской революции, а «Безрадостную улицу» Г. Пабста (*“Die Freudlose Gasse”*, G. W. Pabst, 1925) – совместить с докладом о положении в послевоенной Германии.

Сходные соображения диктовали необходимость устного сопровождения и отечественных фильмов. Поскольку ритм

кинопроизводства не мог поспеть за постоянными изменениями идеологической линии (особенно в период коллективизации), то главной задачей комментирования фильма стала подгонка, коррекция этих «идеологически устаревших» картин по отношению к очередной новой линии партии. «Лекционная» практика стала распространяться по всей стране, начиная с 1923 года, когда при Главполитпросвете с Н. К. Крупской во главе была создана кинокомиссия, ответственная за сплошную «кинофикацию» страны, включая деревню, фабрики и заводы.

Начиная с 1924 года, в огромном ассортименте (хотя, как правило, маленькими тиражами) стали появляться всевозможные учебники, инструкции, брошюры и методические пособия для «кино-политпросвет-работников». Наряду с Главполитпросветом практически тем же занимались и многие другие организации: студия Пролеткино (до её ликвидации в 1926 году), кооперативная сеть Центросоюза, на который в 1928 году была возложена вся ответственность за кинофикацию страны, а также органы просвещения (ОНО), региональные ведомства и, наконец, местные ячейки Общества друзей советского кино. Этим учреждениям, в свою очередь, приходилось согласовывать свою деятельность с профсоюзами, которые занимались организацией сеансов в своих клубах – и не только в них. В 1930 году, после упразднения Главполитпросвета, был создан политпросветсектор Союзкино с разветвлённой сетью местных отделений и параллельно с ним – Центральное управление кинофикации, привлекавшее к своей деятельности множество разнообразных специалистов. «При отсутствии специалистов ...

при проведении отдельных кампаний с кинопередвижкой, большую пользу могут принести учителя, особенно естественники, физики, преподаватели точных наук – незаменимые при работе с культурфильмом», – указывается в одном из широко распространявшихся руководств [10, с. 17].

Термин «культурфильм(а)» получил широкое распространение в конце 1920-х годов; так именовали массовую научно-популярную кинопродукцию, которой придавалось серьёзное значение и которая подразделялась по пяти основным направлениям: 1) этнографические и краеведческие культурфильмы, освещавшие жизнь и быт многонационального населения СССР «под углом зрения общности целей и производственных возможностей [9, с. 63]»; 2) научно-популярные (фильмы по естествознанию, астрономии и т.п.), культурфильмы, значимые для антирелигиозной кампании; 3) производственные – пропагандировавшие индустриализацию и рационализацию, а также «борьбу за частичный переход от зерновых культур к более высоким и трудоёмким сельскохозяйственным культурам (хлопок, лён), имеющим важное значение для нашей промышленности и экспорта [9, с. 64]»; 4) культурфильмы о социальной гигиене с «говорящими» названиями: «Утомление и борьба с ним», «Проблема питания», «Алкоголь», «Борьба за здоровые нервы» и т.п.; 5) школьные – призванные способствовать учебной работе наглядным показом и усиливающие эффект школьной педагогики.

Нам представляется, что главная причина заключается в той особой идеологической ставке, которую делала совет-

ская власть на кинематограф (особенно в крестьянской среде), заявляя об этом во всеуслышание: «Культурно-политическое значение кино для деревни, как и хозяйственное значение такого кинорынка для развития всей кинематографии, должно быть закреплено в законодательном порядке... [10, с. 77–78]». Отсюда и постоянное крайне внимательное участие власти в обеспечении народным массам доступа к просмотру кинокартин, о чём сообщают многочисленные сохранившиеся отчёты. Так, например, в мае 1927 года ячейка Общества друзей советского кино (ОДСК) при Налексинской избе-читальне в Сараевской волости Владимирской губернии решила закупить кинопередвижку. В июне средства были собраны и кинопередвижка – куплена. При этом особо отмечается, что в приобретении кинопередвижки «приняли участие Вязниковский уполитпросвет и Сараевский волисполком». В результате ячейка ОДСК Налексинской избы-читальни выросла с шести членов в марте 1927 года до сорока пяти в августе этого же года, а её состав стал более разнообразным в социальном и гендерном отношении [1, с. 76–77].

Об этой же тенденции красноречиво свидетельствует и циркулярное письмо 1932 года, призывающее искать новые методы сопровождения, которых потребует переход к звуковому фильму. Советская практика устного сопровождения фильма устанавливает особые отношения между художественным вымыслом и реальной действительностью и свидетельствует о стремлении увязать одно с другим, включить события фильма в контекст настоящего времени. Конкретная история, о которой рассказывает фильм, должна заставить задуматься о той деревне, где он

показывается, и в её контексте – об истории всей страны или об особенностях её нынешнего этапа. В зависимости от выбора докладчика работа с фильмом и публикой могла развиваться в ту или иную сторону: от общеполитических деклараций к фильму или от сюжета фильма через историю деревни или завода к общенациональной или международной ситуации: «... разъясняя возможности, смысл и пользу *новых культурных форм*; призывая к ломке старых устоев и созданию новой жизни: к коллективизации, культурным методам обработки земли, к замене церковных праздников праздниками труда (праздник первой борозды), к переходу от церковного брака к гражданскому и т.д. [10, с. 18]».

Лектор, являясь представителем власти на киносеансе, был уполномочен следить за рецепцией и доводить до верхов реакции и глас народа. В его обязанности, среди прочего, входило фотографирование публики во время сеанса с помощью магнелиевой лампы-вспышки, чтобы «объективно» запечатлеть реакцию зрителя на определённые эпизоды фильма (что вполне согласуется с функцией контроля за восприятием), а также ведение журнала, последующий анализ которого позволял лучше узнать и учесть состав и вкусы аудитории.

Для этой же цели разрабатывались многочисленные опросники и анкеты, где целью анализа зрительских реакций являлась обратная связь с кинопроизводством: улучшение качества кинопродукции – в частности за счёт борьбы с фальшивым и «слащавым» изображением мира деревни, завода, школы и т.п.

Во второй половине 1930-х годов сложившаяся парадигма меняется в соответствии с переменами во властном дискурсе, ключевым инструментом пропаганды в Советском Союзе становится историческое кино. Жанр историко-биографического фильма систематически используется в целях популяризации культа личности и насаждения нового взгляда на историю. «В советской кинематографии выбор героев исторических фильмов преследует политико-воспитательную цель, учитывая огромную силу кино как могущественного средства воспитания масс», – сообщают в письме А. А. Жданову сотрудники Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [8]. Вместо народного коллектива, шагающего в светлое будущее и (вместе с лектором) зовущего за собой зрителей, героем фильма становится прогрессивная, но авторитарная личность, олицетворяющая сакрализованный образ «мудрой власти» и военно-политической элиты.

Примечания

1. Баршак О. Кино в деревне. Ленинград ; Москва : Теа-Кино-Печать, 1929. 110 с.
2. Болтянский Г. Клубное кино как орудие массового просвещения // Советское кино. 1926. № 4. С. 6–7.
3. Декреты советской власти. Том 1. Москва : Госполитиздат, 1957. 624 с.
4. Киришон В. На кино-посту : сборник статей. Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1928. 160 с.
5. Кресин М. А. Самые первые дни // Жизнь в кино. Ветераны о себе и своих товарищах : сборник / Союз кинематографистов СССР, Комиссия ветеранов ; сост.: О. Т. Нестерович. Москва : Искусство, 1971. С. 7–32.

6. Луначарский А. В. Собрание сочинений : в 8 томах : Литературоведение. Критика. Эстетика / [ред. коллегия: И. И. Анисимов (глав. ред.) и др.]; Академия наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Москва : Художественная литература, 1963–1967. Том 7. 1967. 736 с.
7. Пути кино: Первое всесоюзное совещание по кинематографии. Москва : Теа-Кино-Печать, 1929. 466 с.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 71. Л. 84.
9. Трайнин И. П. Кино на культурном фронте. Москва : Теа-Кино-Печать, 1928. 108 с.
10. Шагури Н. Безбожное кино в деревне : Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. Москва : Теа-Кино-Печать, 1930. 80 с.

References

1. Barshak O. *Kino v derevne [Cinema in the village]*. Leningrad, Moscow, Publishing house “Tea-Kino-Pechat”, 1929. 110 p.
2. Boltyansky G. Klubnoe kino kak orudie massovogo prosveshcheniya [Club cinema as an instrument of mass education]. *Sovetskoe kino [Soviet cinema]*. 1926, no. 4. Pp. 6–7.
3. *Dekrety sovetskoy vlasti. Tom 1 [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1]*. Moscow, 1957. 624 p.
4. Kirshon V. *Na kino-postu. Sbornik statey [At the movie post. A collection of articles]*. Moscow, Leningrad, 1928. 160 p.
5. Kresin M. L. Samye pervye dni [The very first days]. In: Nesterovich O. T., comp. *Zhizn' v kino. Veterany o sebe i svoikh tovarishchakh [Life in the cinema. Veterans about themselves and their comrades]*. Moscow, Art Publishing House, 1971. Pp. 7–32.
6. Lunacharsky A. V. *Sobranie sochineniy, v 8 tomakh. Tom 7 [Collection works, in 8 volumes. Vol. 7]*. Moscow, Publishing house “Imaginative literature”, 1967. 736 p.
7. *Puti kino: Pervoe vsesoyuznoe soveshchaniye po kinematografii [The ways of cinema: The First All-Union Conference on Cinematography]*. Moscow, Publishing house “Tea-Kino-Pechat”, 1929. 466 с.
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History]*. Fund 17. Inventory 125. Document 71. List 84.
9. Traynin I. P. *Kino na kul'turnom fronte [Cinema on the Cultural Front]*. Moscow, Publishing house “Tea-Kino-Pechat”, 1928. 108 с.
10. Shagurin N. *Bezbozhnoe kino v derevne. Metodika i praktika antireligioznoy propagandy cherez kino [Godless cinema in the village. The methodology and practice of anti-religious propaganda through the cinema]*. Moscow, Publishing house “Tea-Kino-Pechat”, 1930. 80 с.

*

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 008:783

Н. Е. Двинина - Мирошниченко

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена исследованию отечественной православной музыкальной культуры в контексте новой парадигмы XXI века: глобализации, омассовления культуры, перенасыщения информационного ландшафта, обмирщения духовной культуры. Современная церковная культура столкнулась на нынешнем этапе с острейшими проблемами, явившимися следствием процессов секуляризации культуры на протяжении XVIII–XIX веков. Поднимая проблемы типологизации православной музыкальной культуры, автор статьи показывает преимущества семантического подхода в исследовании православной музыкальной культуры как саморазвивающейся системы, имеющей свои механизмы восстановления семантических порядков: вечно новое восхождение к Первообразу, отражение трансцендентной реальности, вневременность, главенство текста над музыкой, канонические принципы работы с материалом. Как наиболее прогрессивное направление автор выделяет современную каноническую музыкальную культуру, представленную творчеством диакона Сергия Трубачева, Г. Н. Лапаева, иеродиакона Германа Рябцева, Г. Б. Печенкина, В. Б. Довганя и других.

Ключевые слова: семантический подход к исследованию православной музыкальной культуры, восстановление семантических порядков, каноническая музыкальная культура, музыкально-интонационный фонд отечественной культуры, самозащитные механизмы культуры, актуальность семантического подхода.

N. E. Dvinina - Miroshnichenko

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CONTEMPORARY MODERN ORTHODOX CANONICAL MUSIC AS A PHENOMENON OF RUSSIAN CULTURE: THE END OF THE 20th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The article is devoted to the Orthodox musical culture in the context of the new paradigm of the 21st century: globalization, gluts of information landscape, the secularization of the spiritual

ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, член Союза композиторов Москвы.

DVININA-MIROSHNICHENKO NATALYA EVGENYEVNA – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture, the member of the Moscow Union of composers

e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

© Двинина-Мирошниченко Н. Е., 2018

culture. Contemporary church culture has faced at the current stage with acute problems of secularization of culture throughout the 18-19th centuries. Lifting problems of a typologization of orthodox musical culture, the author of article shows advantages of semantic approach in the study of Orthodox musical culture as a self-developing system, which has its own mechanisms of restoration of semantic order: eternally new ascension to the Prototype, the reflection of the transcendental reality, the timelessness, the primacy of text over music, the canonical principles of working with the material. As the most progressive direction the author identifies the contemporary canonical musical culture presented by creativity of the deacon Sergiy Trubachev, G. N. Lapayev, the hierodeacon Herman Ryabtsev, G. B. Pechenkin, V. B. Dovgan and others.

Keywords: a semantic approach to a research of orthodox musical culture, the restoration of semantic order, canonical musical culture, musical and intonational foundation of national culture, self-defense mechanisms of culture, the relevance of the semantic approach.

Для цитирования: Двинина-Мирошниченко Н. Е. Современная православная каноническая музыка как феномен отечественной культуры конца XX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 73–81.

Отечественная культура XXI века представляет собой множество культурных явлений, складывающихся из различных культурных форм. Её развитие связано с ориентацией на научно-технический прогресс, компьютеризацию, материальные ценности, тем не менее следует отметить большой интерес к традиционно-духовной системе ценностей в ключе духовных исканий эпохи, что связано с развитием православной культуры. По мнению протоиерея Виталия Головатенко, преподавателя кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории, «это взаимообогащение светского и церковного вполне закономерно – человек остаётся человеком и в церковной ограде, и за её пределами. Более того, оно даже полезно обеим культурам – и церковной, и светской ... Но во всём, как известно, важна мера. И если мера эта нарушается, то в жизни всякого организма и всякой системы начинается внутренняя дисгармония и разлад нормального функционирования [2, с. 25]».

Современная музыкальная церковная культура как носитель духовного начала

объединяет в себе выдающиеся достижения в области музыкального искусства: певческого, хорового, композиторского, дирижёрского, искусства звонарей. Немаловажную роль играет и внецерковная деятельность, которую ведут певчие и регенты (руководители церковного хора). Это – катехизаторская деятельность, направленная на тщательное изучение Священного Писания, Церковного Устава и других богослужебных книг, на изучение церковно-славянского языка; просветительская и миссионерская, связанные с концертной деятельностью, поездками за рубеж и пропагандой лучших образцов русской церковной музыки; издательская, позволяющая современным музыкантам знакомиться с последними сочинениями в этой области, а также с новыми расшифровками древнерусской музыки (достижениями медиевистики); педагогическая – в рамках занятий по церковному пению в воскресных школах для детей.

Исследование современной православной музыки актуально на фоне «проектирования саундтрека повседневной жизни» современного человека [9, с. 284],

когда образы, звуки и музыка проектируются СМИ как семиотические ресурсы для принятия определённого смыслового решения. Коммерческие компании уделяют значительное внимание влиянию звука в широких контекстах коммуникативных систем: таких как речь, музыка, фильмы, видеоигры, виртуальные миры, окружающая социальная среда, и в значительной степени умеют манипулировать этим влиянием, используя способность звука обходить языковую систему и стимулировать эмоции человека такими способами, которые в меньшей степени осознаются вербально. Отрицательный информационный фон коммуникативных систем – от компьютерных сигналов оповещения, рингтонов личных телефонов до фоновых саундтреков международных фестивалей – наносит ощутимый вред культуре человеческого общения, так как эта культура базируется на интонационном мышлении человека. Примитивизм интонаций влечёт за собой деградацию музыкального языка. Это является фактором, объясняющим, почему нужно обратить внимание на состояние современной православной музыкальной культуры как важного носителя информации, включающего «золотой» музыкально-интонационный фонд древнерусской певческой культуры со всей совокупностью его семиотических ресурсов.

Древнерусская певческая культура представляет собой уникальный образец семантического поля культуры, в котором закреплялось и передавалось от поколения к поколению свидетельство о трансцендентной реальности, о некотором первоначальном образце, выраженном в культурной форме и её семантемах (параметрах, данных с помощью опреде-

лённой символики). Необходимо подчеркнуть, что система осмогласия церковного пения одновременно была и системой календарного отсчёта, что позволяет трактовать её «символом формального исчисления жизни, системой референций, покрывающей и календарный год, а следовательно, всё время от его начала до его конца, и даты индивидуальной человеческой жизни [6, с. 141]». Главное предназначение православной музыкальной культуры, подобно иконе, свидетельствовать о Божественной реальности. Здесь важнейшими критериями выступают: главенство текста над музыкой, вневременность, светоносный колорит, иконозначимость, а также выбор канонических средств музыкальной выразительности – свободы метроритма, единообразия тембра, мотивной комбинаторики, фони́зма колокольности, гетерофонии, эпического склада формы. Делая акцент на анализе современного композиторского творчества, мы считаем своим долгом подчеркнуть, что трансляция церковного песнопения являет собой многоуровневый процесс, в котором важна каждая составляющая. Неоспорим фактор исполнения, который способен превратить мощь древнерусского знаменного распева, с его огромным внутренним импульсом, обусловленным особыми синлабическими акцентами, в его жанровый антипод (например, заунывную «бурлацкую» песню).

Несмотря на объективную ориентацию российской православной музыкальной культуры со всем многообразием её составляющих на возрождение духовных традиций, утраченных за годы гонений на Церковь, она, как часть современной церковной культуры, столкнулась с острейшими проблемами глобализации, массо-

вого тиражирования и репродукции, спекуляции на православии.

Основываясь на концепции Ж. Бодрийера, наиболее вызывающим опасения катастрофы смысла становится переход от фазы обволакивания симуляцией представления, когда маскируется и денатурализируется глубинная реальность, к следующей фазе – когда маскируется отсутствие глубинной реальности [5, с. 728].

Рост потребительской культуры, коммерциализация многих отраслей архитектуры, художественного творчества, церковной утвари, типографской продукции, включающей книги, иконы, нотные издания, в некоторых случаях приводят к тиражированию предметов, искажающих смысл церковного искусства.

Вместе с тем современная ситуация, упрочившая положение РПЦ, обнаружила и глубокие внутренние противоречия, связанные с «наследством» секуляризации церковной культуры на протяжении XVIII–XIX веков. Если с культурологической точки зрения рассмотреть немалый ряд церковных произведений и обиходных напевов, например: «городской “душщипательный” романс “На разорение Москвы”», который «был приспособлен сразу для двух литургических гимнов: для “Иже Херувимы” и для “Милость мира”», или «два начальных оборота “жестокое” бульварного романса “Сухой бы я корочкой питалась”», которые «стали мелодической формулой для распева популярной в народе молитвы “Царице моя Преблагая”» [1, с. 66], то, по сути, речь идёт о наметившемся процессе ассимиляции духовной культурой того времени массовых музыкальных жанров, который достиг на рубеже веков своего апогея. В настоящее время этот процесс продолжается в фор-

ме подтекстовок богослужебными текстами хоралов И. С. Баха, музыки А. Корелли и других западноевропейских композиторов, а также цитирования в богослужебных сочинениях фрагментов светских произведений русских классиков.

Одним из парадоксов современности стал выпуск в 2011 году тиражом 3 000 экземпляров главной богослужебной книги – Октоиха – без традиционного третьего тома, содержащего нотное приложение. (В советское время Октоих несколько раз переиздавался полностью в трёх томах, последнее издание было осуществлено в 2004 году.) Это создаёт прецедент обнищания возрождающихся храмов и их клиросов каноническими богослужебными песнопениями и ориентации регентов на коммерческую нотную продукцию.

И. П. Дабаева отмечает следующее: «зрелищность, типичная для современных шоу-программ, проникает в концерты с духовным содержанием и становится их неотъемлемой частью. Объяснение этому явлению можно найти в стремлении популяризировать церковную музыку, адаптировать её к любому слушателю и тем самым расширить круг почитателей ... в одной программе с православными песнопениями и западноевропейской духовной музыкой могут соседствовать хореографические миниатюры, акробатика, цирковые номера, различные трюки, вызывающие восхищение у присутствующих [3, с. 289]». Такая трактовка вызывает вопросы по поводу смысла и значения возрождения духовного концерта, представляющего собой долгожданное обращение к уникальному пласту нашей культуры, имеющему мощный музыкально-интонационный языковой потенциал. Нуждается ли он в зрелищной шоу-про-

грамме, которая может нивелировать смысл этого обращения? Определённые шаги в сторону тщательной типологизации православной музыкальной культуры должны помочь современному исследователю в правильной расстановке акцентов.

Одна из таких попыток была осуществлена в диссертационном исследовании С. И. Хватовой, в котором современная православная музыка подразделена на пять категорий. Обособляя музыку, предназначенную только «для исполнения за богослужением [8, с. 34]», автор перечисляет имена 34 композиторов, работающих в этом жанре. Тем не менее культурная ценность произведений и полярность стилистических манер композиторов не принимается во внимание. Вопросы типологизации нынешней православной музыкальной культуры остаются весьма «зыбкой почвой» для исследователя. Как оценить принадлежность сочинения к православной культуре: по принадлежности автора сочинения к православию, по наличию текстов на церковно-славянском языке, по соответствию определённому богослужебному жанру – стихире, кондаку, тропарю и т.п., по присутствию или отсутствию инструментов оркестра, по его смыслу, значению или интонационному языку? По нашему убеждению, именно базовый аксиологический подход, определяющий ценность данного произведения как национального достояния, элементы семантического подхода, опирающегося на сущностно-смысловые характеристики сочинения, а также экологический подход в исследовании синтетических явлений культуры и продуктов медиаккультуры позволит правильно расставить акценты. И в данном ключе именно смысл, содержание, значение и музы-

кальный язык произведения оказываются важнее традиционной классификации по имени композитора или по определённому жанру. У одного и того же композитора мы можем найти совершенно разные по языку, содержанию и значению сочинения. Знаменитое, написанное в оперной манере, великолепное соло для меццо-сопрано «Да исправится молитва моя» П. Г. Чеснокова абсолютно разнится, например, с его же благоговейным «Задостойником на Введение во храм Пресвятой Богородицы»; так же как раннее сочинение – концертная по стилю «Литургия» С. В. Рахманинова – полярно отличается от полностью написанной на каноническом материале «Всенощной», в которой автор пересматривает отношение к богослужебной музыке. Вопрос о том, почему в нынешней богослужебной практике поётся именно «Да исправится молитва моя», а «Задостойники» П. Г. Чеснокова мало известны, – вот скрытый подтекст главной проблемы диагностики состояния православной музыкальной культуры. Есть ли силы, способные противостоять магистрально шествующему по всем направлениям процессу секуляризации православной музыкальной культуры? Как выявить и актуализировать скрытые резервы культуры, возвращающие к сущностно-смысловым основам её бытия?

Названные тенденции новой культурной парадигмы XXI века стали причиной кардинального размежевания православной духовной музыкальной культуры на *каноническую* (диакон Сергей Трубачев, Г. Н. Лапаев, Г. Б. Печенкин, Е. С. Кустовский, В. Б. Довгань), *традиционную церковную* (архимандрит Матфей Мормыль, митрополит Иларион Алфеев,

митрополит Ионафан Елецких, монахиня Иулиания Денисова, В. К. Ковальджи, А. Д. Гринченко и другие), православную *академическую* (А. И. Микита, А. Л. Ларин, К. Е. Волков, Р. С. Леденев, С. В. Сегаль и другие), православную *народную* (А. Н. Котов, Д. В. Саяпин, П. В. Терентьева, Л. В. Кондрашкова) и православную *массовую*, не входящую в область духовной музыкальной культуры, со всей совокупностью выбора средств выразительности, акустических и фонических особенностей культуры исполнения.

В сфере *традиционной церковной музыки* мы сегодня наблюдаем господство интерпретирующего направления: культурная модель братского пения Киево-Печерской лавры (архимандрит Матфей), культурная модель партеса XVIII–XIX веков (В. К. Ковальджи), эклектизм и полистилистика, вплоть до включения в партитуру церковного песнопения темы из Первой симфонии П. И. Чайковского или Третьего фортепианного концерта С. В. Рахманинова (монахиня Иулиания), а также репродукция (подтекстовка хоралов И. С. Баха богослужебными текстами и избранными стихами Псалтири в творчестве митрополита Илариона Алфеева, митрополита Ионафана Елецких, композитора В. Файнера). Само предпочтение западного материала и формы Н. Я. Данилевский определял как «европейничанье» – «болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, всё расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения... [4, с. 315]».

Православная академическая музыка частью представляет собой интерпретирующее направление, берущее за основу культурную модель церковно-певче-

ского ренессанса – Синодальной школы (К. Е. Волков, А. Л. Ларин), частью демонстрирует автономный стиль (А. И. Микита). Новое осмысление и новое переживание традиционно-заупокойного икоса панихиды и отпевания «Сам Един еси Безсмертный» (2007) А. И. Микиты в ключе величественного шествия и громогласного «аллилуйя» вместе с эмоционально приподнятым, возвышенным тоном песнопения поставило актуальные вопросы перед современной духовной музыкальной культурой как культурой нового типа: об использовании в богослужении пения разной манеры – академической и народной, о кардинальном пересмотре средств выразительности в трактовке песнопений заупокойной службы, Великого поста, Страстной седмицы, о доминанте архетипа радостного ожидания «жизни вечной» в православной эстетике перед скорбно-чувственным. Тем не менее огромный ресурс академического хора на современном этапе востребован только в единичных храмах крупных городов.

Настоящий прорыв в переосмыслении *православной народной певческой культуры* сделал ансамбль «Сирин» под руководством А. Н. Котова, который поставил своей задачей возродить народные духовные стихи, а также многоголосные древнерусские канонические распевы, в первую очередь русское строчное трехголосие и другие формы древнего многоголосия, осуществляя, помимо концертной деятельности, расшифровку древних распевов, их издание и исполнение. В правильной интерпретации древнерусских богослужебных песнопений и духовных стихов ансамбль «Сирин» видит не просто аутентичную достоверность, но гораздо большее – ключ к пониманию ми-

ровоззрения православного русского человека. Одной из главных причин начала творческой деятельности ансамбля стало «стремление молодых музыкантов к постижению древних традиций духовного пения [1]»¹. В состав ансамбля входят ведущие специалисты отечественного музыкознания, кандидаты искусствоведения – Полина Терентьева, Лада Кондрашкова, руководитель хора Издательства Московской Патриархии Даниил Саяпин и другие.

Наибольший интерес сегодня представляет новое *каноническое* направление, сложившееся внутри современной православной музыкальной культуры, демонстрирующее восстановление её семантических порядков, а именно – творчество современных композиторов-регентов, базирующееся на фундаментальных канонических принципах аранжировки и композиции, – диакона Сергея Трубачева, Г. Н. Лапаева, иеродиакона Германа Рябцева, Г. Б. Печенкина, Е. С. Кустовского, композитора В. Б. Довганя и их учеников. Принимая во внимание масштабную социокультурную деятельность последних как дирижёров, педагогов, создателей регентских курсов, издателей и редакторов богослужебных нот; вкупе с работой таких современных коллективов, как Московская школа «Псалтика» и детско-юношеский хор под управлением Ирины Болдышевой в Санкт-Петербурге, изучающих византийский распев; деятельность Г. Б. Печенкина по созданию Школы отроков в Москве, а также А. А. Гвоздецкого в Санкт-Петербурге и Гатчине, ведущих работу по восстановлению культуры пения знаменного рас-

пева; обширную экспедиторскую и исследовательскую практику, профессиональную расшифровку и высокий уровень исполнения древнерусского многоголосия ансамблем «Сирин» под руководством А. Н. Котова, – можно говорить о современной *канонической* православной музыке как о культурном феномене. Творчество современных регентов-композиторов удивительно лаконично по языку, светоносно, лишено какого-либо намёка на концертность или вычурность, удивительно внятно с точки зрения донесения текста, отмечено личным духовным опытом.

Факторы неосознанного стремления композиторов к аскетизации музыкального языка, современная интерпретация древней теории музыки, обращение к музыкальным архетипам, выраженным в модальности, гетерофонии, метроритмической свободе, алгоритме пролонгации мотивных звеньев, должны привлечь отечественных культурологов к изучению данного малоизвестного культурного явления. «Такая кропотливая работа над тщательной шлифовкой элементов собственного стиля привела к тому, что авторские песнопения у С. Трубачева находятся в одном ключе с каноническими [8, с. 235]», – пишет С. И. Хватова.

Подводя итог анализу современной православной музыки, необходимо подчеркнуть, что *современное каноническое творчество* в этой области является не только автономным, но и наиболее прогрессивным направлением. Полностью сохраняя канонические приёмы в изложении музыкального материала, авторы пишут яркие, оригинальные сочинения, которые соответствуют богослужебной практике. Творчество вышеназванных реген-

¹ Ансамбль Сирин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sirinensemble.ru/> (дата обращения: 01.12.2017)

тов-композиторов, приумножая национальное наследие в области православной музыкальной культуры, являет собой свидетельство её жизнеспособности и само-

развития как сложной нелинейной системы, самовосстанавливающей свой семантический порядок: вечно новое восхождение к Первообразу.

Примечания

1. Головатенко В. Богослужбное пение и светская религиозная музыка // Церковь и искусство : IX Всероссийские научно-образовательные Знаменские чтения «Традиционные ценности в условиях глобализации», Курск, 3–4 апреля 2013 года / Курская епархия Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Курский государственный университет ; [гл. ред. М. А. Космовская]. Курск : КГУ, 2013. С. 59–68.

2. Головатенко В. Церковь, искусство и церковное искусство // Церковь и искусство : IX Всероссийские научно-образовательные Знаменские чтения «Традиционные ценности в условиях глобализации», Курск, 3–4 апреля 2013 года / Курская епархия Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Курский государственный университет ; [гл. ред. М. А. Космовская]. Курск : КГУ, 2013. С. 22–29.

3. Дабаева И. П. Русский духовный концерт в отечественной культуре XIX – начала XX века : дис. на соиск. учён. степ. доктора искусствоведения : 17.00.02 / Дабаева Ирина Прокопьевна ; Ростовская государственная консерватория имени С. В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2017. 410 с.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва : Академический Проект, 2015. 602 с.

5. Постмодернизм. Энциклопедия / редактор-составитель А. А. Грицанов. Минск : Книжный дом, Интерпрессервис, 2001. 1040 с.

6. Трошин А. А. Семантическая концепция понимания как методологическое основание прикладной культурологии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований : [монография] / Российский институт культурологии, Научно-образовательный центр Российского института культурологии, Институт системных исследований и координации социальных процессов ; [Аванесова Г. А., Аверина М. В., Акопян К. З. и др. ; под ред. И. М. Быховской]. Москва : Смысл, 2010. С. 128–144.

7. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе / [послел. И. Панкеева]. Новосибирск : Сибирь – XXI век, 1991. 112 с.

8. Хватова С. И. Русский духовный концерт второй половины XX века : дис. на соиск. учён. степ. кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Хватова Светлана Ивановна ; Ростовская государственная консерватория имени С. В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2006. 257 с.

9. Tore West Music and designed sound. *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis* / Routledge. Taylor & Francis Group [London and New York]: Edited by Carey Jewitt, 2009. Pp. 284–293.

References

1. Golovatenko V. Bogoslužebnoe penie i svetskaya religioznaya muzyka [Liturgical singing and secular religious music]. In: Kosmovskaya M. L., ed. *Tserkov' i iskusstvo: IX Vserossiyskie nauchno-obrazovatel'nye Znamenskie chteniya "Traditsionnye tsennosti v usloviyakh globalizatsii"*, Kursk, 3–4 aprelya 2013 goda [Church and Art: IX All-Russian Scientific and Educational Znamen Readings "Traditional Values in the Context of Globalization", Kursk, 3–4 April 2013]. Kursk, Publishing house of the Kursk State University, 2013. Pp. 59–68.

2. Golovatenko V. Tserkov', iskusstvo i tserkovnoye iskusstvo [Church, art and church art]. In: Kosmovskaya M. L., ed. *Tserkov' i iskusstvo: IX Vserossiyskie nauchno-obrazovatel'nye Znamenskie chteniya "Traditsionnye tsennosti v usloviyakh globalizatsii"*, Kursk, 3–4 aprelya 2013 goda [Church and Art: IX All-Russian Scientific and Educational Znamen Readings "Traditional Values in the Context of Globalization"], Kursk, 3–4 April 2013]. Kursk, Publishing house of the Kursk State University, 2013. Pp. 22–29.

3. Dabaeva I. P. *Russkiy dukhovnyy kontsert v otechestvennoy kul'ture XIX – nachala XX veka. Diss. dok. iskusstv. [Russian spiritual concert in the Russian culture of the 19th – early 20th century. [Dr. history of arts sci. diss.].* Rostov on Don, 2017. 410 p.

4. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanic].* Moscow, Publishing house "Academic Project", 2015. 602 p.

5. Gritsanov A. A., ed. *Postmodernizm. Entsiklopediya [Postmodernism. Encyclopedia].* Minsk, Publishing house "Book House", Publishing house "Interpresservice", 2001. 1040 p.

6. Troshin A. A. Semanticheskaya kontseptsiya ponimaniya kak metodologicheskoe osnovanie prikladnoy kul'turologii [Semantic concept of understanding as a methodological basis of applied cultural studies]. In: Avanesova G. A., Averina M. V., Akopyan K. Z., etc., Bykhovskaya I. M., ed. *Kul'turologiya: fundamental'nye osnovaniya prikladnykh issledovaniy [Culturology: Fundamental Foundations of Applied Research].* Moscow, Publishing House "Smysl", 2010. Pp. 128–144.

7. Trubetskoy E. N. *Tri ocherka o russkoy ikone [Three Essays on the Russian Icon].* Novosibirsk, Publishing house "Cibir – 21th century", 1991. 112 p.

8. Khvatova S. B. *Russkiy dukhovnyy kontsert vtoroy poloviny XX veka. Diss. kand. iskusstv. [Russian spiritual concert of the second half of the 20th century. Cand. history of arts sci. diss.].* Rostov on Don, 2006. 257 p.

9. Tore West Music and designed sound. *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis / Routledge.* Taylos & Francis Croup [London and New York]: Edited by Carey Jewitt, 2009. Pp. 284–293.

*

МАСКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА («ЛИЦА» ГОСПОДИНА ШИКО)

УДК 1(091)

Е. Г. Тихомирова, А. Г. Сизенко

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В качестве центральной проблемы исследования выступает сущность маски как формы, структурирующей историко-культурный процесс благодаря воспроизведению смыслов культуры. В статье дан анализ процессов десакрализации предметных масок и становления не-предметного вида формы, содержательно характерного эпохе Возрождения.

В работе представлен обзор бытия маски в трёх измерениях культуры Возрождения – пени-тенциарной системе, балаганно-шутовской и маскарадной среде. Авторы показывают, как в эпоху Ренессанса через пересмотр христианской догматики происходит возврат к заинтересо-ванности земной жизнью, повлекший за собой возрождение «карнавальных» способов ре-презентации субъекта в культурной форме – маске.

Авторы проясняют генезис непредметной маски в ходе становления специфического стан-дарта культуротворческой деятельности – шутовства. В тексте представлена реконструкция масок Антуана д'Англярэ – исторической персоналии Ренессанса – широко известного как «шут Шико». Смысловые интерпретации содержания масок-«лиц» Шико аргументированы ценностными ориентациями культурно-исторического периода.

Ключевые слова: культура, маска, культурная форма, Ренессанс, шут, Шико.

E. G. Tikhomirova, A. G. Sizenko

Don State Technical University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Gagarin square, 1, 344000, Rostov on Don, Rostov Region, Russian Federation

THE MASK AS A CULTURAL FORM IN THE AGE OF RENAISSANCE (THE “FACE” OF MR. SHIKO)

The essence of the mask as a form that structures the historical and cultural process through the reproduction of the meanings of culture acts as the central problem of research. The article gives

¹ТИХОМИРОВА ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону)

TIKHOMIROVA EKATERINA GRIGORYEVNA – Full Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Technical University

²СИЗЕНКО АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону)

SIZENKO ANDREY GRIGORYEVICH – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Technical University

an analysis of the processes of desacralization of object masks and the formation of an unpredictable form of a form, a characteristically characteristic Renaissance.

The paper presents an overview of the existence of a mask in three dimensions of the culture of the Renaissance – the penitentiary system, the buffoonery-buffoonery and masquerade environment. The authors show how, in the Renaissance, through the revision of Christian dogmatics, a return to an interest in earthly life occurs, which entailed the revival of the “carnival” ways of representing the subject in a cultural form – a mask.

The authors clarify the genesis of the imperceptible mask in the course of the formation of a specific standard of cultural activity – buffoonery. The text represents the reconstruction of the masks of Antoine d’Angliaré – the historical persona of the Renaissance – widely known as the “clown of Chicot”. Semantic interpretations of the content of masks-“faces” Shiko are argued by the value orientations of the cultural-historical period.

Keywords: culture, mask, cultural form, Renaissance, jester, Shiko.

Для цитирования: Тихомирова Е. Г., Сизенко А. Г. Маска как культурная форма в эпоху Ренессанса («лица» господина Шико) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 82–89.

В ряду культурных форм, являющихся внешним, универсальным выражением единого содержания культуры, особое место занимает явление, отражающее в своей сущности результат взаимоотношения человека и мира через образы, его представляющие, – маска.

Мы рассматриваем маску не как предмет (вещь или набор предметов), но как культурную форму, служащую выражением потребности человека познать мир и себя самого, создав «образ», результирующий этот процесс. Маска как культурная форма – целостная структура, реализующая в предметах, методах и технологиях проекции объектов – результаты «человеческого открытия» внутреннего и внешнего пространства – рефлексирования себя, Другого и мира. Эти результаты рефлексии – маски-конструкты – формируются и наделяются личностными и общезначимыми культурными смыслами. Данная структура культуры, содержащая представления о текущих состояниях или ожидаемых трансформациях объекта, всегда опосредована интерпре-

тацией и не отражает абсолютно внутреннее содержание объекта – не является его презентацией, но находится с ним в изоморфных отношениях – настолько, насколько форма соответствует содержанию. Так, маска не единичный культурный артефакт, а проекция репрезентируемого объекта, раскрывающая через фиксацию границ, отсутствие или наличие в нём неких особенностей.

Сюжеты о маске поднимались и поднимаются в философии, культурологии, антропологии, психологии, истории, археологии, искусствоведении, этнографии и других научных направлениях часто со вниманием, ограничивающим интерес к ней как предмету, а именно – накладке на лицо (Платон, Аристотель, С. Кьеркегор, З. Фрейд, К. Юнг, М. Бахтин, Р. Кайуа, К. Леви-Стросс, М. Элиаде, Н. Евреинов, Вяч. Иванов, Р. Барт и другие). Исследование сущности маски не столько в воплощении её как вещи, сколько в наличии идеи маски и её бытия в пространстве культуры позволяет вскрыть серьёзный сюжет – о персоналистичности культу-

ры, и прояснить специфику многоуровневой связи «Я» и мира. Решение проблемы формообразования культурно-исторического процесса сквозь призму репрезентативности «Я» в пространстве культуры особенно актуально сейчас – в Новейшее время, когда человечество оказалось на пике культурного кризиса, связанного со сломом систем норм и ценностей, утратой смыслов бытия, культурной идентичности и понятных для индивида границ «Я», Другого и мира [2].

Истоки становления маски как формы находятся во множестве сфер архаической культуры, в которых наш предмет исследования был изначально представлен в прямом выражении. Вещная маска выступала в качестве связующего элемента в отношении человека и мира, характеризующегося мифо-религиозным признанием человеческого начала как части природы. Оставаться в рамках религиозных «биологических» представлений физическому воплощению феномена маски далее не представлялось возможным, так как зарождающийся христианский догматизм проповедовал приоритет духа над телом, главенство мира «небесного» над физическим. Потому маска начала путь в десакрализованное светское пространство, а затем, оставив свою предметную ипостась, обретая сущность формы, – в сферу идей.

В европейском Средневековье наличествовало три измерения для маски – уже не языческого атрибута, а легитимного реквизита субъекта культуры. Первым выступила христианская традиция, где маска, встав на «правой», «истинной» стороне духа против грешного тела, служила символом деструкции телесного естества, «ключом» к раскаянию и свету –

в пенитенциарной системе появились пыточные маски-инструменты инквизиции, маски «позора» [3]. Так, маску, как бывшую языческую атрибутику, попытались вынести в область страшного.

Вторым измерением для маски в предметном виде стала балаганная, рыночная культура. Рынки – общее для истории мировой, не только экономической культуры явление. М. Бахтин в своих исследованиях рассматривал европейскую традицию средневековых карнавалов неотъемлемо от площадной рыночной культуры. Он видел в ней противопоставление народного понимания тела пониманию тела в религиозной догматике. Маски Европы для М. Бахтина выступили инструментами диалога между полярными системами ценностей [1]. Именно там начался генез балаганной, смеховой, шутовской, скоморошечьей – театрализованной культуры, которая вывела вещную маску из-под удара по «греховной» телесной природе человека, переведя её сначала на десакрализованные народные театральные подмостки, затем на светские аристократические и далее – в мир современных способов, не отделяющих дух от тела, познания «Я». Народная рыночная культура вызывала недовольство со стороны представителей религиозной традиции во всех странах. Выпускались нравоучительные тексты, законодательные акты, которые всячески порицали шутовство и скоморошество. В этом явлении виделась прямая угроза церковному единству, незыблемости христианских морально-нравственных норм. Видение официальными властями в рыночных шутах угрозы влияло на формирование общественного мнения как порицания явления, выраженного в лингвистических нормах – «дурак», «шут

гороховый» и пр. Данные нормы языка были призваны зафиксировать негативное отношение к носящим маски. Но «дурачество» не так легко было искоренить: культурная память народов содержала в себе архетип языческого шута – трикстера, божества, играющего с богами и людьми злые шутки, приносящие практическую пользу человеку. Те же функции выполнял и человеческий аналог трикстера – способствовал вскрытию интриг, самопознанию высмеиваемых. Поэтому власть была вынуждена смириться, и шуты остались.

В период расцвета рыночного балаганного шутства (примерно IX–XVI века), наряду с традиционными для мифо-религиозной рефлексии функциями шутовских масок, появились новые виды, которые заслуживают внимания по логике нашего исследования. Рядились представители «смешной» профессии во множество разнообразных масок. Например, мёртвых – в этих образах нашёл отражение языческий культ предков, а также был репрезентирован универсальный смысл отношения к смерти, окрашенный новыми оттенками христианской культуры: в самом наличии масок умерших обнаруживалась, с одной стороны, почтительность, благоговейное отношение к опыту предков, а с другой стороны, сатирическая сторона – коннотировалось христианское неверие в конечность человеческого бытия. Вторым видом вещных масок шуты выступали «иные» – фантастические существа, как дань прошлому, и этнически иные, как персонификация межкультурного взаимодействия. Эти маски требовались для обозначения отношения себя к Другому, выступали способом понимания, но не противопостав-

ления – в виде обозначения конкретных черт инаковости (не познав Другого, нельзя создать образ). Также присутствовала масочная травестия – переодевание в одежду противоположного пола. Новыми образами для балаганного шутства стали статусные, сословные маски – князей, монархов, рыцарей, священников, разбойников, крестьян, ремесленников и пр. Шуты невербально и вербально доносили публике бинарные конструкты мировоззрения: что есть смерть и жизнь, добро и зло, любовь и ненависть, а также универсальные и субъективные смыслы конкретного социокультурного пространства, тем самым определяя границы дозволенного для «Я» в культуре.

В эпоху Высокого Возрождения маскарад, пришедший с улицы во дворец и актуализированный в представлениях, разыгрываемых для знати шутами, стал привилегией самой знати – балом-маскарадом – третьим измерением для десакрализованной маски.

Традиции балов в культуре до Возрождения не было в принципе. Вместо бала наличествовал средневековый пир, где развлечением служила еда, дополненная музыкой и танцами. Ренессанс гуманистически изменил приоритеты досуга – вместо акцентов на питии и пище человеку предлагали танцы и общение. На балах обсуждались важные политические и светские события, происходило знакомство со значимыми персонами – знатью, послами и т.д. Особый оттенок в проведение балов внесло появление в их атрибутике вещных масок. Среди них присутствовали и образы, как исконные обрядовые личины, и образы мифологических и эпических европейских персонажей (античных богов и героев), маски, обозна-

чающие современным участникам исторические персоналии. Самыми распространёнными масками были трикстеры – шуты, хитрецы, плуты и обманщики, короли, среди которых встречались известные люди, персонажи ада и чистилища (бесы, черти и пр.), лики смерти, персонажи религиозной среды (епископы, монахи), трансформированные языческие образы (духи плодородия, земледелия, времён года и т.д.), зооморфы и образы реальных животных. Во время карнавальных действий действительность переворачивалась кардинально – бедные становились богатыми, люди – животными, короли и церковь – смешными. Это зазеркалье должно было показать человеку иллюзию в иллюзии пространства и времени, истинным лицом которой являлся только Бог. Кроме того, карнавал ещё раз (после религии) в понятной форме указывал человеку границы запретов – по его окончании начинался пост как дорога к настоящей нетелесной жизни.

В исторических хрониках упоминаются дворцовые маскарады, уличные гуляния, шутовские свадьбы. В поздние эпохи традиции маскарадов будут продолжены многими монархическими фамилиями Европы и России. Общество с упоением начнет играть в неузнанность и тайны, знакомясь в этом процессе со своим «Я», отыскивая для него стабильные ценностные системы.

Наличием этих новых видов маски как культурной формы обозначилась важная тенденция – движение к театрализации, уход маски в драматургию повседневной коммуникации, поиск её содержания в культурных предписаниях, нормах личностных стереотипов и соответствующего им ролевого поведения. Шуты

прошли тернистый путь развития от спонтанного народного творчества, сопровождающего обрядовые формы культуры, до становления шутовства как профессии.

Прежде всего, они стали придворными актёрами на службе местечковой или столичной знати. В качестве сценария для своих представлений шуты использовали мифологическое, эпическое народное творчество, сатирическую поэзию (часто нецензурного содержания). Изложение художественного текста сопровождалось пластикой, танцами и музыкой. Ряженные шуты-профи постоянно пребывали в штате европейских и отечественных монархов (например, у Ивана Грозного, Михаила Романова и других).

Подобное приближение к высшей власти было для шутов не чем иным, как поиском новых инструментов для межкультурной и межсубъектной коммуникации. «Специалистам смеха» вне подмошков, но при дворе дозволялось открыто обсуждать в присутствии знати то, что не осмеливались сказать остальные. Жанр социальной сатиры родился именно в таком диалоге – шута / скомороха и монарха. Подкреплённая народным творчеством, фарсом сатира эпохи европейского Просвещения станет затем самостоятельным художественно-литературным направлением.

В эпоху Ренессанса феномен шутовства, развёрнутый по форме маски проявился ещё более ярко. Фигура шута при монархе теперь выполняла личностно-культурно-идентифицирующую роль – в шутках телесного низа, скабрёзностях, открытых правителю смыслах занимающий высокое положение человек мог видеть себя как в зеркале, смотреть со стороны на составляющие качества «Я»,

на себя в культуре. Вещные маски в этом виде коммуникации были уже не способом расстановки границ, а наоборот – помогали их стереть и увидеть истинное лицо. Так, скоморох / шут выступал двойником, архетипическим близнецом, Тенью монарха – тёмной частью его личности. Одной из лучших иллюстраций данного утверждения служит историческая и литературная персоналия – шут Шико.

К рассмотрению роли и значения фигуры Шико для ренессансной культуры неоднократно подходили и в сфере художественной литературы, и в гуманитарных науках. В нашей работе этот шут-дворянин впервые проанализирован в ракурсе реализации маски как культурной формы – как многопластовая структура «Я», в масках которой были отражены результаты универсальной рефлексии на мир, себя и Другого, а также воспроизведены первообразы конкретного историко-культурного этапа – Возрождения. Вопросы, которые возникают в ходе обращения к источникам, содержащим сведения о его деятельном бытии, маркируют ряд масок Шико.

В 1846 и 1847 годах во Франции вышли два романа А. Дюма-отца – «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять», посвящённые историческим событиям Франции второй половины XVI века. Одним из знаковых персонажей этих произведений стал шут Шико при дворе французского короля Генриха III.

Шико – действительно реальный исторический, а не вымышленный герой. Однако А. Дюма-отец, как настоящий писатель, некоторые факты, естественно, искажил, какие-то детали намеренно пересмотрел в контексте сюжетной линии романов.

В биографии шута Шико до сих пор существует достаточно много «белых» пятен и вопросов. Попробуем обратить внимание на некоторые из них, через призму общедоступных сведений.

Сразу стоит сказать, что «Шико» – это прозвище и, по принятому мнению, означает «пенёк» или «обломок зуба». Настоящее же его имя Антуан-Себастьян д'Англярэ. Род упоминается в Пуатье, недалеко от Ла-Рошели, где служил капитаном отец нашего героя – Раймон. В 20 лет Антуан поступает на службу к герцогу Савойскому Онорэ де Савуа II. Во время очередной войны против гугенотов, в 1561 году, он выполнял функции курьера при своем господине. Здесь впервые Антуан знакомится с королем Карлом IX и, рискнём предположить, с королевой-матерью Екатериной Медичи, поскольку именно по её настоятельной протекции Шико (так упоминается его имя в документе) определяют ясельничим при конюшне Его Величества.

По мнению французского историка Леона Марле, в период Второй религиозной войны во Франции, осенью 1567 года, Шико, по приказу маршала де Вийар-Бранкаса (кстати, будущего тестя герцога Майенского), был отправлен к де Капельно-Мовисьеру с целью выполнять обязанности проводника для войск, пришедших на подкрепление из Фландрии.

В связи с этим возникает первый вопрос. Как сторонник Католической Лиги Вийар-Бранкас мог отправить Шико в помощь ярому врагу Католической Лиги и стороннику веротерпимости М. де Капельно-Мовисьеру?

Начиная с 1569 года Шико неотлучно находится при герцоге Анжуйском, будущем короле Франции Генрихе III. Точная

дата назначения Шико шутом неизвестна, однако в списках королевской дворни он появляется только в 1580 году.

Второй вопрос – участие Антуана д'Англярэ в событиях Варфоломеевской ночи 1572 года. По свидетельству Брантона, он и его отец настолько вошли во «вкус» уничтожения гугенотов, что якобы убили графа Франсуа де Ларошфуко. Опиравшийся на произведение Брантона А. Дюма-отец, видимо, решил обойти этот спорный момент в биографии Шико и поэтому придумал историю о любовных взаимоотношениях его героя с супругой герцога Майенского.

В своих шутках, репликах Шико было позволительно практически всё, даже критика короля. В работе «Генрих III» П. Шевалье утверждал, что роль кривляки и сумасшедшего Шико изображал только тогда, когда сам хотел [4]. Его юмор всегда был дерзок, рискован, но вместе с тем основывался на здравых рассуждениях.

Шико – единственный шут, имевший право всегда носить с собой шпагу. А по воспоминаниям, фехтовальщик он был отличный, за что и получил ещё одно прозвище – «вторая шпага Франции».

В 1584 году Генрих III пожаловал Шико дворянское достоинство. Третий вопрос. В произведении А. Дюма-отца «Графиня де Монсоро» события разворачиваются в 70-е годы XVI столетия. Этот вывод можно сделать даже из того, что граф де Бюсси погиб в 1579 году. Каким образом тогда Шико неоднократно мог хвалиться своим дворянским званием, которого ещё не было? А может уже было? Г. Манн в «Зрелых годах короля Генриха IV» пишет: «Шико ... гасконский дворянин». Можно встретить версии и о том, что его род славился ещё во времена Фи-

липпа Красивого, и о том, что дворянство купил его дед, и т.д.

Четвёртый вопрос. Погиб ли действительно Шико в указанное время и указанном месте? А может, это очередная хитрость шута?

Вопрос можно поставить по-другому: не связана ли «гибель» его (уход с государственно-политической сцены) с предстоящими событиями Франко-испанской войны или ещё какими-либо причинами?

Итак, после убийства 2 августа 1589 года французского короля Генриха III, Шико стал востребованным и при дворе Генриха IV. По официальной версии, погиб Антуан д'Англярэ при осаде Руана. Брантон описывает, что при осаде Руана в марте 1592 года Шико ранил и взял в плен графа Шалиньи, члена Лотарингского дома. По законам войны того времени ему причитался выкуп за пленника. Шико привёл Шалиньи к королю со словами: «Смотри, что я тебе дарю!». Граф пришёл в ярость, нанёс шуту удар по голове эфесом шпаги, от которого тот умер несколько дней спустя.

С. Гжыбовский пишет проще: «Погиб солдатской смертью в 1591 году [6]». Д. Доран в произведении «История придворных шутов» говорит, что раненый Шико делил кров с раненым гугенотом. Был очень слаб и со своей постели уже не поднялся [5].

Но не только смерть господина Шико вызывает вопрос, но и выбор места его погребения. Пятый вопрос.

Ещё в 1585 году Антуан д'Англярэ составил духовное завещание, по которому его тело должно было быть предано земле в церкви кордельеров в замке Лош, в котором он долгое время заведовал охраной, дослужившись до лейтенанта. Ко-

роль Генрих IV же приказал похоронить его в церкви города Пон де л'Арш.

С какой целью французский король решил нарушить духовное завещание своего шута? Почему его прах предали земли не в замке Лош, а за 2141 км в другом городе? Городе, который никак и никогда не был связан с Шико.

Так, специфика «лиц» Шико оказалась косвенно определена конкретными ожиданиями и запросами исторического контекста, изоморфна культуре Ренессанса. В ходе реконструкции многообразных проекций «личности» этого придворного шута мы увидели, как маска из вещной ипостаси, выступающей в каче-

стве интенции человека к трансформе «Я» и мира, перешла в метафорический вид, став непредметной. Проблема многоуровневости «Я», данная в вопросах об «истинных» и «ложных» лицах Шико, позволила увидеть связь и взаимодействие трансформаций, проходящих в личностной структуре, с культурной динамикой.

В целом исследование сфер использования шутовских масок, проведённое в данной статье, позволило прояснить некоторые стороны генезиса маски как формы – возникновение одного из десакрализованных, непредметных видов в ходе становления нового стандарта культуротворческой деятельности.

Примечания

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 544 с.
2. Тихомирова Е. Г. Маска как форма репрезентации смыслов культуры : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 24.00.01 / Тихомирова Екатерина Григорьевна ; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2016. 48 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. Москва : Ad Marginem, 1999. 478 с.
4. Шевалье П. Генрих III: Шекспировский король / пер. с фр. Е. Хохловой. Москва : Terra, 1997. 848 с.
5. Doran J. *History of court fools*. London, 1858. 412 p.
6. Grzybowski S. *Henryk Walezy*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.

References

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]*. Moscow, Publishing house "Imaginative literature", 1990. 544 p.
2. Tikhomirova E. G. *Maska kak forma reprezentatsii smyslov kul'tury. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk [Mask as a form of representation of the meanings of culture. Synopsis dr. philos. sci. diss.]*. Rostov on Don, 2016. 48 p.
3. Fuko M. [*Foucault Paul-Michel*] *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Supervise and punish. Birth of prison]*. Moscow, Ad Marginem Press, 1999. 478 p.
4. Shevalye P. [Chevalier P.] *Genrikh III: Shekspirovskiy korol' [Henry III: Shakespeare's King]*. Moscow, Publishing house "Terra", 1997. 848 p.
5. Doran J. *History of court fools*. London, 1858. 412 p.
6. Grzybowski S. *Henryk Walezy*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.

*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ БАРОККО В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВЕ

УДК 7.01

А. А. Белобров

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена выявлению причин интереса к барокко в современной культуре, анализу его отдельных проявлений через формы трансляции в современном российском и зарубежном изобразительном искусстве и кинематографе. Автор выделяет наиболее актуальные интерпретации сюжетных мотивов барокко в кинематографе, в котором присутствует явление иллюстрационной декорированности, ориентированное на познание реального мира посредством восприятия иллюзий. Анализируется жанр фэнтези, в котором присутствует приём градации атрибутики пышных и роскошных внешних элементов. Автор рассматривает основные предпосылки интереса к культуре барокко в современном искусстве через массовую трансляцию и продвижение его на различных выставках на территории России, где данное явление за последние несколько лет актуализируется и устойчиво репрезентируется в социокультурном пространстве. Раскрывается эстетический потенциал барокко, заложенный в предметных и изобразительных экспонатах, связанных с современной модой, фотографией и кинематографом.

Ключевые слова: культурология, культура барокко, современный кинематограф, изобразительное искусство, формы барокко.

A. A. Belobrov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

REPRESENTATION OF THE ARTISTIC PRINCIPLES OF THE BAROQUE IN CONTEMPORARY FOREIGN AND RUSSIAN ART

The article is devoted to revealing the reasons for interest in baroque in modern culture, the analysis of its individual manifestations through forms of translation in contemporary Russian and foreign fine arts and cinema. The author highlights the most relevant interpretations of the plot

БЕЛОБРОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BELOBROV ANDREY ALEKSANDROVICH – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: belobrowandrei.tv@yandex.ru
© Белобров А. А., 2018

motifs of the Baroque in the cinema, in which there is a phenomenon of illustrative decoration, oriented to the knowledge of the real world through the perception of illusions. The genre of fantasy is analyzed, in which there is a gradation of the attributes of lush and luxurious external elements. The author considers the basic prerequisites of interest in baroque culture in contemporary art through mass broadcasting and its promotion in various exhibitions on the territory of Russia, where this phenomenon over the past few years, is actualized and is consistently represented in the social and cultural space. The aesthetic potential of the Baroque, laid down in the subject and visual artifacts associated with modern fashion, photography and cinema, is revealed.

Keywords: culturology, Baroque culture, modern cinema, fine arts, Baroque forms.

Для цитирования: Белобров А. А. Репрезентация художественных принципов барокко в современном зарубежном и отечественном искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 90–97.

Устойчивый интерес современных россиян к культуре барокко связан с тем, что сегодня во всё большее число произведений искусства включают элементы барочной культуры. Более того, данный процесс проникает и в область мировоззрения и наполняет философские идеи современности, воспроизводит новые обозначения в трактовке настоящей красоты и «магически фантазийной красоты», что, несомненно, приводит к реализации деятельности, направленной на достижение иллюзорного идеала в формах воспроизведения визуального искусства.

Таковыми идеалами могут служить образы стилизации в деталях культуры барокко на примере современного кинематографа, изобразительного и фотоискусства, которые фиксируются в сознании человека, отображают мифическое восприятие реальности окружающего мира, порождают культурный интерес. Они же являются инструментом искусства, для которого в большинстве случаев важна не сущность и внутреннее содержание, а лишь внешние особенности оформления в мельчайших изобразительных чертах, которые оказывают визуальное влияние на человека, тем самым побуждая и вызывая у него интерес.

Современному культурному интересу к барокко в России в области кинематографа способствует его широкое распространение в творчестве зарубежных режиссёров, которые на протяжении нескольких последних десятилетий транслируют культуру барокко массовому зрителю, создают большое количество кинохроник о данном стиле искусства.

Одной из последних уникальных работ, снятой в 2009 году компанией BBC, является одноимённый фильм «Барокко. От собора св. Петра до собора св. Павла» (“Baroque. From St. Peter’s to St. Paul’s”). В этом фильме искусствовед Вольдемар Янушчак путешествует по Италии, Англии и Испании в поисках лучших образцов барочного искусства и рассказывает удивительные истории их создания. Важно отметить и ряд других работ: «Король танцует» (фр. “Le Roi danse”), «Все утра мира» (фр. “Tous les matins du monde”), фильм «Сестра Моцарта» (“Nannerl, la soeur de Mozart”), «Последний шанс Генделя» (“Handel’s Last Chance”), «Хроника Анны Магдалены Бах» (“Chronik der Anna Magdalena Bach”), документальный фильм «По следам Вивальди». Эти фильмы позволяют более точно составить представление об уникальной культуре барокко,

с максимальной достоверностью донести до современного зрителя энциклопедическую информацию, созданную с помощью видеопроецирования. Произведения эпохи барокко тяготеют к тому, чтобы создавать сакральный смысл. Так, в основу фильма (видеофрагмента) может быть положен известный числовой расчёт или некоторый содержательный принцип. Поэтика самого барокко обращена не к зрителю, а к онтологии самого произведения, которое может создавать глубинный слой [2, с. 357].

Активное развитие современных компьютерных технологий открывает возможности трансляции зрителю более реалистичной картинки с сюжетами древности, мистико-фантастическим, историко-философским аспектом восприятия мира в «новой» реальности, в связи с чем обществу предлагаются образцы эстетического вкуса современности, объединяющие между собой стилистические черты барокко в единое целое. Это особенно проявляется в градации художественных элементов, каждый объект из которых показан в максимальной концентрированности всех характерных ему черт, что особенно заметно в жанре фэнтези, а также в приключениях и детских мультипликационных работах (анимации). Связь барокко с жанром фэнтези заключается в диалогичности фантазийных магических форм с формами реальности. Сюжеты фильмов в жанре фэнтези приводят человека к достаточно выраженной социокультурной адаптации к проблемам реальной жизни через философское понимание мифологии сюжета, анализ его сущности через восприятие магии и волшебства. Этот приём был масштабно использован в эпоху классического ба-

рокко, когда все формы искусства, начиная с музыки и заканчивая изобразительным искусством, были наделены смыслом нестандартности сказочно-мифического образа. Приукрашались, гиперболизировались истории героев и их жизненных ситуаций посредством пышных, сказочных, мифологических трактовок.

Ставшая нормой в последние десятилетия жизнь на эмоциональных контрастах корректирует траекторию направленности человека к вере в волшебство, которое способно дать душевное спокойствие и умиротворение через познание философии жизни и через её восприятие. Однако норма веры в сверхъестественное XVII века отличается от принципов и моделей, стиля жизни в XXI веке. Магия в XVII веке каралась инквизицией, магия, воплощённая в фэнтези в интерпретации XXI века, привлекает помпезной атрибутикой, действиями напоказ, с использованием нестандартных методов и практик, превращаясь из форм ритуального действия в форму искусства, наделённого противоречиями барочного мировосприятия.

На сегодняшний день жанр фэнтези стал одним из самых популярных. Особая занимательность фэнтези связана с возможностью заглянуть в малоизвестный зрителю мир прошлого, особенно мистического Средневековья, либо в альтернативную реальность, которая даёт возможность проанализировать мир в различных его сюжетных параллелях. Это позволяет увидеть последствия тех либо иных принятых решений. Ярким примером фэнтези являются «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, где «Нарния» – это адаптация библейской истории, повествующая о природе добра и зла с глубоким

внутренним философским дискурсом. В произведениях Дж. Толкина, к примеру, отражены глубокие идеи гуманистических, духовно-религиозных взглядов, делающие далёкие эпохи ближе, доступнее читателю, видоизменяя их, перенося в них современные формы мышления и поведения. Автор произвольно обращается с историческими реалиями, создавая особую атмосферу «времени во времени».

В современной детской мультипликации стилистика барокко ярко проявляется в работах кинокомпаний “Disney” и “Pixar”, которые на протяжении трёх десятилетий экспериментируют с графикой и анимацией, вследствие чего появились новые истории и герои. Происходила постепенная трансформация художественной иллюстративности, приведшая в итоге к формам барокко, которые проявились в ярком воплощении детских сказок в жанре фэнтези. Интерес к формам барокко заложен в основе сюжета, позволяет нестандартно оценивать, понимать и принимать те или иные испытания, происходящие с героями. Эта форма барочного восприятия позволяет оценивать нестандартные визуальные формы объекта, вызывающую роскошь, яркую экстравагантность как устойчивые формы современной культуры.

В начале двухтысячных годов компании “Disney” и “Pixar” выпустили целую серию детских мультфильмов: «Корпорация монстров», «Красавица и чудовище», «Белоснежка и семь гномов», «Аленький цветочек» и т.д. Бесспорно, в сегодняшних сказках акцент делается не на глубокий смысл философского характера, а на художественно-изобразительные формы сюжета и образы героев, богатство графики.

Восприятие философских иррационалистических теорий барочного миропонимания, как правило, доступно наиболее искушенному, образованному зрителю. Актуализация сказки, мифа, притчи, а также появление и расцвет фэнтези позволили публике погрузиться в мир таинственного, поиграть с ним, приобщиться к его сотворению. Это сделало фэнтези одним из самых распространённых на сегодня жанров, пользующихся массовой популярностью. По сути, это переписанные сказки братьев Grimm, Шарля Перро и других, воплощённые в реальную действительность, созданные как установка образа жизни многих людей.

Российский кинематограф перешёл от стадии канонических, консервативных принципов, характерных для советского периода к стадии экспериментов и поиска новых форм. Культурный интерес современных режиссёров выражается в нацеленности на тематику «глянцевого фантастики» и сверхъестественных сил. Сам по себе факт перехода российского кинематографа в фазу экспериментов означает изменение в потребностях общества, в котором присутствует большой набор культурных интересов. Соотношение жизни реальной с принципами барочной, преувеличенной красоты во всем даёт возможность размышлять над многими аспектами, в частности, стимулирует человека к процессу самопознания, надеяется его верой в самого себя в достижении своих целей. Сюжеты современных российских фильмов и детских сказок в жанре фэнтези с применением барочных элементов только начинают развиваться: российский фильм Вадима Соколовского «Книга мастеров» – яркое тому подтверждение. Сюжет фильма построен на

основе мотивов древнерусских былин и сказаний, но наделённых излишними элементами пафоса и контрастностью декоративных элементов с совмещением реальности и барочной магии иллюзий. Ещё одним повествованием в киноиндустрии является работа (сериал) Евгения Бедарева «Пока цветёт папоротник» 2012 года. Эта инверсия позволяет обычному человеку (журналисту) стать супергероем, где заданная реальность наделила его особыми волшебными способностями; сюжетная линия построена на объединении сказки и настоящей реальности, в развитии сюжета применяется эксцентричность в многообразии изобразительных форм, что подчёркивает пышность, совершенную красоту, многогранность и изящность всех компонентов, отражающих стилистику культуры барокко.

Культура барокко репрезентируется и в современном изобразительном искусстве и его производных формах в фотоискусстве, отчасти связанных с культурой кино и модной индустрией. В последние годы число созданных выставочных павильонов, посвящённых стилю барокко и его композициям, колоссально увеличилось. Актуализация барокко существенно проявляется в кругах культурной элиты, в связи с чем стилю барокко посвящено немало выставок во всех регионах России: в Московском музее современного искусства состоялась выставка «Барокко. Симптоматика Большого стиля» (2007), на которой были представлены работы современных художников, работающих в стиле барокко. Организаторы выставки отметили большой интерес людей к барочному искусству. В Омском областном музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля в 2017 году

была представлена экспозиция «Стиль в зеркале эпохи» (Исторические стили в русском интерьере. Декоративно-прикладное искусство XVI – начала XX века), на которой особое внимание было уделено экспонатам стиля барокко. В ноябре 2014 года в Московском ГМИИ имени А. С. Пушкина состоялась выставка «Рубенс, Лихтенштейн и прекрасная печаль барокко». В 2017 году во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино состоялась книжная иллюстративная выставка к 440-летию со дня рождения Питера Пауля Рубенса «Торжествующее барокко». На выставке были представлены альбомы, музейные каталоги, монографии из фондов БИА, посвящённые архитектуре, скульптуре, живописи, декоративно-прикладному искусству барокко. Центральное место на выставке заняли издания, посвящённые творчеству великого нидерландского живописца Питера Пауля Рубенса (1577–1640), одного из выдающихся мастеров барокко, в чьих произведениях этот стиль достиг наивысшего выражения.

Современному изобразительному искусству, как и кинематографу, свойственен приём магического изображения художественного действия. Образцы современной культуры в отображении реальности, основанной на формах магии, взаимодействуя друг с другом, создали целое направление в изобразительном искусстве в виде магического барочного реализма, в котором работает мексиканский художник Хосе Парра. Он участвовал в персональных и коллективных выставках в Мексике на международном уровне: в выставке “International Carrefour” в Нью-Йорке, “New Great Masters”

(Новые великие мастера) в Центанарио музее в Монтеррее и в выставке “Феникс и драконы” в Шомон и Фихтах (Германия). Фэнтезийно-исторические темы в современной культуре довольно распространены среди художников. Во-первых, потому, что это очень интересная тема, которую до конца ещё не раскрыли. Во-вторых, работы в стиле барокко с применением магического реализма очень востребованы обществом и вызывают огромный интерес у представителей российской и зарубежной элиты. Данные произведения транслируют превосходную красоту, неподдельное изящество и тонкую грациозность письма. В серии картин под названием «История потерянного континента» персонажи живут на грани времён, помпезности добавляет обилие вспомогательных элементов второго плана. Его персональные выставки увидели такие страны, как Мексика, США, Канада, Дания, Нидерланды, Франция и другие.

Ещё одним современным художником, работающим в стиле магического барокко, является американский художник Тед Пим. Являясь «уличным» художником», он пишет свои работы (граффити и фрески) с использованием визуального лексикона Рембрандта и Караваджо. Его работы наделены элементами богатого тона в избытке монументальности. Сам Пим говорит о своем творчестве: «Я всегда обращаюсь к старым мастерам, они из того времени, когда искусство говорило о красоте, каждая картина, каждая скульптура, каждое музыкальное произведение – всё стремилось быть совершенным [3]».

Интерес к культуре барокко виден и в работах современных графиков-художников Франса Хойтина и Герарда Тринья-

ка, в чьих работах изображены фантастические реконструкции и проекции. По профессии Франс Хойтин обычный садовник, а Герард Триньяк – архитектор. Работы Герарда Триньяка максимально приближены к стилистическим приёмам классического барокко с элементами магической фантастики и неправдоподобности в изображениях городской панорамы. В его картинах реальные формы объектов сочетаются с фантазийной приукрашенностью, что придаёт эффект сказки, монументальности и совершенно новой, необычной красоты. Во многих работах изображены здания с декоративными мостами и помпезными колоннами с применением большого числа деталей, таких как шарообразные облака, парящие дворцы и пустынные города. Многие художники и критики сравнивают эти работы с картинами итальянского художника Каналетто (Canaletto, 1697–1768), мастера городских пейзажей в стиле барокко. Работы Франса Хойтина наполнены игрой света и тени, художник изображает мир своеобразных диковинных растений и сказочных мифических беседок и садов. Его мир – это мир совершенной иллюзии, в которой нет связи с реальностью. Именно благодаря новому взгляду на реальный мир картины приобрели мировую известность.

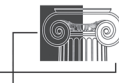
Видение реальности через призму магии заметно и в работах канадского художника Роба Гонсалвеса – представителя магического реализма в живописи. В его картинах магические элементы тесно переплетаются с реальной жизнью, где чудеса выступают контрастом с обыденностью. В его картинах всегда волшебное объединение миров, «незаметные метаморфозы, перетекание объектов из одной

ипостаси в другую». В работах «Цветочное затмение», «Воздушные змеи», «Плавающие острова», «Феноменальное плавание» и других присутствуют черты барочности по характеру цветовой гаммы, конструкции сюжета и абстракции идеи.

Изыски современной моды в устремлённости к сложным, экстравагантным образам становятся основой в отражении современного стиля «глянцевого барокко» и интереса к нему, в фактурах стилистических инверсий, которые отображаются в фотоискусстве при проецировании образов в глянцевых изданиях и популяризации стиля барокко в выставочных павильонах. Ведущие модные журналы – от популярных издательств «Эль» (Elle) и «Гламур» (Glamour) до альтернативного «глянца» «Лав» (Love) – применяют стилистику барокко и считают её актуальной современной культуре. Формы барокко в фотографии нашли выражение в яркой цветовой гамме, игре света и тени, изображении декоративных элементов, неординарности композиционных решений, свойственных данному стилю. «Глянцевые» издания, являясь «энциклопедиями гламурной жизни», призванные развлекать массового читателя, погружают его в мир иллюзии-сказки [1], где нередко прослеживаются выражения об изображаемом образе в виде сленга «икона моды», тем самым придавая им значение идола. Учитывая особенности модной индустрии, художники, фотографы и графические редакторы используют механизмы и приёмы, которыми пользовались фотомастера или художники прошлых десятилетий и эпох, в том числе и композиционными вариациями барокко. Изображениям «глянцевых» журналов нередко присущ элемент экстравагантности

в отображении деталей представляемого объекта, и эта же особенность находит своё отражение и в ранних работах Рубенса, что позволяет провести параллели от барокко к современности. К примеру, для картин Веласкеса и Пуссена характерны резкие контрасты между светлыми и тёмными тонами с повышенной эмоциональностью сюжета, что было нововведением для культуры XVII столетия и стало возродившимся приёмом в работах современных фотомастеров.

В такой художественной системе, как барокко, абсолютная ясность затемняется даже в тех случаях, когда художник стремится к совершенной и прекрасной точности. А. В. Михайлов полагал, что барочная умозрительность немыслима без «темноты неразстворённой тайны» [2, с. 332]. Современным фотографиям свойственен художественный приём *кокейн*, который изображает всё в свете сказочной страны с изобилием и праздностью средневековых легенд. Нередко используются вызывающе эпатажные и «нелепые» композиционные вариации, в которых стираются рамки пропорций человеческого тела, манера поведения героя и многообразии декоративно-прикладных элементов, не свойственных сюжету. Современное искусство и его формы в разнообразии трансляционных форм тяготеют к культуре барокко. Формирование культурного интереса к данному стилю стало особой средой, в которой есть место творческой свободе, полёту фантазии. Именно поэтому барокко получило широкое применение в работах современных художников и заняло свою нишу в области культуры, образовав устойчивые и развитые формы интереса к культуре барокко.

В заключение можно отметить, что интерес к культуре барокко в России имеет достаточные основания, чтобы трактовать его как устойчивую репрезентацию современной культуры. В определённой степени этот интерес связан с миро-

выми тенденциями стилизации барокко в современном искусстве, именно поэтому сегодня репрезентации этого стиля в России проявляются в виде интереса выборочно, в более наглядных и экстравагантных формах.

Примечания

1. Буряковская В. А. Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и прагматическое представление // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 169–172.
2. Жуковец О. Ю. Барокко как стиль и как тип культуры // Культурная жизнь юга России. 2008. № 2. С. 23–25.
3. Лобанова М. Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. Москва : Музыка, 1994. 320 с.

References

1. Buryakovskaya V. A. Glossy magazine as a phenomenon of mass culture: speech and pragmatic conception. *Political Linguistics Journal*. 2012, no. 1 (39), pp. 169–172.
2. Zhukovets O. Yu. Barokko kak stil' i kak tip kul'tury [Baroque as a style and as a type of culture]. *The cultural life of the South of Russia*. 2008, no. 2, pp. 23–25.
3. Lobanov M. *Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики* [Western European Musical Baroque: problems of aesthetics and poetics]. Moscow, Publishing House "Music", 1994. 320 p.

*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО НАРРАТИВА

УДК 130.2:39(497.2)

Е. А. Топалова

Российский государственный социальный университет

Целью статьи является анализ влияния этнического фактора на социально-культурную специфику речевого поведения на примере анализа болгарского нарратива. Автор обращается к этнической культуре, к вопросам этнической идентичности и самоидентичности, раскрывает роль и место языка в процессе этногенеза, описывает характер и специфику влияния этнокультурных особенностей на речевое поведение личности, а также рассматривает специфику нарративной деятельности личности. В статье проанализированы этнокультурные и социальные особенности болгар, определены и раскрыты ключевые когнитивные зоны, которые являются значимыми для представителей болгарской ментальности. В результате анализа автор обозначает ориентацию информантов на выделенные ключевые когнитивные зоны, характерные для носителей болгарской ментальности. Определяется, что обозначенные особенности болгарской ментальности проявляются и остаются неизменными независимо от выбора языкового кода, что свидетельствует о том, что этническая ментальность и языковая картина мира людей, относящих себя к одной и той же этнокультурной общности, но говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остаётся сходной.

Ключевые слова: ментальность, языковая картина мира, ключевые слова, нарратив.

E. A. Topalova

Russian State Social University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Wilhelm Pieck str., 4, bld. 1, 129226, Moscow, Russian Federation

ETHNO-CULTURAL ASPECT OF THE RESEARCH OF THE BULGARIAN NARRATIVE

The aim of the article is to analyze the influence of the ethnic factor on the social and cultural specificity of verbal behavior on the example of the analysis of the Bulgarian narrative. In this article the author refers to ethnic culture, ethnic identity and self-identity, reveals the role and place of the language in the process of ethnogenesis, describes the nature and specificity of the influence of ethno-cultural characteristics on the individual's verbal behavior, and analyzes the specifics of narrative activity of the individual as well. This paper summarizes some aspects of ethno-cultural and social characteristics of the Bulgarians, defines and explains the key cog-

ТОПАЛОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА – аспирантка кафедры социологии и философии культуры Российского государственного социального университета

TOPALOVA EKATERINA ALEKSEEVNA – doctoral student of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Russian State Social University

e-mail: viky-87@mail.ru
© Топалова Е. А., 2018

tive areas inherent to Bulgarian mentality. As a result of the analysis, the author determines the orientation of informants on the selected key cognitive areas, typical for Bulgarian mentality. It is determined that the denoted peculiarities of the Bulgarian mentality are manifested and remain unchanged despite the language code choice and it indicates the fact that the ethnic mentality and the linguistic view of the world of people belonging to the same ethno-cultural community, but speaking different languages, remains similar in its main outlines.

Keywords: mentality, linguistic world-image (linguistic view of the world), key words, narrative.

Для цитирования: Топалова Е. А. Этнокультурный аспект исследования болгарского нарратива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 98–105.

Всеобъемлющий процесс глобализации, ознаменовавший конец XX и начало XXI века, затронул различные сферы индивидуальной и общественной жизни. Стоит отметить и то, что в ответ на глобализацию происходит возрастание значимости этнокультурных ценностей, наблюдается так называемый эффект этнического возрождения. В связи с этим в последние десятилетия вопросы этнической идентичности и самоидентичности в процессе этногенеза остаются самыми актуальными и дискуссионными.

Без обращения к этнической культуре невозможно выявить роль и место языка, который является фундаментальным уровнем культуры и специфичным признаком человеческой природы. Язык – выражение «духа народа»: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остаётся для нас загадкой [9, с. 77]». Взгляды о языке как о культурном феномене начали формироваться ещё в эпоху Античности (Демокрит, Протогор, Платон). Именно Платон обосновал процедуру исследования языка, занимаясь поиском этимологии – «истин-

ных слов», то есть обосновал процедуру исследования языка. Серьёзное влияние на разработку проблем языка, этноса и культуры оказали философско-антропологические научные разработки Дж. Вико и В. фон Гумбольта, который писал, что «разные языки становятся для нации органами их оригинального мышления и восприятия [8, с. 56]». Каждый язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Среди исследований последнего времени особую важность представляет собой гипотеза Сэпира-Уорфа о том, что усваиваемый с детства язык определяет решающую роль в формировании видения и структурирования мира. Язык является не просто средством выражения мыслей, но и формой, от которой зависит образ мысли. Прежде всего, языковыми структурами и понятиями организован и систематизирован складывающийся в сознании образ мира.

Таким образом, этнокультурные особенности являются главным детерминантом речевого поведения личности. Среди языковых единиц, отражающих результаты языкового взаимодействия личности, особый интерес представляет нарратив, так как одной из своих сторон он обращён к этнокультурным, социокуль-

турным, психологическим особенностям участников коммуникации. Характер и специфика нарративной деятельности личности обусловлены как универсальными, общечеловеческими ценностями, так и специфически национальным набором морально-этнических установок, которые находят свое отражение в языке. Действительно, каждый народ по-своему определяет разнообразие мира, по-своему называет эти фрагменты мира. Своеобразие картины мира определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт.

Для конкретизации этого положения был проведён анализ болгарского нарратива, позволяющий выявить его этнолингвистические и этнокультурные особенности.

Нарратив, или наррация, представляет собой фрагмент дискурса, в котором существует определённая последовательность событий, связанных между собой. Анализ теоретических исследований данной проблемы, актуализирующий предположение о том, что национально-культурная специфика построения дискурса непосредственно связана с этнолингвистической и этнокультурной детерминацией речевой деятельности языкового сознания, позволяет конкретизировать данное положение. Обобщив результаты проведённого исследования нарратива наших информантов, нам удалось выявить этнолингвистические и этнокультурные особенности носителей болгарской ментальности. В данном исследовании приняли участие студенты Великотырновского университета «Святых Кирилла и Мефодия» (Болгария), студенты кафедры болгарской филологии Одес-

ского национального университета имени И. И. Мечникова, студенты Тараклийского государственного университета имени Григория Цамблака (Молдова), а также старшеклассники общеобразовательных школ в местах компактного проживания болгар на территории Молдовы (с. Кайраклия) и Приднестровья (с. Парканы). Материалом исследования явились письменные тексты информантов (сочинения на тему «Лето»).

Проблематике изучения этнокультурных особенностей, характерных для носителей болгарской ментальности, посвятили свои исследования А. Петрова, Г. Гачев, Н. В. Бардина, Л. А. Демиденко, В. А. Колесник.

Обусловленная стремлением к унификации важнейших основ единой земной цивилизации глобализация вызвала, прежде всего, рост внимания к интеграционным процессам различных национальных культур вокруг своих «центров притяжения». Для болгарской культуры таким центром, в ауре которого она формировалась и развивалась, является евразийский. Именно в рамках этого пространства осуществлялось общеславянское духовное пробуждение, основанное на объединяющих славянские народы этнорелигиозных корнях, отразившихся в схожести ментальных черт, культурных традиций, обеспечивающих возрождение национальных основ болгарской культуры, её развитие и сохранение самобытности. Известный болгарский философ Петко Ганчев выделяет «антропосоцио-экологическую» составляющую болгарской нации как отражение взаимодействия элементов географической и экологической среды и этносоциального, культурного развития. В этом, по мнению

учёного, ключ к пониманию национальной культуры и национального характера болгарского народа. Он подчёркивает решающее социокультурное влияние евразийского пространства на историческую судьбу болгар [8, с. 15].

Говоря об этнокультурных характеристиках болгарского народа, необходимо учитывать и тот факт, что самоопределение и самоидентификация болгар являются не столько вопросом принадлежности к державе и общности людей, учитывая кровное родство, семейные связи, а также географическо-культурное пространство, но и вопросом так называемой культурной воли личности, которая просматривается посредством невидимой духовной связи. Ещё в середине XIX века, когда болгарский народ после многовековой борьбы при поддержке и помощи единоверного русского воинства освободился от османского ига, известный болгарский публицист Кузман Шапкарев отмечал, что самосознание болгар, как таковое, обусловлено прежде всего принадлежностью их к православному вероисповеданию. И это проявляется не только в церковных обрядах. Болгары воспринимают веру как непосредственное деятельное участие, как спасение, как вселенский акт, от которого зависит самоопределение народа. Потому что «болгарин» – это не только локальное или земное обозначение, а ещё и богословская и литургическая характеристика, которая всегда оставалась именно такой и в периоды, когда держава находилась на пике своего восхождения, и в те периоды, когда была лишена политической самостоятельности. Неболгарин – это не тот, кому не довелось родиться на определённой территории бывших римских провин-

ций Мизия, Тракия и Македония. Неболгарин – это тот, кто не может славить истинного Бога на болгарском языке.

Другой чертой, которая характерна для болгарского духа и отделяет эту народность от других балканских, является стремление к аскетизму. Дух аскетизма можно заметить невооруженным глазом в традиционном семейном воспитании. Это особенно выражается в особом отношении к своей семье, особом семейном чувстве болгар, которому посвящено много народных песен и преданий. Все эти особенности отличают болгар от их географических соседей и определяют место данного народа в истории христианской цивилизации. Известна и любовь болгар к различного рода учениям. Они всегда стремятся увидеть сущность явлений, это наследие той отшельнической жизни, которая всегда склонна к самоуглублению и к желанию внутренней строгой дисциплины. Болгары, которые в своем прошлом в основном были воспитаны ныне всё более утрачивающей свое влияние монастырской православной культурой, всегда стремились и стремятся увидеть сущность вещей, ту основу, благодаря которой возникают определённые факты и явления и происходит их удивительная взаимосвязь. Болгары являются тем народом, который, в сущности, интерпретирует мир, опираясь в первую очередь на его духовную составляющую, и поэтому всегда находится в центре духовной борьбы.

В одном из болгарских народных преданий говорится о том, что Бог, раздавая дары народам, господство дал туркам, художество – французам, а работу – болгарам. Для болгар лень является самым страшным грехом. Также пороком считается и пустословие, потому что оно от-

влекает от работы. Про болгар говорят, что они «забучени в земята като бубулечки». Этот трудолюбивый народ без работы на земле не представляет своей жизни и окружающую действительность воспринимает через призму бытовой и сельскохозяйственной деятельности. Работает болгарин равномерно. В работе действует более миниатюрными движениями, словно семенит, но тягловой выдержки и терпения у него больше [6, с. 157].

Кроме работы, в жизни болгар важнейшее место занимает семья. Одной из особенностей этнической группы болгар является то, что она представляет собой своеобразное маленькое государство с разветвлённой сеткой родственников, земляков, свояков, которые переплетены чуть ли не с каждым её членом. Трудиться ради детей – это то, что наполняет жизнь семьи смыслом. Болгарская лексика детского мира очень разнообразна: «дечурлига», «дечица», «деца». У каждого народа дети занимают равновеликое место. Однако у народов, лишённых своей земли (как евреи) или своего политического общества, государства (как болгары полтысячи лет), гораздо больший удельный вес в сохранении народного целого приходится именно на телесно-родовую преемственность и чистоту [6, с. 98].

Согласно выводам целого ряда этнокультурных исследований, болгары необычайно весёлый народ, любящий и ценящий жизнь. Этот народ, находившийся более пятисот лет под османским игом, с целью сохранения своей самобытности и идентичности сформировал одну важную привилегию – быть весёлым. Чтобы хоть как-то смириться с жизнью порабождённого народа, болгары создали свою особую философию как компенсацию всего

того гнетущего состояния, в котором они находились. Как бы ни было безнадежно состояние, болгары стараются не терять надежды. Иной, безвыходно запутавшийся человек пускает себе пулю в лоб или сует шею в петлю. Но ни один порабождённый народ, как ни безнадежно его положение, не теряет надежды и не кончает собой. Он ест, пьёт и рождает детей. Он веселится [6, с. 99].

Кроме того, последствия османского ига стали причиной формирования у болгар так называемой землянности, то есть чуткой телесности. Поэтому, помимо православной составляющей, одной из главных сфер, заменяющих эфемерную интеллектуальную активность и аппетиты политических честолюбий, является ритуал вкушения. Вкушение для болгарина не просто акт насыщения. Для него, вложившего всю свою душу в уход за землей, приниженного к ней, плоды земли равны творению художника, а вкушение не просто потребительский акт, это праздник и духа, и тела. Болгарин буквально «вкушает мир». Он утончённый его консуматор.

Особый колорит этнических проявлений традиционной бытовой культуры подтверждают и поведенческие реакции болгар. Например, специфическим цоканьем языка сопровождается одобрение хорошего поступка или разумной речи участников коммуникации. А само слово «сладко», выражающее вкусовые ощущения, играет особую роль в языке этого народа. «Сладко» – это определение универсального блага для всего того, что истинно, добро, хорошо и красиво. Так «сладкодугмен», то есть сладкословесный, часто используется в отношении красноречивого и умного человека. «Сладко си поприказвахме» – хорошо поговорили.

Красивый ребёнок – «сладко детенце, сладкиш», «сладур». «Сладолед» (сладкий лёд) по-болгарски означает мороженое, а заведение, где можно посидеть, поесть и выпить в Болгарии называется «сладкарница». В этом сказывается подход народа – земледельца, огородника, садовода – к миру: он мыслит языковыми ощущениями [6, с. 133].

Рассмотренные выше черты национального характера болгар позволили нам определить те ключевые когнитивные зоны, которые являются характерными для носителей болгарской ментальности. Основными среди них являются трудолюбие, семья и родственные связи, дружелюбие, веселость, красота, телесность и сладость. Проведя анализ текстов наших информантов, мы подтвердили наличие и отражение в дискурсе ключевых когнитивных зон, которые характерны для носителей болгарской ментальности. Так, например, результаты исследования определили наличие таких когнитивных зон, как весёлость – у 93,3% информантов, трудолюбие и телесность – у 86,6%, простота – у 86%, родственные связи и красота – у 80%, сладость – у 73%, дружелюбие – у 66,6%. Кроме того, мы выявили, что как в сочинениях информантов, проживающих на территории Болгарии, так и в сочинениях информантов, проживающих в Молдове, Приднестровье и Украине и идентифицирующих себя по национальности с болгарскими, считающих болгарский язык родным, отразились выделенные нами ключевые когнитивные зоны. Следует отметить, что при написании экспериментальных сочинений наши информанты использовали как родной для них вербальный код – болгарский язык, так и неродной – русский язык, при

этом данные ключевые когнитивные зоны в нарративе объективируются и отражаются одинаково, независимо от выбора вербального кода. Данный факт является ещё одним доказательством того, что язык в своем функционировании даёт индивиду возможность выразить этнические особенности своей культуры, а также этносоциальные и этнопсихологические особенности. Проведённый анализ позволил нам выявить выраженную национальную окраску речевого поведения. Являясь результатом речевого, а следовательно, и социокультурного взаимодействия, нарратив обращён к этнокультурным ментальным факторам участников коммуникации.

Дискурс (нарратив) – это феномен, в котором отображаются исторические судьбы, жизненная практика, общественный уклад, бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире, природные условия существования народа, осознание субъектом своих национальных связей и своего отношения к ним. Когнитивное наполнение мыслительных категорий в процессе номинации объектов и явлений материальных условий существования индивидуумов является результатом активного освоения человеком окружающего мира.

Этническая ментальность и языковая картина мира людей, относящих себя к одной и той же этнокультурной общности, но говорящих на разных языках, в главных своих очертаниях остаётся сходной и является одним из важнейших индикаторов идентификации личности. Образ мира, опосредованный языком, тип культуры, к которому относит себя индивид, непременно находят свое отражение в языковом сознании.

Примечания

1. Бардина Н. В. Концепт «метель» в пушкинском дискурсе // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной памяти профессора А. А. Слюсаря. Одесса : Астропринт, 2002. 283 с.
2. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. Одесса : Астропринт, 1997. 271 с.
3. Бардина Н. В., Колесник В. А. О лингвоментальности болгар Одесского региона // Болгарский щорічник. 1998. Том 3. С. 85–91.
4. Буров С. Познанието в езика на българите. Граматично изследване на концептуалната категоризация на предметността. Фабер, 2004. 378 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер с англ. А. Д. Шмелева. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / предисл. Е. Сидорова. Москва : Советский писатель, 1988. 448 с.
7. Георгиева И. П. Българска народна митология. София : Наука и изкуство, 1983.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. 2-е издание. Москва : Прогресс, 2000. 396 с.
9. Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР : (На материалах колхозов Болгарского района Одесской области) / АН УССР, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии имени М. Ф. Рылского. Киев : Наукова думка, 1970. 139 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев ; АН СССР, Отделение лит. и яз. Москва : Наука, 1987. 264 с.
11. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сборник обзоров / МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет ; под ред. А. А. Кибрика и др. Москва : Изд-во Московского университета, 1997. С. 276–339.
12. Красных В. И. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекционный курс. Москва : Гнозис, 2002. 282 с.
13. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / Тверской государственный университет. Тверь, 1998. 199 с.

References

1. Bardina N. V. Kontsept “metel” v pushkinskom diskurse [The concept of “blizzard” in the Pushkin discourse]. A. S. *Pushkin i mirovoy literaturnyi protsess: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora A. A. Slyusarya* [A. S. *Pushkin and the world literary process: a collection of scientific articles on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor A. A. Slyusar*]. Odessa, Publishing house “Astroprint”, 2002. 283 p.
2. Bardina N. V. *Yazykovaya garmonizatsiya soznaniya* [Language harmonization of consciousness]. Odessa, Publishing house “Astroprint”, 1997. 271 p.
3. Bardina N. V., Kolesnik V. A. O lingvomental’nosti bolgar Odesskogo regiona [On lingvomentality of the Bulgarians of the Odessa region]. *Bulgarian patron saint*. 1998, tom 3, pp. 85–91.
4. Burov S. *Poznaniето v ezika na b’lgarite. Gramatichno izsledvane na konseptualnata kategorizaciya na predmetnostta* [Knowledge in the language of Bulgarians. Grammatical study of conceptual categorization of subject matter]. Faber, 2004. 378 p.

5. Vezhbityraya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through key words]*. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 287 p.
6. Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira. Obschie voprosy. Russkiy. Bolgarskiy. Kirgizskiy. Gruzinskiy. Armyanskiy [National images of the world Common questions. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian]*. Moscow, Publishing house "Soviet writer", 1988. 448 p.
7. Georgieva I. P. *B'lgarska narodna mitologija [Bulgarian folk mythology]*. Sofia, Publishing Science and art, 1983. Pp. 35–39.
8. Gumboldt V. [Humboldt W.] *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]*. 2nd edition. Moscow, Progress Publishers, 2000. 369 p.
9. Demidenko L. A. *Kul'tura i byt bolgarskogo naseleniya v USSR. (Na materialakh kolkhozov Bolgarskogo rayona Odesskoy oblasti) [Culture and life of the Bulgarian population in the Ukrainian SSR. (On the materials of the collective farms of the Bulgarian region of the Odessa region)]*. Kiev, 1970. 139 p.
10. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1987. 264 p.
11. Kibrik A. A., Plungyan V. A. *Funktsionalizm [Functionalism]*. In: Kibrik A. A., ed. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki [Fundamental directions of modern American linguistics]*. Moscow, Publishing house of the Lomonosov Moscow State University, 1997. Pp. 276–339.
12. Krasnykh V. I. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]*. Moscow, Publishing house "Gnosis", 2002. 282 p.
13. Makarov M. L. *Interpretativnyi analiz diskursa v maloy gruppe [Interpretive analysis of a discourse in a small group]*. Tver, Publishing house of the Tver State University, 1998. 199 p.

*

ТРАДИЦИОННОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА И ЕЁ СОВРЕМЕННАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ

УДК 130.2:39(575.3)

П. Ю. Саодатова

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается вопрос традиционализма в музыкальной культуре Таджикистана. Анализируются понятия «наследие» и «наследование» как процесс трансформации ценностей, их проявление в таджикской музыкальной культуре. Поднимается вопрос новаторства и сохранности этнонационального. Раскрываются музыкальные стили разных регионов Таджикистана, их особенности. Отмечается, что основной чертой в музыкальном фольклоре таджикского народа является связь метроритма мелоса и стихотворной ритмики. На основе этого делается вывод о том, что, несмотря на глобализационные тенденции, музыкальные традиции таджикского народа не только сохранились, но и являются фундаментом современной композиторской школы, что представляет главную составляющую для формирования музыкальной культуры Таджикистана в аспекте её современной процессуальности.

Ключевые слова: традиция, музыкальная культура, таджикская музыка, наследие.

P. Yu. Saodatova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TRADITION OF THE MUSICAL CULTURE OF TAJIKISTAN AND ITS MODERN PROCESSUALITY

The article deals with the issue of traditionalism in the musical culture of Tajikistan. The concepts of “heritage” and “inheritance” as a process of the value transformation and their manifestation in the Tajik musical culture are analyzed. The issue of innovation and preservation of ethnonational is being raised. The musical styles of different regions of Tajikistan, their features are revealed. The main feature in the musical folklore of the Tajik people is the connection between the metro-rhythm of melody and the rhythmic rhymes. On the basis of this, it is concluded that, despite today’s globalization, the musical traditions of the Tajik people are not only preserved, but are also the foundation of the modern composer school, which is the main component for the formation of the musical culture of Tajikistan in the aspect of its contemporary process.

Keywords: tradition, music culture, Tajik music, heritage.

САДАТОВА ПАРАСТУ ЮСУФОВНА – аспирантка кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SAODATOVA PARASTU YUSUFOVNA – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: lastochkas88@mail.ru

© Саодатова П. Ю., 2018

Для цитирования: Саодатова П. Ю. Традиционность музыкальной культуры Таджикистана и её современная процессуальность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 106–110.

Процессуальность традиций всегда трансляционна. Она связана с многочисленными каналами общественной коммуникации. Культурные традиции составляют важную часть традиционности в целом, но каждая из них уникальна и специфична.

Акт трансляции культурной традиции выступает не только как эстафета исторического времени, его верований, оценочно-сравнительных суждений о мире, но и как приращение, накопление социокультурного наследия. Отсюда вытекает генетическая связь данной трансляционности с преемственностью. Она перманентна, онтологична, этнопсихологична. Она формирует особую среду: видимую, слышимую, осязаемую, которая детерминирует повседневность людей.

Речь идёт не просто о факте формального наследования, но о преемственности модели смыслопостижения, смыслоориентирования, смыслодействия.

Факт традиционности формирует алгоритм деятельности, образующий структурно значимые связи и отношения: сохранение – передача – трансформация – освоение / наследование.

Однако в преемственности существуют и многие трансмутирующие формы культурной эмпирики, относящиеся к диверсификации трансляционных структур, к их типовым превращениям, к их вариативным выражениям. На практике подобные варианты отождествляют с трансформационными актами, влияющими на знаковые и символические характеристики наследия, порождающие суррогатные

структуры форм культуры, адаптированные к текущей ситуации. На них активно оказывает воздействие массовая информация, её матрицы, её модели формирования. Это приводит к складыванию «иногo» типа восприятия, что в конечном счёте отливается в новое содержание культуры, которое изменяет, в свою очередь, смыслы существования, а следовательно, и жизнедействия. Другими словами, человек начинает жить «по законам коммуникации» (В. В. Миронов). Он превращается в суррогат информативности, в культурный «продукт», в «технологический конструктив».

Здесь уже возникает проблема «перерождения» идентичности, новых ориентаций и установок.

Культурные коды здесь «атакуются» «медиавирусами» (Д. Рашкофф), и максимальный результат фиксируется, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае – «культурный иммунитет» системы, или когда культура зависит от транслятора культурных медиавирусов.

Увеличение числа культур, принявших порции культурных инфекций, может трансформировать весь наличный ареал культуры, приводя к полярным качественным реалиям.

Данное обстоятельство в наследовании так или иначе отмечалось уже русскими философами бердяевской плеяды, которые подчёркивали роль «передатчика» и «хранителя» традиций, выделяя его эмпатийность и «внутреннюю сущность» (В. В. Семенцов). Сегодня данное обстоя-

ительство наблюдается на фоне господства массовой культуры, а также в створе функционирования постмодернистских культурных экспликаций.

Между тем художественные концепты, образы, их смыслодержание формируют структуры миропонимания, мироотношения и определяют наиболее важные принципы социального действия [5, с. 120]. Коммуникативная способность передавать идеальное содержание жизненного опыта делает традицию инструментом и познания мира, и выстраивания отношения к нему, и регулятором социоориентации субъекта общественной деятельности, и даже эзупсихии – программирования социально-культурной терапии личности (М. Я. Сараф). Это в очередной раз подчёркивает идею пассионарности Л. Н. Гумилёва, который связывал в своей работе «Этногенез и биосфера земли» процессы понимания и культуротворчества, духовно-творческий акт и границы созидания культурного.

Музыка является одним из многочисленных языков культуры, средством взаимосвязи (коммуникации) людей и культурной эволюции. В ней выражается национальное начало благодаря звукам, которые передают энигму бытия того или иного народа, его духовность, которая всегда самобытна и уникальна [4, с. 39].

Музыкальная культура таджикского народа складывалась на протяжении всей его истории и за этот период обрела не только художественную общность, но и духовно-эстетическую классификацию [2, с. 25] Черты этой классификации складывались на протяжении всего периода развития таджикской художественной культуры и раскрывают внутреннюю духовную гармонию таджикского народа. Для

таджиков, как и для любого другого народа, важна культурная преемственность с традицией, то есть с прошлым, так как благодаря этому можно глубже проникнуть во внутренний мир своего народа и понять саму суть существующих музыкальных ценностей, вобравших в себя не только музыкальную историю, но также и культурные тексты, фольклор, образы, обряды и т.д. Это отмечает видный таджикский музыковед А. Галиахметова [1, с. 120]. Музыкальная культура Таджикистана, её самобытность и ценностно-художественное единство, народные традиции сохранились и насыщено развивались благодаря действию закона преемственности. Традиции, обычаи, устои являются базой и атрибутом этнокультуры таджикской реальности. Именно этим объясняется многообразие современной таджикской музыки, проявляющееся в стилевом отношении и отражающее специфику регионов страны. Так, например, для Худжанской области характерен так называемый северный стиль, который соприкасается с музыкой Самарканда и Бухары. В Дангаре, Кулябе, Гарме и Гиссаре прослеживается центральный стиль «кухистони». В Горно-Бадахшанской автономной области – «памирский» стиль. В основе народной таджикской музыки лежит жанровость. Обрядовые, трудовые, лирические и эпические песни, наряду со всевозможными инструментальными пьесами, передают характер повседневной жизни простого народа: ремесленников, земледельцев, пастухов [3, с. 48]. К эпическому жанру относится песнопение «Гургли», в котором отражены героические предания народа. В лирическом жанре, в поэтической форме – «газали», отражены духовный мир, внутренние пережива-

ния, а также характерные черты любовной лирики таджикских этносов.

Традиционная таджикская музыка как явление культуры на протяжении веков развивалась как монодийная (одноголосая) музыкальная культура. Однако заметим, что, несмотря на одноголосность, она обладает многообразием жанров, стилей, форм и интонационно-ритмических рисунков. Традиции музыкальной культуры Таджикистана разнохарактерны. Это проявлено в профессиональной музыке, в устной традиции (венцом которой является «Шашмаком»), а также в местных стилях народной музыки. К музыкальным традициям относятся песни, в частности, горных районов Таджикистана: «Гариби» («чужбинные» песни). В них оплакивается горькая доля странника, вынужденного покинуть родной дом в поисках заработка. Схожими по эмоционально-образному строю являются традиционные песни «Даргилик», «Даргильмодик», «Булбулик» на Памире. Их мелодика скорбная, речитативного склада, в них повторяется и опеваётся один и тот же звук, за счёт чего передаётся состояние безысходной печали.

Преимущественно широкую линию в таджикском фольклоре занимает стиль лирической песенности, в которой репрезентируется любовное содержание.

Традиционность музыки в большей мере представлена в ладовой интонационности. Ладовая структура народного мелоса выявляется как тип мелодической организации звуков. Звукоряды на этой основе являются только диатоническими, которые близки к натуральным мелодическим ладам (ионийскому, миксолидийскому, эолийскому, лидийскому, дорийскому, фригийскому). В основном для

традиционной музыки свойственен тип малообъёмного звукоряда. В интонационном строе культуры таджикского мелоса преобладают частые повторения одного и того же звука, но в разных ритмических вариантах. Музыкальный фольклор таджикского народа отличается близкой связью метроритма мелоса со стихотворной ритмикой. На этот значимый факт ещё в Средневековье указывали восточные учёные Абу Али ибн Сина, Аль-Амули, Фараби, Аш Ширази, Джами, Кавкаби, Дервиш Али, подробно исследовавшие проблематику теории и эстетики музыки.

Структура таджикской традиционной песни и инструментальных мелодий по своей культуре многогранная и разносторонняя. Однако в инструментальной традиционной музыке, в отличие от песенной одноголосной, существуют признаки простого многоголосия. Оно возникает при игре на двухструнном дутаре, или думраке, когда появляется так называемое ленточное двухголосие (параллельное движение) или бурдонирование (движение одного голоса на фоне неподвижного другого).

Резюмируя, отметим, что музыкальные традиции таджикского народа богаты и самобытны. Несмотря на глобализационные тенденции, они не только сохранились, но и являются основой для развития музыкальной культуры таджикского народа. В её современной процессуальности наследование осуществляется тремя способами: сохранение (наследие), изменение (наследование), исключение (инновация). В то же время музыкальное пространство культуры Таджикистана технологически формируется как единое целое, гармонически сочетающее традиционное классическое и постклассическое.

Примечания

1. Галияхметова А. Музыкальная культура Таджикистана : историко-культурологический анализ. Москва : Весь Мир, 2017. 226 с.
2. Гейзер Э. Инструментальная музыка композиторов Таджикистана (Традиции и современность) / отв. ред. Н. Г. Шахназарова ; АН ТаджССР, Институт истории имени А. Дониша. Душанбе : Дониш, 1987. 164 с.
3. Музыкальная литература Таджикистана. Часть 1. Душанбе, 1991. 230 с.
4. Ремизов В. А. Искусство и формирование эмоционального мира воина. Москва : ГАВС, 1992.
5. Селезнева Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов : дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 09.00.13 / Селезнева Елена Николаевна ; Государственная академия славянской культуры. Москва, 2004. 228 с.

References

1. Galiakhmetova A. *Muzykal'naya kul'tura Tadzhibikistana: istoriko-kul'turologicheskij analiz* [Musical Culture of Tajikistan: Historical and Cultural Analysis]. Moscow, Ves Mir Publishers, 2017. 226 p.
2. Geyzer E. *Instrumental'naya muzyka kompozitorov Tadzhibikistana (Traditsii i sovremenost')* [Instrumental music of composers of Tajikistan (Traditions and modernity)]. Dushanbe, 1987. 164 p.
3. *Muzykal'naya literatura Tadzhibikistana. Chast' 1* [Musical literature of Tajikistan. Part 1]. Dushanbe, 1991. 230 p.
4. Remizov V. A. *Iskusstvo i formirovanie emotsional'nogo mira voina* [The art and formation of the emotional world of a warrior]. Moscow, 1992.
5. Selezneva E. N. *Kul'turnoe nasledie Rossii v politicheskikh diskursakh 1990 godov. Diss. dok. filos. nauk* [The cultural heritage of Russia in the political discourses of the 1990s. Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 2004. 228 p.

*

МОДЕРНИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕГО ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

УДК 7.036

Ф. Хоссейни

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрен процесс становления модернизма в контексте позиций некоторых современных исследователей истории художественной культуры. Системно осмыслены исторические предпосылки возникновения модернизма: естественно-научные, социальные, художественные, которые легли в основу новой картины мира XX века. В статье формулируется вывод о культурном многообразии истоков модернизма. Художественно-творческой основой модернизма явился поиск новых выразительных форм, культурный драматизм самого творчества, что отразилось в работах выдающихся художников XX века. Гносеологической базой здесь послужили индивидуализм, отчуждение от противоречивых реалий объективного мира, элементы мистицизма, «машинизация», рационализация отношения к миру и эпатированные формы эмоционализма. В статье предпринята попытка выявить основные этапы становления модернизма как социально-культурного явления.

Ключевые слова: культура, искусство, модернизм, художественная культура, художник, живопись, постмодернизм.

F. Hosseini

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MODERNISM OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY AND ITS PRINCIPLES OF ARTISTIC COMPREHENSION OF THE MODERN WORLD

The article considers the process of the formation of modernism in the context of the positions of some modern researchers of the history of artistic culture. Systematically comprehended the historical prerequisites for the emergence of modernism: natural, scientific, social, artistic, which formed the basis for a new picture of the world of the twentieth century. The conclusion is drawn

ХОССЕЙНИ ФАХРИСАДАТ – аспирантка кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KHOSSEINI FAKHRISADAT – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: fakhri.hosseini89@gmail.com

© Хоссейни Фахрисадат, 2018

in the article about the cultural diversity of the origins of modernism. Artistic and creative basis of modernism was the search for new expressive forms, the cultural drama of creativity itself, which was reflected in the works of outstanding personalities of the twentieth century. The epistemological basis here was individualism, alienation from the contradictory realities of the objective world, elements of mysticism, “mechanization”, the rationalization of the attitude to the world and the euphoric forms of emotionalism. The article attempts to reveal the main stages in the formation of modernism as a social and cultural phenomenon.

Keywords: culture, art, modern, artistic culture, artists, painting.

Для цитирования: Хоссейни Ф. Модернизм начала XX века и его принципы художественного осмысления современного мира // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 111–115.

В теоретических работах, посвящённых проблемам истории культурно-художественного процесса, сегодня можно отметить некоторые новые аспекты в осмыслении типологии, темпов и характеристик развития художественной культуры. В большой степени это затрагивает период зарождения и становления модернизма как явления культуры. В стилистике современного дискурса истории модернизма можно отметить отсутствие обоснований для выделения этапов в динамике становления культуры модернизма и систематизации их характеристик. Некоторые исследователи полагают, что эта культура появилась только на заре XX века, точнее – в 1905 году, после открытия выставки на Осеннем салоне в Париже “The Fauves” [3, с. 7]. Другие, например американский исследователь Эндрю Кристофер, традиционно утверждают, что это явление искусства зародилось в 1860-е годы, а именно – с картины французского художника Клода Моне «Завтрак на траве». Известный американский критик Дон Адс [4, с. 22] видит источник развития культуры модернизма в философии Канта и считает её теоретической основой развития модернизма современной эпохи, такого явления, как «наука о прекрасном», течения «искус-

ство ради искусства» и концепта «независимость искусства».

Принимая во внимание приведённые суждения, отметим, что всё-таки коренные причины формирования культуры модернизма как развитого культурного феномена лежат в сумме тех явлений общественной практики, которые изменили мировоззренческую позицию людей, картину мира и выдвинули новые принципы восприятия действительности.

Именно такие изменения произошли во второй половине XIX века в трех областях: технологии, науке и философии, а также в экономике и политике. К этому времени человечество стало свидетелем открытия радиоактивности и атомарной структуры вещества. Ранее было открыто явление пересечения параллелей в пространстве (геометрия Римана – Лобачевского), начинает свои работы в физике Нильс Бор, усложняется теория света и цвета (В. Гёте, Н. Скрябин и другие). Всё это сменило «физическое состояние» художников, оказало влияние на их представления о мире [5, с. 87] и привело к тому, что творческие люди в большей мере почувствовали себя духовно свободными. Обновились смыслы тезисов «что говорить» и «как говорить». На данной основе сложились новые принципы ху-

дожественного осмысления мира. Например, утверждалось, что художник XX века не должен ограничиваться изменениями в стиле письма, а обязан осуществлять решительный отход «от стандартов». Здесь же фиксируется тезис о независимости искусства и о том, что «современное искусство» становится более вызывающим, побуждающим критику (в этом отношении Ф. Ницше и З. Фрейд, на фоне остальных учёных, оказали наиболее сильное влияние на мировоззрение и взгляды художников-модернистов) [1, с. 8]. Другой особенностью такого искусства (особенно в Новейшее время) стала комбинация разных художественных жанров, например живописи, скульптуры, фотографии, графики, и даже видов искусства – музыки, танца, театра и литературы. Другими словами, налицо размывание границ между жанрами и видами искусства. Последнее явление – одна из самых важных особенностей современного процесса художественной культуры, которая заключается в обращении к другим изобразительным принципам в отображении мира. Так, одним из источников вдохновения импрессионистов в начале была японская живопись и особенно литография. Отражением такого влияния является творчество П. Гогена, который вдохновился бытом и культурой коренного населения Гаити. Он, как известно, первым использовал выражение «синтетизм, символизм» для описания стиля своих работ. Дух «новой эпохи», таким образом, заключался в изменении культуры мышления. Здесь фиксируется этапность эволюционного пути развития художественного процесса. Историк искусства Эрнест Гомбридж в своей книге по истории художественной культуры обо-

значил эту эволюцию как «конец традиции» [3, с. 95]. Вплоть до эпохи романтизма (1790–1840) каждое проявление стремления к свободе в искусстве было скованно традиционными устоями, чей источник до сих пор называется «колыбелью цивилизации», или «средиземноморской цивилизацией». В культуре модернизма уже сама традиция исчезает, а тотальная ориентация на неё больше не рассматривается как нечто уникальное, единичное, она встаёт в один ряд с другими традициями.

Стирание культурных границ, попадание под влияние других культур – основная характеристика культуры на заре XX века. В результате сформировалась теоретическая среда, питавшая и питающая современное искусство и культуру модернизма. Всё это в первую очередь воплотилось в целом ряде направлений живописи.

Отметим основные из них в цепочке историко-временного утверждения и предпримем попытку выделить основные этапы в динамике становления модернизма как культурного явления на базе основных характеристик его направлений.

Абстракционизм (беспредметное искусство) – культурно-художественное направление, которое сформировалось в искусстве первой половины XX века. Оно полностью отказывалось от воспроизведения форм реального видимого мира [2, с. 74].

Художественной идеей футуризма стал поиск пластического выражения стремительности движения как основного признака темпа современной жизни. Это была попытка выразить дробящуюся множественность культуры восприятия современного человека, городского жителя. Русская версия футуризма носи-

ла название кубофутуризм и была основана на соединении пластических принципов французского кубизма и европейских общеэстетических установок (Ц. Пуни, Н. Гончарова, Д. Бурлюк и другие).

Кубизм как художественное течение характеризовался использованием подчёркнуто условных форм, стремлением «раздробить» (Дж. Голдинг) реальность.

Пуризм – художественное течение, стремящееся к рационалистически упорядоченной передаче устойчивых и лаконичных предметных форм, как бы очищенных от деталей, к изображению «первичных» элементов. Принципы пуризма нашли частичное отражение в современной архитектуре (например, в постройках Ле Корбюзье) [6, с. 10].

Сюрреализм отличается использованием аллюзий и парадоксальных сочетаний форм (А. Бретон, Л. Арагон, С. Дали, Л. Бунюель, Х. Миро и другие). Это художественное направление в значительной мере способствовало формированию сознания современного человека.

Фовизм (от фр. Fauve – ‘дикий’) появился в начале XX века как новое художественное течение в живописи. Его представителей объединяло стремление к созданию художественных образов исключительно с помощью предельно яркого открытого цвета.

Другое культурно-художественное течение – экспрессионизм, возникнув в преддверии Первой мировой войны, было пропитано протестом против уродливого мира, всё большего отчуждения человека от реальности, сеявшей чувства бесприютности, крушения, распада тех начал, на которых, казалось, так прочно покоилась европейская культура. Экспрессионистам свойственны тяготение к мисти-

ке и пессимизм. Художественные приёмы, характерные для экспрессионизма: отказ от иллюзорного пространства, стремление к плоскостной трактовке предметов, деформация предметов, любовь к резким красочным диссонансам, особый колорит, заключающий в себе апокалипсический драматизм.

На этой волне возник и закрепился супрематизм. Как известно, его главным представителем и теоретиком был русский художник Казимир Малевич. Супрематизм – высшая ступень развития изобразительного искусства на пути освобождения от всего «внехудожественного», на пути предельного выявления беспредметного как сущности любого искусства. Всё это затем нашло продолжение в «неопластизме» (П. Мондриан) – в искусстве «чистой пластики».

Обобщая, можно сделать следующие выводы. Модернизм («новое искусство») начала XX века многогранен в своих культурных основаниях. Мировоззренческой основой ему послужили новые открытия в физике, химии, биологии, изменившие картину мира и процессы, в нём происходящие. Культурную основу составили начала глобализации, зарождение и развитие мирового коммуникативного пространства, культурный драматизм бытия. Философской базой послужили индивидуализм, отчуждение от противоречивых реалий объективного мира, элементы мистицизма, «машинизация» и рационализация отношения к миру и эпатированные формы эмоционализма [7, с. 65] Таким образом, приведённая общая картина динамики художественной культуры модернизма XX века на примере развития живописи позволяет выделить пять этапов его становления как

культурного явления. Первый этап – разрушение культурных стереотипов. Второй этап – создание аллюзий и парадоксальных форм. Третий этап – индивидуальный протест. Четвертый этап – механический («машинный») период. Пятый этап – искусство «чистой пластики». В современной реальности всё это сублимирует в свои крайние формы и имеет специфическую выразительность, приобретая массовидную характеристику и своеобразие смысловой опоры культурно-художественного процесса модернизма: от разрушения к созданию парадоксаль-

ной образной реальности и затем через форму индивидуального протеста переход к рациональности пластики, слитой с позицией социокультурного вызова.

Всё это зримо напоминает такую процессуальность сегодняшней культуры постмодернистского художественного направления, которая через «предметность» пришла явно или скрытно к идеологизированным художественным акциям так называемой альтернативной культуры, среди которых акционизм, ситуационизм, концептуализм, инсталляция, киберпанк, перформанс, хеппинг и т.д.

Примечания

1. Арнасон Х. История современного искусства. Нью-Йорк, 1976 и Лондон 1977.
2. Кандинский В. О духовном в искусстве. Москва : Архимед, 1992. 109 с.
3. Гомбридж Э. История искусства / перевод А. Рамин. Тегеран, 2015.
4. Дон Адс. Фотомонтаж. Лондон, 1976.
5. Норберт Л. История современного искусства : перевод с Фарси. Тегеран, 2003.
6. Пакбаз Р. Энциклопедия искусства. Живопись. Скульптура. Графика. Тегеран, 1999.
7. Ремизов В. А. Культура и цивилизация: конформизм и неконформизм в современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 65–71.

References

1. Arnason H. *Istoriya sovremennogo iskusstva [The history of contemporary art]*. New York, 1976 and London, 1977.
2. Kandinsky V. *O dukhovnom v iskusstve [About the spiritual in art]*. Moscow, Publishing house “Arhimed”, 1992. 109 p.
3. Hombridge E. *Istoriya iskusstva [History of Art]*. Tehran, 2015.
4. Don Ads *Fotomontazh [Photomontage]*. London, 1976.
5. Norbert L. *Istoriya sovremennogo iskusstva [The history of contemporary art]*. Tehran, 2003.
6. Pakbaz R. *Entsiklopediya iskusstva. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika [Encyclopedia of Art. Painting. Sculpture. Graphics]*. Tehran, 1999.
7. Remizov V. A. Culture and civilization: conformity and nonconformity in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 5 (67), pp. 65–71.

*

ПОДГОТОВКА РЕЖИССЁРОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР РОССИИ И АМЕРИКИ

УДК 378:792.075

В. А. Тришин

Московский государственный институт культуры

В статье речь идёт о подготовке режиссёров для драматического театра в ходе взаимодействия театральных культур России и Америки. В англоязычных странах это преимущественно опыт профессионального индивидуального обучения; в СССР и в новой России – массового фундаментального образования. Тенденции активного взаимодействия культур приводят к интеграции и взаимному обогащению сложившихся традиций. Автор показывает положительный исторический опыт взаимодействия конкретных педагогов (К. С. Станиславский, М. Чехов, Ли Страсберг, Р. Болеславский) и взаимообогащения их театрально-педагогических методов. Типичным для обучения режиссёров в послевоенном театре России стала методология формирования действенного мышления, а в Америке – воспитание творческой индивидуальности и овладение профессиональными технологиями. В современном театре назрела потребность в более качественном, индивидуальном воспитании режиссёров на основе опыта обеих стран. Другим необходимым условием в подготовке специалистов становится задача выработки универсальной методологии профессионального образования режиссёра.

Ключевые слова: индивидуальность режиссёра, авторство режиссуры, методология творчества, метод действенного анализа, система К. С. Станиславского, современный театр, режисёрская свобода, студийность, импровизация.

V. A. Trishin

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TRAINING OF DIRECTORS IN THE CONTEXT OF INTERACTION BETWEEN CULTURES OF RUSSIA AND AMERICA

The article deals with the training of Directors for the drama theater in the course of interaction of theatrical cultures of Russia and America. In English-speaking countries – it is mainly the experience of individual vocational training; in the USSR and in the new Russia – the mass of fundamental education. Trends of active interaction of cultures lead to integration and mutual

ТРИШИН ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор
Московского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «АПРИКТ»

TRISHIN VALERIY ALEKSANDROVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Professor of the Moscow
State Institute of Culture, Leading Research Associate of the Research Center “APRICT”

e-mail: WAT1946@yandex.ru

© Тришин В. А., 2018

enrichment of the developed traditions. The author shows positive historical experience of interaction of specific teachers (K. S. Stanislavsky, M. Chekhov, Lee Strasberg, R. Boleslavsky) and mutual enrichment of their theatrical and pedagogical methods. Typical for the training of filmmakers in post-war theatre of Russia became the methodology of the effective thinking, nurturing creative individuality and professional technologies in America. In the modern theater there is a need for better individual education of Directors on the basis of the experience of both countries. Another prerequisite for training specialists is the task of developing a universal methodology for the professional education of a Director.

Keywords: director's individuality, authorship of direction, methodology of creativity, effective analysis method, Stanislavsky system, modern theater, director's freedom, studio, improvisation.

Для цитирования: Тришин В. А. Подготовка режиссёров в контексте взаимодействия культур России и Америки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 116–124.

Вопрос подготовки режиссёров может быть рассмотрен в нескольких аспектах: организационно-методологические проблемы; влияние школы на индивидуальность; авторство режиссуры: отношения театра и литературы; сравнительный анализ отечественного и зарубежного образования. В рамках статьи остановимся на каждом из аспектов, сфокусировав внимание на *совершенствовании* подготовки режиссёров в условиях открытого взаимодействия культур разных стран.

Сегодня наибольшие опасения в подготовке режиссёров в России вызывает невысокий уровень профессионального обучения. Проблема заключается в том, что сама профессия сравнительно молода (ей всего 100 лет) и эффективного метода обучения режиссёров пока не найдено, даже в мировом театре. Есть мнения, что режиссуре нельзя учить специально.

В России развёрнутая в XX веке широкая сеть *массовой* подготовки режиссёров двояко сказалась на статусе профессии. Снизился её престиж, и, как следствие, упала художественная сторона дела. В то же время за столетие в России выработалась особая методология обучения режиссуре. Потребность в режиссёр-

ских кадрах и по сей день высока. Ежегодно несколько сотен выпускников вузов искусств и культуры в России количественно удовлетворяют потребности театра. Но, к сожалению, выпускники не всегда качественно «обновляют» театральную культуру. А ведь молодые режиссёры должны решать и эту задачу. Сегодня уже нет тех потрясений, которые были свойственны драматическому театру середины XX века. И если рождаются новые театральные организмы и значимые спектакли, то вопреки театральным школам. Чаще всего их иницируют люди, пришедшие в театр из других сфер, не имеющие театральной школы или воспитанные в студийной среде. Почему это происходит?

К сожалению, несмотря на постулируемую уникальность профессии режиссёра, их подготовка в СССР была ориентирована на единую методологию и, соответственно, на среднего студента, что породило *унифицированную модель специалиста*, зависимую от стандартов и идеологических установок. В то время как профессия режиссёра значима своей *уникальностью*, лидерскими качествами и *авторством* каждого спектакля. Уче-

ник К. С. Станиславского Е. Б. Вахтангов в свое время подчёркивал, что рождение одного режиссёра должно стать событием и «национальным достоянием страны». Кстати, он предлагал не *обучать актёров* в театральных школах, а *воспитывать художников*, что имеет первостепенное значение в подготовке режиссёров [1, с. 276]. На доказательство авторской природы режиссуры много сил потратили Г. А. Товстоногов и М. А. Рехельс (Санкт-Петербург); А. Д. Попов и М. И. Кнебель (Москва), впервые разрабатывая методологию и методику обучения будущих лидеров театра [3, с. 21; 8, с. 15; 11].

Сегодня, с одной стороны, условия рынка и прагматизма коснулись отечественного профессионального образования, что ещё больше усугубило унификацию профессии. С другой стороны, тесное взаимодействие театральных систем ведущих держав – Америки и России – позволяет пересмотреть прежние методологические подходы к обучению режиссёров.

В сравнении с отечественным образованием западные школы (Аmericи в том числе), благодаря опять же рынку, избежали *массового обучения режиссёров*, сохранив престиж и уникальность профессии. В отличие от массовой подготовки режиссёров в России, в англо-американских странах акцент делается на *индивидуальном становлении в профессии*. Здесь нет строгой методологической базы, как в России, что благоприятствует *индивидуальному обучению*. Стихийный опыт Запада оказался благоприятным для рождения творческих единиц, хотя и он не лишён недостатков.

Если суммировать столетний опыт российских педагогов, то традицию обу-

чения режиссуры можно представить как *вооружение специалистов методологией действенного мышления*, в тесном сочетании с фундаментальным образованием. Г. А. Товстоногов говорил, что творчеству научить нельзя, так как это даётся от Бога. Но «методологии, некоей вере в то или иное направление театра» обучить можно и нужно [8, с. 47; 11]. В этом видел он свою миссию педагога-мастера. За прошедшее столетие в большинстве театральных школ России утвердился в качестве методологической базы метод действенного анализа пьесы и роли.

В Америке в предыдущее столетие не было фундаментальной централизации в образовании, как в России. И закономерно, что до сего времени не родилось единой *методологии* режиссёрского образования. Профессиональные школы режиссуры (в основном это режиссура кино и телевидения) развивались хаотично и не выработали единого канона. Единой системы в подготовке режиссёров в стране нет, а есть небольшие группы режиссёров при университетах и академиях. По мнению Л. А. Додина, их обучение – процесс достаточно хаотичный и напоминает «*театральное просвещение*» с ориентацией на социальные проблемы [9].

Последнее свидетельствует о максимальном прагматизме режиссёрского образования – обучение режиссёрским навыкам носит стажёрский, практический характер, нацелено на создание творческого продукта и отличается интенсивным характером (1–3 года). (Сравним с фундаментальным образованием в России (5–6 лет).) «Хочешь стать режиссёром? Ставь спектакли!» [9]. Вот основной тезис американского образования режиссёров. Общее образование существу-

ет параллельно – оно, скорее, «забота» самого претендента в режиссуру, нежели государства.

Таким образом, мы видим два разных подхода к подготовке режиссёров. Однако повторяюсь, тесное взаимодействие театральных культур в 1990-е – 2000-е годы «вынуждает» обе страны «реагировать» на эти процессы и развивать сформированные годами традиционные подходы к подготовке режиссёров. В начале XX века театр Америки многое позаимствовал у российского театра. Так, после гастролей Московского Художественного театра в США в 1922 году представители будущего “Group Theatre” приняли систему К. С. Станиславского на вооружение как новое направление в театре и в *подготовке актёров* [10].

Спустя несколько десятилетий Джон Ноймайер, балетмейстер мирового уровня, буквально «заразился» системой Станиславского после просмотра «Трёх сестёр» А. Чехова в постановке Студии Ли Страсберга [10].

Сегодня беглого взгляда на мировой театральный процесс достаточно, чтобы понять, что и в России, и в мире режиссёров готовят не только по Станиславскому, но и по Мейерхольду, и по М. Чехову. За рубежом эта палитра ещё шире. Здесь в силу вступают традиции народного искусства – «маски», игры и импровизации. Пример: «система М. Чехова» только последние двадцать лет активно внедряется в наше актёрское обучение, в то время как в США она стала методологической базой в театральном и кинематографическом образовании. Причём сегодня можно говорить о коренном отличии нашей *событийно-действенной методологии системы К. С. Станиславского* от ду-

ховно-религиозной составляющей философии техники М. А. Чехова, что имеет прямое отношение к содержанию и методам сценического искусства, к воспитанию творческой индивидуальности молодых режиссёров [5]. Духовно-религиозная философия М. Чехова, основанная на идеях Р. Штейнера, является важнейшим компонентом метафизического мышления западных режиссёров, метафорического визуального искусства современной режиссуры в целом.

В связи с этим следует обратить внимание на творческую активность молодых режиссёров из ближнего зарубежья (Р. Туминас, О. Коршуновас, М. Карбаускис, С. Пускепалис). Их «интернациональный» стиль творчества трудно причислить к определённой школе или к одному театральному направлению. Искусствовед Д. В. Трубочкин определяет стиль Римаса Туминаса как «эстетический маниеризм» [13, с. 65].

Второй, не менее интересный факт связан с феноменом создания «фоменками» новой эстетики театра и новой театральной школы, а именно – с воспитанием в мастерской целой плеяды режиссёров (таких как С. В. Женовач, М. Карбаускис, И. П. Поповски и другие). Опираясь на педагогику и практику театра «Мастерская Фоменко», высказывания его ближайших соратников и учеников мастера, можно сказать, что выработка нового направления фактически является *длительным студийным экспериментом*, борьбой с закостеневшей академической традицией [7, с. 146].

Общее у рассмотренных фактов заключается в *отсутствии* в обучении режиссуры *жёсткой методической программы*, основанной на «методе пси-

хологического реализма» К. С. Станиславского или каком-то другом подходе к творчеству, в *свободном воспитании режиссёров*, дающем возможность не только изучать академическую отечественную режиссуру и «действенный канон» постановки театрального зрелища, но и наблюдать при этом за поисками мирового театра, что способствует интеграции разных театральных культур, а уже на этой базе – органично проявлять *творческую индивидуальность*.

Приведённые факты из жизни современного театра можно подкрепить аналогичными историческими фактами.

В Первой Студии К. С. Станиславского (1912), возглавляемой А. Сулержицким, *родилась в студийной среде* целая плеяда уникальных режиссёров. Фактически добрая половина студийцев (Р. Болеславский, Е. Вахтангов, Ал. Попов, Б. Сушкевич, С. Бирман, Н. Балиев, М. Чехов) без специальных *режиссёрско-педагогических* программ руководителей Студии проявили лидерские качества и нашли собственный стиль в постановке спектаклей. В Уставе Первой Студии провозглашалась *«возможность каждому студийцу проявить себя в режиссёрских поисках»*. Единственным условием для этого, по выражению А. Сулержицкого, «являлся замысел спектакля»¹.

Интересно, что часть из студийцев (К. Успенская, Р. Болеславский, позднее и М. Чехов) в 20–30-х годах прошлого века основали «по образу и подобию» свои студии в Америке. Это стало возможным благодаря особой атмосфере студийного братства – *доброжелательности и свободы*, царившей в Первой Студии, а позже перенесённой в собственные начинания.

¹ Архив МХТ, Первая Студия, № 6340.

Таким образом, *студийность* является благоприятным качеством театральной общности и для экспериментов, и для *индивидуального поиска*.

Спустя десятилетие после гастролей К. С. Станиславского аналогичный путь «студийного братства» был пройден новым Американским театром “Group”, созданным Ли Страсбергом (1923–1933). Внутри студийного дела, параллельно эстетическому эксперименту, также *рождались творческие индивидуальности* режиссёров и педагогов (Стэлла Адлер и другие).

Приведённые мною факты и примеры позволяют утверждать, что «студийный метод» стал в XX веке наиболее продуктивным средством для рождения режиссёрских индивидуальностей, в *подготовке режиссёрских кадров* как в России, так и в Америке. Любопытно, что в конце XX – в начале XXI века этот принцип повторяется многократно: в мастерских П. Фоменко, А. Додина, С. Женовача, Д. Крымова, Г. Козлова, И. Эренбурга, В. Фильштинского. Но студийность здесь существует уже внутри официальной системы государственного образования России, как общность, среда.

Экскурс в историю, в сравнении с современной практикой подготовки режиссёров, позволяет сделать вывод: для формирования режиссёра как воздух необходимы *свобода и независимость* от *канонов зрелого театра*, от академических театральных школ и устоявшейся методологии. *Становление* нового поколения режиссуры – это *не продолжение* традиционных эстетических направлений, а всякий раз субъективное *«перезаформатирование»* предыдущего опыта. Каждый молодой режиссёр начинает творче-

ский путь с нуля, часто *вопреки* сложившемуся опыту. Соответственно, обучение режиссуре в современных вузах должно учитывать эти важные условия как необходимые для становления творческой индивидуальности.

Должен ли данный вывод повлиять на процесс подготовки режиссёров? Безусловно, он требует принципиальных изменений существующего педагогического процесса и методологии театрального образования. *Установка на индивидуальное становление* в профессии в ходе обучения – вот путь воспитания авторского начала у режиссёра.

Если традиционное обучение предлагало *сначала* освоить общую *методологию* режиссуры в группе – **действие, событие, конфликт, мизансцена, атмосфера, работа с актёром, художником, композитором**, то *индивидуальное воспитание* теснит такую логику в сторону индивидуального планирования учебного процесса. Педагогический процесс *воспитания* индивидуальности должен опираться на коренное противоречие – между *стремлением студента* творить и *необходимостью* овладеть технологией. Важно не путём запрета «приковать» студента к грамматике режиссёрского искусства, а *опосредованным способом* привить желаемые качества школы. И отталкиваться здесь нужно от реальных *попыток* самостоятельного творчества, нередко сопровождающихся безапелляционными претензиями. Думаю, не случайно в школе современного педагога, мастера режиссуры Л. А. Додина прижилось базовое понятие «проба». «Попытка» и «проба» почти однокоренные слова. Они *втягивают* в творчество и учёбу всего человека. Именно они способствуют перестрой-

ке организма без «ущемления» его творческой природы. В данном случае *методология* общего обучения должна уступить место первым робким шагам творчества. Но именно в этом мне видится путь *индивидуального воспитания* режиссёра – в коррекции индивидуальных поисков.

Для теоретического обоснования *индивидуального подхода* в образовании необходимо обратиться к современной науке, гласящей, что *индивидуальность* – это *уникальность* и *самобытность* личности. Авторитетный философ XX столетия М. С. Каган связывает индивидуальность с интегративным качеством психики человека, обозначающим «духовное начало, поиск человеком смысла жизни [2, с. 34]». Очевидно, духовное начало личности, как зерно индивидуальности, и определяет её сущность. Психолог В. В. Печенков признаки индивидуальности видит в вечном *самодвижении человека*, а её источники и критерии – в *ограниченности* и *несовершенстве* личности [7]. Это ориентирует педагогов на учёт в воспитании индивидуальности дихотомии: *оригинальное – ограниченное; желаемое – возможное*. В данном случае недостатки молодых режиссёров становятся продолжением их достоинств, а процесс обучения превращается в скрупулёзную «организацию» творческого поведения, в педагогическую коррекцию развития личности студента-режиссёра.

Таким образом, индивидуальное в человеке – это постоянное «самодвижение», это самопознание и саморазвитие. Установка на индивидуальность в воспитании режиссёра позволит педагогам в каждом режиссёре увидеть: во-первых, *уникальное* и *неповторимое* (статичный подход); во-вторых, уловить постоянное

духовно-смысловое развитие человека (динамичный принцип).

Если с этих позиций подойти к обучению, то можно в каждой *самостоятельной пробе* студента «нащупать» его собственную тему и *оригинальный способ* её выражения (мышления). При этом нельзя препятствовать так называемой ошибке студента. Напротив, *ошибка неизбежна* и программируется как реальное содержание творческого процесса. Несколько повторившихся ошибок позволяют выявить *тенденцию поиска* и, возможно, уже на раннем этапе стиль данного студента, то есть реальные *особенности* творческой личности.

Важно, что при таком подходе *учёба и творчество объединяются в одно целое* – путь к творческой индивидуальности студента лежит в русле *интуитивного творчества и целостной природы творческого акта* [12]. В этом смысле «практицизацию» образования нужно понимать как сближение учебного процесса с творчеством, воспитания с обучением; рационального и эмоционального, духовного и материального.

Вернёмся к исходной посылке взаимодействия и развития двух культур России и Америки. Сегодня деятели обеих стран обсуждают идеи соратника Станиславского Н. В. Демидова. От российских педагогов их пропагандирует А. А. Малаев-Бабель, живущий ныне в Америке. Он

утверждает в актёрской школе актуальность «Демидовских этюдов» и создания роли через *аффективные чувства актёра и импровизацию* [6]. А вот другой пример. По инициативе Центра развития драматургии LARK (Нью-Йорк) и Российского СТА была проведена вторая совместная российско-американская лаборатория «по взаимному погружению и языковой интерпретации пьес молодых драматургов» обеих стран (2016). Радость от взаимного узнавания театральных культур, по признанию участницы лаборатории (К. Драгунская), открывает новые грани искусства.

Несмотря на политические разногласия, *поиск* новых путей развития театрального образования продолжается. Очевидно, другой перспективы в нашем глобальном мире, кроме сотрудничества людей и школ, просто нет. Этот путь гораздо перспективнее, нежели политические конфронтации и искусственное нагнетание «холодных» отношений. *Живое искусство* побеждает, уже не первый раз в истории, искусственные *барьеры*. На стадии *профессионального образования режиссёров* (обучения и воспитания) это сделать гораздо легче и эффективнее. Ведь режиссура – это профессия, приравненная к политической сфере деятельности, режиссёры не только способны ставить спектакли, но и призваны создавать духовные ценности.

Примечания

1. Евгений Вахтангов, 1883–1922 : сборник / сост., ред., авт. коммент. Л. Д. Бенровская, Г. П. Каптерева. Москва : Всероссийское театральное общество, 1984. 583 с.

2. Каган М. С. О духовном (опыт категориального анализа) // Вопросы философии. 1985. № 9.

3. Кнебель М. И. Поэзия педагогики / вступ. статья Г. Товстоногова. Москва : Всероссийское театральное общество, 1976. 527 с.

4. Колесова Н. Петр Фоменко. Энергия заблуждения. Москва : Рипол Классик, 2014. 350 с.
5. Коробейников Д. В. Духовная составляющая театральной системы М. А. Чехова // Вестник Московского государственного университета культуры. 2014. № 1 (57). С. 243–245.
6. Малаев-Бабель А. О том, как Николай Васильевич Демидов обосновался в Америке // Балтийские сезоны : действующие лица петербургской сцены : [альманах] / ред. Е. С. Алексеева. Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2012. № 21 (дек.). С. 121–144.
7. Печенков В. В. Тайна индивидуальности: Артефакт эволюции или смысл бытия человека? Москва : Либроком, 2010. 176 с.
8. Рехельс М. Л. Режиссер – автор спектакля : Этюды о режиссуре. Ленинград : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1969. 232 с.
9. Столкновение культур / Мастер-класс А. Додина для режиссёров Великобритании [Электронный ресурс] // Страстной бульвар, 10 : [веб-сайт]. Электрон. дан. Выпуск № 2-122 / 2009, Мастерская. URL: <http://www.strast10.ru/node/696>
10. Страсберг Ли [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Страсберг,_Ли
11. Товстоногов Г. А. Зеркало сцены. Кн. 1: О профессии режиссера. Москва : Искусство, 1980.
12. Тришин В. А. О целостном подходе в профессиональном образовании актёров и режиссёров // Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности : сборник. Москва : АПРИКТ, 2013. С. 400–411.
13. Трубочкин Д. В. Римас Туминас. Московские спектакли. Москва : Театралис, 2015.

References

1. Benrovskaya L. D., Kaptereva G. P., comp. *Eugeniy Vakhtangov, 1883–1922: sbornik [Eugene Vakhtangov, 1883–1922: a collection]*. Moscow, Published by All-Russian Theatrical Society, 1984. 583 p.
2. Kagan M. S. О dukhovnom (opyt kategorial'nogo analiza) [On the spiritual (the experience of categorical analysis)]. *Voprosy Filosofii*. 1985, no. 9.
3. Knebel M. I. *Poeziya pedagogiki [Poetry of pedagogy]*. Moscow, Published by All-Russian Theatrical Society, 1976. 527 p.
4. Kolesova N. *Petr Fomenko. Energiya zabluzhdeniya [Petr Fomenko. The energy of delusion]*. Moscow, Publishing house “Ripol Classic”, 2014. 350 p.
5. Korobeynikov D. V. Spiritual basis of the principles of theatrical system of M. A. Chekhov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 1 (57), pp. 243–245. (In Russian)
6. Malaev-Babel A. О том, как Nikolay Vasil'yevich Demidov obosnovalsya v Amerike [About how Nikolai Vasilyevich Demidov settled in America]. In: Flekseeva E. S., ed. *Baltiyskie sezony: deystvuyushchie litsa peterburgskoy stsny. No. 21 [The Baltic seasons: actors of the Petersburg scene. No. 21]*. St. Petersburg, 2012. Pp. 121–144.
7. Pechenkov V. V. *Tayna individual'nosti: Artefakt evolyutsii ili smysl bytiya cheloveka? [Secret of individuality: Artifact of evolution or the meaning of human being?]*. Moscow, Editorial URSS, 2010. 176 p.
8. Rekhels M. L. *Rezhisser – avtor spektaklya: Etyudy o rezhissure [The director is the author of the play: Studies on Directing]*. Leningrad, Art Publishing House, 1969. 232 p.

9. *Stolknovenie kul'tur / Master-klass L. Dodina dlya rezhisserov Velikobritanii [Clash of cultures / Master class by Lev Dodin for the directors of Great Britain]*. Available at: <http://www.strast10.ru/node/696>

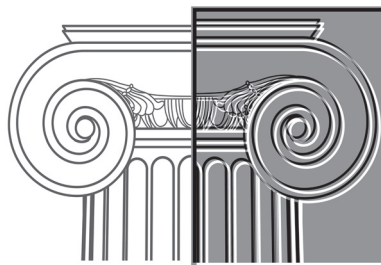
10. *Strasberg Li [Strasberg Lee]*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Страсберг,_Ли

11. Tovstonogov G. A. *Zerkalo stseny. Kn. 1: O professii rezhissera [Mirror of the scene. Book. 1: About the profession of the director]*. Moscow, Art Publishing House, 1980.

12. Trishin V. A. O tselostnom podkhode v professional'nom obrazovanii akterov i rezhisserov [On the holistic approach in vocational education of actors and directors]. *Kul'turno-istoricheskiy potentsial modernizatsii: paradoksy rossiyskoy mental'nosti: sbornik [Cultural-historical modernization potential: the paradoxes of the Russian mentality: a collection]*. Moscow, 2013. Pp. 400–411.

13. Trubochkin D. V. *Rimas Tuminas. Moskovskie spektakli [Rimas Tuminas. Moscow performances]*. Moscow, Publishing house "Teatralis", 2015.

*

СОВРЕМЕННЫЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
ЯВЛЕНИЯ

ЦЕННОСТНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 341.16:001

Ю. А. Закунов

Московский государственный институт культуры

Автор полагает, что ценностно-цивилизационные аспекты включения российских объектов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО должны стать ориентиром целенаправленного осуществления национальной культурной политики для всех остальных её субъектов на основе универсальных ценностей, которые предстают как цивилизационные, обращённые к абсолютным духовным императивам. Цельность репрезентации объектов в единстве историко-культурного, эстетического содержания и нравственного духовного смысла является важнейшим условием качественной актуализации культурного наследия в современном социокультурном пространстве. Опыт и перспективы включения российских объектов в список культурного наследия раскрываются на путях иерархического сочетания всемирного и национального в универсальной ценности объекта, его обращённости к вечным духовным императивам и образам, столь характерным для российской цивилизации и русской культуры.

Ключевые слова: выдающаяся универсальная ценность, ценности российской цивилизации, управление культурным наследием России, российские объекты Всемирного культурного наследия.

Yu. A. Zakunov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

VALUE-CIVILIZATIONAL ASPECTS FOR CITES INCLUSION ONTO THE LIST OF WORLD HERITAGE: RUSSIAN EXPERIENCE AND PERSPECTIVES

The author states that the value-civilizational aspects of the inclusion of Russian sites on the UNESCO World Heritage List should become landmarks for the purposeful implementation of the national cultural policy for the rest of its subjects. The integrity of the representation of objects in the unity of their cultural-historical, aesthetic content combined with moral spiritual

ЗАКУНОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

ZAKUNOV YURIY ALEKSANDROVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: zakunov.yuri@mail.ru

© Закунов Ю. А., 2018

meaning become the most important condition for the qualitative actualization of cultural heritage in the modern socio-cultural space. The experience and prospects for Russian sites inclusion onto the World Heritage List are revealed on the ways of hierarchical combining of world and national attributes in the outstanding value of cite, its appeal to the eternal spiritual, imperatives and images, which is so typical for Russian civilization and culture.

Keywords: outstanding universal value, Russian civilizational values, Russian cultural heritage management, Russian objects of the World Heritage.

Для цитирования: Закунов Ю. А. Ценностно-цивилизационные аспекты включения объектов в список Всемирного культурного наследия: российский опыт и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 126–135.

Не всё, что создано человеком и ненаследуемо им от природы, есть культура. «Вторая природа» призвана восходить к своему первообразу, некоему высшему идеалу совершенства, который в разных цивилизациях и у разных народов различен и интерпретируется экспертами ЮНЕСКО по-разному.

В применении известных критериев ВУЦ (выдающейся универсальной ценности) по выдвижению объекта, его сохранению и поддержанию в том виде, в каком он был зафиксирован в момент включения в список, видится разрешение фундаментального противоречия между национально-особенным и всемирным (всеобщим). Российский путь открывается в иерархическом сочетании всемирного и национального в объекте, его обращённости к вечным духовным императивам и образам, столь характерным для российской цивилизации. Сам процесс включения объекта должен стать примером, ориентиром целенаправленного осуществления национальной культурной политики для всех остальных её субъектов, когда памятники культуры не просто исследуются, а вписываются в мировой культурный контекст с последующим доказательством их уникальности и вовлечения в социокультурный оборот.

Ценностное сознание выражает единство человеческого рода, общность его исторических судеб и в этом отношении возвышается над социальной и этнической разделённостью людей. Ценность есть сила, имеющая началом своим данные от природы качества, определённую направленность (задание) и конкретную форму осуществления (интенсивность). Она рождается в сфере экзистенциальной активности субъекта, где художник-творец в виде эстетического образа индивидуализирует «всеобщее» духовное содержание предмета (отрицать его «объективность» бессмысленно – иначе всемирное наследие становится пустым и формальным) и облакает («зашифровывает») его в чувственную материю, «материализует» в объекте. Ценности обретают статус общезначимых в процессе коммуникации, становятся всем доступны благодаря заключённой в них вечной истине, открытие которой для всех людей, независимо от веры, национальности и статуса, есть радостное переживание вечного, глубочайшего и священного как откровения.

Термин «выдающаяся универсальная ценность» был введён конвенцией без определения, но очевидно, что понимание сути этого термина лежит в основе всего процесса включения какого-либо объ-

екта в список памятников культурного наследия. В российской культурологической научной литературе сегодня делается ряд попыток теоретически осмыслить этот термин. В частности, В. Шестаков предложил следующее его определение: *выдающаяся универсальная ценность* – это культурная ценность, значимая для мирового сообщества, где Универсальная культурная ценность (КЦУ) может быть представлена в формуле: $КЦУ = \alpha p + \beta q + \gamma r$, где α – ценность предмета (объекта) для государства, β – ценность предмета (объекта) для религиозной организации, γ – ценность (предмета) объекта для корпорации (сословия, самодельного профессионального союза, творческого объединения граждан, национального образования народов, населяющих Российскую Федерацию). Знаки p , q , r – соответствующие вероятности подлинности предмета. При этом критерием светской ценности является наличие у предмета качеств (научного, исторического или культурного характера) либо особых признаков, которые делают необходимым для общества его сохранение, изучение и публичное представление. Критерием религиозной ценности является ощущение у представителей религиозной концессии, что данный предмет приближает их к Богу. Критерием корпоративной ценности (научной, сословной, кастовой, общественной, партийной и т.п.) является ощущение у его членов причастности к единому органическому образованию – корпорации [см: 3, с. 276].

Из всего социального состава и измерений наиболее целостным и устойчивым представляются цивилизации. В ценностях цивилизаций закрепляется наиболее значимое, непреходящее, существенное.

Не всё, что относится к прошлому, является наследием, но – то, что несёт в себе и воплощает наиболее важное, что не умирает с носителем, хранится, живёт или оживает в памяти, но может и умереть в результате великих исторических трансформаций. Понимание ценности как значимости для субъектов и эпох – относительно. Устойчивость ценности, её универсальность и постоянство – в обращении к вечным абсолютным императивам.

Здесь важна духовная и эстетическая природа выдающейся универсальной ценности, представляющая как художественное совершенство культурного или культурно-природного объекта. Связанные с универсальностью и целостностью указанные атрибуты позволяют «снять» оппозиции (бинарности) в функционировании и управлении культурным наследием: такие как уникальность (неповторимость) объекта и одновременно его характерность (типичность); историчность (отражение конкретного времени, эпохи, цивилизации, этноса) и одновременно всеобщность, универсальность. Необходимо выявить духовный смысл, логику истории, связь событий, мест и людей, запечатлённых в памятнике истории и культуры.

Особенностями включения российских объектов в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО являются следующие характеристики этого процесса. В российском списке объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО практически нет доисторических археологических объектов, хотя реально на территории России таких обнаружено тысячи. Болгарский историко-археологический комплекс из российского списка ЮНЕСКО самый древний. Несмотря на то, что благодаря обязатель-

ному правилу археологического обследования в местах будущих строительства удалось сохранить многие из них, заинтересованности власти в повышении их статуса не наблюдается. Например, проведённые охранные раскопки в зоне строительства на юге Урала позволили избежать затопления уникального памятника III–II тыс. до нашей эры – города Аркам. Было выявлено огромное количество древних курганов, но они остаются необследованными и неизученными.

Хронологически так сложилось, что в списке нет ни одного объекта XX века, хотя в предварительном списке они есть. Это памятник-ансамбль Мамаев курган, посвящённый героической Сталинградской битве 1942–1943 годов, и Храм Христа Спасителя, посвящённый победе России в войне с Наполеоном в 1812 году, восстановленный в 1990-х годах после разрушения его большевиками. Сложность связана с тем, что изображение истории, хранимой в культурных объектах и интерпретируемой в образах, часто условно и передаёт не столько аутентичный цивилизационный контекст, сколько относительное представление о нём. Так, Храм Христа Спасителя может быть символом победы в Отечественной войне 1812 года для первых, символом божественного величия и славы Господа Иисуса Христа для вторых, восстановленным памятником архитектуры XIX века для третьих или символом религиозного мракобесия и невежества для четвёртых.

Важно, что оба памятника предстают как всемирные, поскольку выходят по своей выдающейся уникальной ценности за рамки национальных границ, символизируя одновременно величайшие события и являясь шедевром творческого гения че-

ловека. Изначально Мамаев курган, хотя и является сугубо светским мемориалом советской эпохи, по своему исполнению и значимости подвига восходит к религиозной святыне, а казалось, сугубо культовое сооружение – Храм Христа Спасителя – закладывался изначально в память героев войны, положивших жизнь свою за Отечество и правое дело. Эти объекты, несмотря на кардинально противоположные идеологии общественных систем, возводивших их (атеистически-коммунистическая и православно-самодержавная), направлены навстречу друг к другу, метафизически пересекаются, стремясь выразить национально-всемирную идею. Представляется, что здесь зашифрована главная идея любой культуры в её универсальной «заданности», предназначении для всех народов – творчески соединять мир нематериальный с материей в их взаимном преобразении на основе художественных образов, исполненных красоты, нравственного подвига и физического совершенства, которые воплощены на высоком техническом уровне. Это отражает такую национальную черту, приобретающую всемирное значение, как роль личного усилия, самоотверженного порыва, сердечно-бескорыстного движения к правде, а в идеале – духовного подвига, жертвенной любви к Родине. Эта цивилизационная черта нашего русского патриотизма в творениях отечественной культуры встречается чаще, чем у западных и иных народов.

Важная черта российских культурных объектов – это памятники и ансамбли, связанные с православием, что отражает центральную роль этой религии в возникновении и развитии России как государства русской цивилизации. Именно восприятие духа православия на русской

почве привело к столь изумительным масштабным достижениям в культуре, науке, государственном строительстве, к освоению столь огромных территорий с сохранением межэтнического и межрелигиозного мира, к возникновению особого полиэтнического союза, основанного не на прагматическом интересе, расчёте или формальной договорённости, а на духовно-нравственных ценностях. Вдохновлённые ими, люди, благодаря силе объединённых мыслей, чувств и воли в духе, оказались способны создавать выдающиеся творения, ставшие достоянием мировой культуры, всемирным наследием. Православие – духовно-определяющая религиозная доминанта в истории культуры России. Православие не учение или идеология, а мироощущение и образ бытия, которому доступна цельность, реальное живое единение, воплощённое в творениях культуры. Особенность российского пути, по словам философа И. А. Ильина, свидетельствует: «Наше своеобразие от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего.

Оно (Православие) дало нам больше всего:

- живое желание нравственного совершенства, стремление внести во всё начало любви;
- веру во второстепенность земного и бессмертие личной души, открытую живую совесть;
- дар покаяния;
- искусство страдать и терпеть;
- неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу;

- непоколебимую уверенность в возможность и необходимость единения человека с Богом в этой жизни и в будущей, искание живых путей к этому единению и

- преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа – Сына Божия.

Это и есть именно тот дар, который в истории христианства называется духом апостола Иоанна, который утрачен Западом и отречься от которого значило бы отречься от самого русского естества. Этот иоанновский дух пропитал и всю русскую культуру (искусство, науку, суд) – и незаметно впитан и инокровными, и инославными русскими народами: и русскими лютеранами, и русскими реформаторами, и русскими магометанами, и русскими иудеями, так что они уже нередко чувствуют себя ближе к нам, чем к своим единокровным и единоверным братьям [1, с. 400–401]».

Например, такой объект, как «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», не имеет аналогов среди объектов в списке объектов Всемирного наследия не только по своим масштабам, но и в силу сложности своей структуры. В его состав входят типологически разные компоненты и элементы: исторические центры, дворцово-парковые ансамбли, фортификационные сооружения, природные, научные и мемориальные объекты, соединённые историческими дорогами. Ключом к разгадке уникальности объекта является выдающаяся универсальная ценность – это те особенности, которые стали причиной его включения в список объектов Всемирного наследия. Они «зашифрованы» в критериях, сформулированных Комитетом всемирного наследия. Единство

природной основы и созданного человеком, уникальные градостроительные особенности, амбициозность первоначального замысла, связь с событиями мировой истории – все эти элементы складываются в своеобразный код Санкт-Петербурга [см.: 2, с. 24]. Будучи расположенным на территории двух субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербурга и Ленинградской области, он включает 36 компонентов и 86 элементов, что, в соответствии с классификацией Комитета всемирного наследия, позволяет назвать его серийным объектом. ВУЦ серийных объектов имеет свои особенности. Такой объект должен обладать ВУЦ как единое целое, тогда как для отдельных его частей это не является обязательным. Однако вклад каждой составляющей серийного объекта в общую ВУЦ должен быть очевидным, легко определимым и должен иметь научное обоснование. События, увековеченные в этих комплексах, принципиально важны для понимания отечественной истории, её неразрывности и преемственности, во многом являются опорными точками в восприятии истоков и характера нашей государственности, становления и развития российской цивилизации.

При включении того или иного объекта в список объектов Всемирного наследия и при обосновании его выдающейся универсальной ценности, критериев целостности и подлинности требуется такой важный раздел, как защита и управление. Мало заявить о наличии достойного для включения в список объекта. Нужно ещё показать, что страна готова и способна сохранять его выдающуюся уникальную ценность не только на словах, но и на деле. Для этого в по-

следние годы при подготовке и представлении номинации от страны-участника Конвенции в Центр всемирного наследия ЮНЕСКО требуется отдельный том по Плану управления. При этом необходимо привести свою законодательную базу в соответствие с международными требованиями и запросами.

В России в этом отношении пока не всё благополучно: необходимо устранить несоответствие российского национального законодательства международным конвенциям, сложившейся практике и глобальной значимости документов ЮНЕСКО. Однако утверждение федерального законодательства затягивается, яркой иллюстрацией чего может служить пример разработки проекта Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», который растянулся более чем на десятилетие. В итоге, Минкультуры России подготовило законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” (в части установления порядка выполнения международных обязательств, вытекающих из Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 года)», где, в частности, определён на федеральном уровне отраслевой орган исполнительной власти, уполномоченный в данной сфере, установлен порядок управления объектами всемирного наследия, расположенными на территории Российской Федерации, а также порядок взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти и их полномочия, в том числе в отношении объектов,

которые уже включены в список объектов Всемирного наследия и требуют особого регулирования. Кроме того, законопроект направлен на введение новых понятий в федеральное законодательство (в частности, таких как «план управления», «буферные зоны» и другие) и установление соответствия между понятиями, используемыми Комитетом всемирного наследия и содержащимися в законодательстве Российской Федерации.

Региональная власть, озабоченная сохранением своего культурного наследия, не дожидаясь федеральной, разрабатывает и согласует свои местные законы без вторжения в вопросы, регулируемые федеральным законодательством, как это, например, делается в Республике Татарстан, где активно разрабатываются и реализуются планы управления объектами Всемирного наследия, которые находятся на её территории, проводится мониторинг сохранности, составляются отчёты об их состоянии, предусматривается ежегодное финансирование за счёт средств бюджета и иных источников.

Российский опыт свидетельствует: огромную роль в деле успешного выдвижения и утверждения номинанта играет заинтересованность прежде всего местных региональных властей. Для них сам факт появления на их территории такого объекта будет не обузой или средством заработать личный политический или финансовый капитал для дальнейшего роста, а ярким символом национального единения, мощным фактором духовно-нравственного и патриотического воспитания, духовного подъёма. Конечно, имиджевая составляющая, туристическая привлекательность и прагматизм – современные реалии, с которыми приходится считать-

ся. Увы, далеко не всегда местная власть руководствуется высокими духовными ценностями, обращена к вечному, представляя порой временщиком, озабоченным конъюнктурой частного интереса, сиюминутной выгодой и голым расчётом. Однако именно состояние сферы культуры и сохранение историко-культурного наследия народа является важнейшим приоритетом в политике, показателем некоррупционности власти, понимания особого призвания человека, его особого духовного, «сверхъестественного задания».

Оправданно сложная процедура включения объектов в список объектов Всемирного наследия, высокие требования, профессионализм и непредвзятость экспертов объективно заставляют мобилизовать всевозможные ресурсы государства-участника, в особенности со стороны региональных властей, настроить их на системную стратегию, долгосрочную работу. Это длительный и трудоёмкий процесс: 2,5 года – самое минимальное время, необходимое для соблюдения всех требований и процедур Комитета всемирного наследия. Так, например, более 15 лет подготовки и постоянных усилий со стороны правительства Республики Татарстан потребовалось для того, чтобы в 2014 году в ходе 38-й сессии Комитета всемирного наследия, прошедшей в Дохе (Катар), Болгарский государственный историко-археологический комплекс был внесён в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Консультационная комиссия рекомендовала пересмотреть концепцию номинации на основе критериев (ii) и (vi), выдвинуть на первый план огромный потенциал невыкопанных археологических остатков с точки зрения их потенциального вклада в имеющий-

ся объём знаний об исторических эпохах, идентифицировать особые признаки и информационные источники, которые представляют собой ключевые аспекты религиозного использования и почитания данного объекта. В результате применение (ii) критерия позволило расширить хронологические рамки Болгара до 1 500 лет, в рамках этого периода более 500 лет болгаро-татарской цивилизации, роль мусульманской культуры стала исключительным явлением для культурной традиции, развивавшейся на этой территории. Важной также стала характеристика Болгара как исключительного свидетельства исторической преемственности и культурного разнообразия в течение 1 500 лет, которое имело результатом важный взаимообмен ценностями, порождёнными различными культурами.

9 июля этого года Успенский собор острова-града Свяжск с фресками XVI века стал 29-м объектом в России и третьим в республике, который вошёл в список объектов Всемирного наследия. В результате на территории Татарстана сейчас три культурных объекта имеют статус всемирных, фактически получивших «вторую жизнь». Особо примечательно, что первый – это Казанский Кремль, где расположены рядом православный собор и мусульманская мечеть. Второй – древний город Болгар, где официально был принят ислам. И только что принят третий – жемчужина христианства – Успенский собор Свяжска. Эти три объекта – проявление мудрой политики руководства Татарстана по укреплению мира и согласия между разными религиями, что особо актуально в сегодняшнем мире, полном конфликтов на религиозной почве. Отмечено, что Свяжский памятник

– Успенский собор, исключителен и фантастичен, выражает соприкосновение ислама и православия на одной территории. В частности, уникальной чертой собора считается то, что на его стенах нет характерного для западных стен христианских соборов изображения геенны огненной, а показана только райская обитель. И хотя продолжаются реставрационные работы, посетители не смогут увидеть фрески собора целиком в первоизданном виде – утраченные со временем фрагменты уже невозможно вернуть. Это требование ЮНЕСКО подлинности (аутентичности). На их месте реставраторы лишь слегка добавляют штукатурке тон, чтобы белый цвет резко не контрастировал с фресками. Здесь важно соблюдение баланса между сохранением подлинности, целостности и необходимостью реставрации и вовлечения в социокультурный оборот.

Типичны вопросы для процесса номинации, которые возникали в ходе выдвижения Успенского собора. Это 4 и 6 критерии, по которым был рекомендован объект. Именно обоснование их в сочетании друг с другом является типичным для российского опыта. Согласно им, объект должен быть выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории (4-й критерий) и напрямую или вещественно связан с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность (6-й критерий) [см.: 3, с. 277].

К сожалению, Россия не подписала Конвенцию о защите нематериального

культурного наследия (устные традиции, традиционная музыка, танцы, ритуалы и фестивали, ремёсла), что связано с потенциально опасной ситуацией возникновения межнациональных конфликтов из-за споров о родине, авторстве и переводе в коммерческую плоскость, с вопросом о бренде. Например, показательна история с лавашем, признанным экспертами армянским блюдом, хотя многие другие кавказские народы точно так же считают его своим.

Отрицательным российским опытом можно назвать и попытки внести «оптом» несколько памятников сразу в одном «флаконе», а также нарушения, связанные с произвольной реконструкцией, с невыполнением требования, согласно которому «реконструкции приемлемы только в том случае, если они выполнены на основе полной и исчерпывающей документации, относящейся к оригиналу, но никак не на предположениях любой степени достоверности».

У многих объектов, включённых в список объектов Всемирного наследия до 2005 года, отсутствует формулировка ВУЦ, утверждённая Комитетом всемирного наследия, а в ряде случаев отсутствует и согласованное обоснование критериев. Но это не означает, что объекты, её не имеющие, не представляют выдающейся универсальной ценности: это означает, что обоснование ВУЦ таких объектов, принятое Комитетом при включении в список, не было сформулировано по определённой форме.

Важно понимать, что номинирование объектов Всемирного наследия происходит в условиях трансформации самого понятия наследия, его расширения. Однако критерии обладания выдающейся уни-

версальной ценностью, удовлетворения условиям целостности и / или подлинности, необходимости иметь соответствующую систему охраны и управления, гарантирующую его сохранность и вовлечение в социокультурный оборот, представляются незыблемыми. Критерий выхода за пределы национальных границ, представляя всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества, не должен противоречить положению о том, что суждения о ценности, приписываемой культурному наследию, так же как и достоверность соответствующих источников информации, могут быть различными как для отдельных культур, так и внутри одной культуры.

Важен не просто сам памятник и номинальный образ сам по себе (национального героя, исторического события, творения), но цельность его *репрезентации в единстве предметного содержания, понимания духовного смысла*, что является важнейшим условием полноценности его актуализации как части духовной культуры. Иначе он может стать просто иллюстрацией для утверждения совершенно несовместимых цивилизационных идей. Например, собор св. Василия Блаженного – пример зверства царя Ивана Грозного, повелевшего ослепить зодчих, а Дворцы Петербурга или Исаакиевский Собор – памятники «традиции российского самовластья» и подневольного труда тысяч умерших крепостных при строительстве. Принципиально важным становится раскрытие смысла образа культурного объекта, который дан и одновременно «задан» к бесконечному «рождению» и осуществлению (исполнению) в процессе межкультурной коммуникации и педагогического общения.

Примечания

1. Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // Собрание сочинений : в 10 томах / сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1993–1999. Том 7. 1998.
2. Определение атрибутов выдающейся универсальной ценности объектов культурного наследия (в контексте разработки планов управления объектами всемирного наследия). Санкт-Петербург. 9–10 июня, 2016 : материалы научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 2016.
3. Юрьева Т. В. Опыт определения памятника как выдающейся универсальной ценности: фрески Успенского собора г. Свяжска // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 275–280.

References

1. Ilyin I. A. O natsional'nom prizvanii Rossii (otvet na knigu Shubarta) [On the national vocation of Russia (the answer to the book of Shubart)]. *Sobranie sochineniy, v 10 tomakh. Tom 7* [Collected Works, v 10 volumes. Vol. 7]. Moscow, Publishing house "Russian Book", 1998.
2. *Opreделение atributov vydayushcheyasya universal'noy tsennosti ob"yektov kul'turnogo naslediya (v kontekste razrabotki planov upravleniya ob"yektami vseirnogo naslediya). Sankt-Peterburg. 9–10 iyunya, 2016. Materialy nauchno-prakticheskogo seminara* [Identification of the attributes of the outstanding universal value of cultural heritage sites (in the context of the development of management plans for World Heritage sites). St. Petersburg. 9–10 June, 2016. Materials of the scientific and practical seminar]. St. Petersburg, 2016.
3. Yurieva T. V. Experience in Defining a Monument as an Outstanding Universal Value: the Assumption Cathedral Frescos in Sviyazhsk. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2016, no. 2, pp. 275–280.

*

ТИПОЛОГИЯ ПРАЗДНИКОВ БЕЛЬГИИ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 130.2:394.2

А. Н. Мясников

Московский государственный институт культуры

Автор раскрывает типологические особенности праздничной культуры Бельгии как философско-культурологической категории. Делаются выводы о необходимости концептуального подхода к типологической классификации праздника. Дается полное описание характерных типологических черт бельгийских праздников, исходя из особенностей их проведения, сценарной специфичности, места их проведения. Исходя из проведенных исследований, автор приводит типологическую систему классификации праздников с анализом проблематики праздничной культуры Бельгии и её роли в глобализационных процессах. В статье также анализируется влияние праздничной культуры на социальную интеграцию, консолидацию и инкультурацию социума в полиязыковом бельгийском обществе.

Ключевые слова: праздник, праздничная культура, Бельгия, типология праздника, этнокультурная идентичность.

A. N. Myasnikov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TYPOLOGY OF BELGIUM HOLIDAYS: PHILOSOPHICAL CULTURAL ANALYSIS

The author in the article reveals the typological features of the festive culture of Belgium as a philosophical and culturological category. Conclusions are drawn about the need for a conceptual approach to the typological classification of the holiday. A full description of the characteristic typological features of the Belgian holidays is given, proceeding from the specifics of their conduct, the scenario specificity, the place of their conduct. Based on the conducted studies, the author cites a typological system for the classification of holidays with an analysis of the problems of the festive culture of Belgium and its role in globalization processes. The article also analyzes the influence of the festive culture on the social integration, consolidation and inculturation of the society in the polylinguistic society of Belgium.

Keywords: holiday, festive culture, Belgium, holiday typology, ethnocultural identity.

Для цитирования: Мясников А. Н. Типология праздников Бельгии: философско-культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 136–141.

МЯСНИКОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – соискатель кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MYASNIKOV ANDREY NIKOLAEVICH – doctoral student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: myasnikoff@mail.ru

© Мясников А. Н., 2018

Для исследования материальной и духовной культуры народов многие учёные используют в своей методологии познания такой феномен, как праздник.

Невозможно обойти праздник и в изучении этногенеза, общественного быта, народного искусства и т.д. Можно с уверенностью сказать, что праздник является универсальным инструментом в изучении и используется многими учёными. Действительно, праздник в своем универсализме представляет огромную ценность для понимания многих факторов проявления динамики и развития общества: исчезновение в потребности праздника свидетельствует об упадке общества, о потере веры, идеологического стержня; и, наоборот, сохранение старых и появление новых праздников – показатель развитого общества, способности сохранять ценности, веру в будущее и процветание.

Свое понимание праздника – празднества – выразил М. М. Бахтин: «Празднество всегда имеет существенное отношение к времени. В основе его всегда лежит определённая и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени. При этом празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека [1, с. 13–14]», а польский учёный К. Жигульский добавляет: «каждый праздник связан с определённой ценностью, иногда высшего порядка, которая является святыней (*sacrum*) для празднующей группы [5, с. 63]».

На сегодняшний день нет единого толкования понятия «праздник». Например, Т. А. Бернштам дал свое понимание: «Под словом “праздник” обычно подра-

зумевают все сколько-нибудь значительные обряды календарно-хозяйственного и жизненного циклов, в том числе и те, что происходят в будни [2, с. 136]». Что же касается классификаций праздника, то также нет единства в подходах и критериях создания универсальной схемы. По заявлению Д. М. Генкина: «Праздник вообще – такое сложное, многостороннее явление, что, очевидно, единой, всесторонней классификации его для всех времён и народов создать невозможно [4, с. 56]». Тем не менее были представлены различные подходы к классификации и типологии, исходя из различных признаков: всеобщие, локальные, личностные [4]; праздничная культура, обрядовая культура, развлекательная культура, игровая культура [3, с. 21–23].

В чём же заключается сложность понимания и определения праздника?

Прежде всего, это обусловлено невозможностью сущностного наполнения определения феномена праздника через исследования в каком-то одном концептуальном направлении. Многие исследователи работали над созданием универсальной формы концептуального подхода к изучению праздника, определив тем самым важные направления познания его природы: *философско-культурная* (*миросозерцательная*) концепция (М. Бахтин, А. Белкин, Д. С. Лихачев, Л. С. Лаптева, А. И. Мазаев, А. М. Панченко и другие); *игровая* концепция (Х-Г. Гадамер, Е. Финк, Й. Хейзинга и другие); *рекреативная* концепция (Н. И. Мизов, С. Токарев и другие); *трудовая* концепция (В. Чичеров, В. Пропп и другие); *мифологическая* (*или религиозно-обрядовая*) концепция (А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня и другие); *школа заим-*

ствования как разновидность мифологической концепции (Е. Аничков, А. Веселовский, В. Миллер и другие); *эмпирико-описательная* концепция (И. Снегирев, А. Сахаров, А. Терещенко и другие).

Типология концептуальных подходов к изучению неотъемлемо связана с классификацией праздников. Одним из пионеров, предложившим классификацию праздников, является И. М. Снегирев, который определял праздник как подвижный и неподвижный с точки зрения фиксированной даты проведения, а также исключительный (по причине особого события), сельский и городской, отечественный и заимствованный. «Само слово “праздник” выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединённую с весельем и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершення торжественных действий; последний содержится в первом [7, с. 58]».

Из всех предложенных типологических, концептуальных, классификационных подходов к изучению праздника невозможно выбрать универсальную константу для понимания этого многогранного и многообразного феномена. Проблема кроется также в том, что, несмотря на предпринятую систематизацию, не уменьшается потребность в изучении праздника на основе научного подхода. «Классификация по существенным, а не формальным признакам праздников является на самом деле научно обоснованной типологией. Она основывается на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности. Эмпирическая типологизация связана со систематизацией и обобщением культурно-исторического опыта формирования праздников, с выяв-

лением устойчивых признаков или групп свойств, свойственных тем или иным праздникам. Теоретическая типологизация предлагает концептуальную модель, понимание объекта как системы со специфическими структурными уровнями организации и системообразующими факторами [6, с. 104–105]».

Особое и наиболее важное место в праздничной культуре, несомненно, занимают массовые праздники, которые вбирают в себя различные виды праздничного действия, находясь на стыке жизненных реалий и искусства. Присущие массовым праздникам специфические качества обладают собственной морфологией, что позволяет рассматривать данный феномен исторически и генетически, в процессе зарождения и дальнейшей проекции. Также, с нашей точки зрения, главное качество – это ориентированность на активную вовлечённость аудитории в действие с чередованием разнообразных художественно-выразительных средств, которое определяет состояние праздничности.

Для полноты изучения многообразия праздничной культуры, в частности европейской, в нашем исследовании мы обратимся к рассмотрению, анализу и систематизации праздников в полиязыковом обществе Королевства Бельгия. Культурный пласт этого государства имеет отличительную черту в этнокультурной идентичности, заключающуюся в первую очередь в федерализации, разделении на языковые сообщества и их изолированности между собой в культурных, политических, экономических взаимоотношениях, федеральные органы управления при этом выполняют в основном внешнеполитические и внешнеэкономические функции. Тем интереснее будет понять

проблематику бельгийского общества, рассмотрев его через призму типологизации праздников на современном эволюционном этапе состояния праздничной культуры.

Один из концептуальных подходов к типологии исходит из предложенной французским этнологом Л. С. Фурньи [8] классификации праздников.

Обозначив этот подход как «диспозиционный» (от фр. *la disposition* – ‘расположение’), можно выявить четыре основных направления современной праздничной культуры Бельгии, которые основаны на её детальном изучении и анализе. Эти направления определяются формой и сценарным подходом к реализации праздничного мероприятия. Диспозиционная концепция типологии вбирает в себя понятие места проведения праздника не с точки зрения географического положения, а социального образования обитания и жизнедеятельности социума, такие как город и сельские местность.

Отсюда можно определить типологию праздничной культуры Бельгии так.

1. Праздник «шапито». Праздники, проводимые с использованием установок павильонов, шатров, аттракционов и т.д. В основном это ярмарочные, народные гулянья, базары, которые проводятся как в крупных городах, так и в сельской провинции (например, народные гулянья Ля фуар де Льеж (*La foire de Liège*)¹ или наиболее известное Гронд Кермесс в Брюсселе (*Grande Kermesse de Bruxelles*)²).

¹ Foire d'Octobre. La foire de Liège. URL: <https://www.fete-foraine.be/fr/bon-reduction-korting/38/foire-d-octobre-liege>

² Grande Kermesse. La kermesse de Bruxelles Berchem-Sainte-Agathe. URL: <https://www.fete-foraine.be/fr/bon-reduction-korting/47/grande-kermesse-bruxelles-berchem-sainte-agathe>

Сюда также можно отнести праздники, проводимые по календарному признаку (например, окончание сбора яблок “*Fête de la pomme*” в провинции Льежа в городе Муля дю Рви (*Moulin du Ruy*)³).

Все эти праздники отличаются статичностью проведения, привязанного к одному общедоступному месту с точки зрения исторического значения или лёгкости в логистике.

2. Праздник “а л’онсьен” (*à l’ancienne*). Эта классификация праздников подразумевает реконструкцию исторических событий, образа жизни городской или сельской местности: ремесленных мастеровых с демонстрацией работ кузнецов, ткачей, животноводов, производителей продуктов питания (выпечка хлеба, производство молочной продукции) с возможностью последующей дегустации (например, “*Djins d’amon nos ôtes*” в провинции Люксембург в городе Са-Убер (*Saint-Huber*)), военных баталий разных эпох: от древних рыцарских поединков (например, исторический праздник в феодальном замке Ля Рош-он-Арден (*La Roche-en-Ardenne*)⁴), до наиболее крупной формы, такой как реконструкция битвы под Ватерлоо 1815 года⁵.

Праздники этой классификации имеют свою особенность: более детальный сценарный подход; привлечение профессиональных аниматоров, реконструкторов, режиссёров, сценаристов; масштабность вовлечённости участников в про-

³ Fête de la pomme à Moulin du Ruy en province de Liège. URL: <http://www.fetedelapomme.com>

⁴ Château féodal La Roche en Ardenne. Belgique. URL: <http://www.chateaudelaroch.be>

⁵ Weekend historique du Champ de Bataille de Waterloo. International Français. URL: <http://walloniebelgiquetourisme.be/fr-be/content/weekend-historique-du-champ-de-bataille-de-waterloo>

цесс организации и реализации праздника и проведение вне городов.

3. Праздник-шествие. К этой категории относятся многочисленные карнавальные праздники Бельгии (например, карнавал де Бинч¹, Квармэ в Мальмеди²), кавалькады³, кортеж кошек⁴, кортеж Золотого дерева в Брюгге⁵ и т.д.). Характерность этих праздничных мероприятий заключается в том, что основное действие происходит в движении, чаще всего с использованием механизированных средств передвижения, а также повозок-платформ, передвигающихся с помощью гужевого транспорта.

4. Праздник-искусство. К этой классификации праздников можно отнести все праздничные мероприятия, посвящённые различным видам искусства (музыка, живопись, скульптура, танцы, театр, флористика, фестивали разной направленности и т.д.). В качестве примера можно привести Кунстенфестивалдэзар (Kunstenfestivaldesarts)⁶ – один из самых крупных фестивалей в Бельгии (танец, театр, музыка, кино, с большим количеством выставок), праздник Ириса (Fête de l'iris à Bruxelles)⁷ [20] и много других, перечисление и описание которых выходит за рамки нашей статьи.

¹ Carnaval de Binche. Carnaval. URL: <http://www.carnavaldebinche.be/accueil.html>

² Le Cwarmé de Malmedy. Carnaval. URL: <http://walloniebelgiquetourisme.fr/fr/produit/evenement/folklore-et-tradition/carnaval-le-cwarme-de-malmedy/7283>

³ Cavalcade de Herve. Site Officiel – Tradition depuis 140 ans. URL: <https://www.cavalcadeherve.com>

⁴ Cortège des chats. Kattenstoet Ieper. URL: www.kattenstoet.be/fr/home.html

⁵ Cortège de l'arbre d'or. Focus on Belgium. URL: <http://focusonbelgium.be/fr/events/bruges-sert-nouveau-de-decor-au-cortège-de-larbre-dor>

⁶ Kunstenfestivaldesarts. Le festival à Bruxelles. URL: <http://www.kunstenfestivaldesarts.be/fr>

⁷ Fête de l'Iris. URL: <http://fetedeliris.brussels/>

Одними из главных отличительных черт, благодаря приведённой типологизации праздников, можно выделить следующие особенности праздничной культуры Бельгии: культурная потребность в индивидуальном и коллективном проявлении творческого начала человека и его самоутверждении; система сохранения норм и ценностей общественных отношений, их консолидация и коммуникация; социально-культурная модель поддержания и сохранения традиций; механизм образно-художественного культивирования символов. Являясь показателем изменений в культурном обществе, а также ключом к культурологическому аспекту изучения общества, праздник отражает происходящие процессы, позволяя рассматривать в единении элементы традиций, передаваемые из поколения в поколение. Правильно выстроенная типология праздников открывает перспективу детальной систематизации изучения роли праздничной культуры в обществе, понимания её как важного элемента вовлечённости и охваченности социума, вне зависимости от социального положения, желания отождествления своей исключительности.

Происходящий процесс глобализации создаёт предпосылки и материал для новых исследований праздничной культуры с использованием различных методологических подходов. Рынок, как главная константа глобализации, стал главенствующим в современном обществе, основной формой жизненных установок. В современной рыночной парадигме, где критерием является коммерческая выгода реализации, праздник сливается с экономическим потреблением, которое, в свою очередь, является стимулирующим фак-

тором развития праздничной культуры. В этих новых реалиях современного общества есть опасность потерять основное значение праздника в развитом обществе, выраженное в функции духовного объединения, примирения и сплочённости людей, нравственного очищения, коллективного самовыражения и вовлечён-

ности в общественные процессы, где наиболее важным является этическое и эстетическое образование нового поколения в получении социального опыта. Не стоит забывать и ещё об одной немаловажной функции праздника: социальная интеграция социума и создание базиса групповой консолидируемости.

Примечания

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 544 с.
2. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX века) // Этнические стереотипы поведения : сборник статей / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под ред. А. К. Байбурина. Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1985.
3. Гагин В. Н. Национальные праздники и обряды, или Праздничность как феномен русской культуры. Москва : Профиздат, 2005. 320 с.
4. Генкин Д. М. Массовые праздники : [учебное пособие для институтов культуры]. Москва : Просвещение, 1975. 140 с.
5. Жигульский К. Праздник и культура : Праздники старые и новые. Размышления социолога : [пер. с польского] / [вступ. ст. А. И. Арнольдова]. Москва : Прогресс, 1985. 336 с.
6. Орлов О. А. Праздничная культура России. Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2001. 159 с.
7. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Москва : Советская Россия, 1990. Часть 1.
8. Fournier L. S. Le patrimoine, un indicateur de modernité. À propos de quelques fêtes en Provence. *Ethnologie française*. 2004, no. 4 (34), pp. 717–724.

References

1. Bakhtin M. M. *Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, Publishing house “Imaginative literature”, 1990. 544 p.
2. Bernshtam T. A. Weekdays and holidays: the behavior of adults in the Russian peasant environment (19th – the beginning of the 20th century). In: Bayburin A. K., ed. *Ethnic stereotypes of behavior. A collection of articles*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1985.
3. Gagin V. N. *National holidays and ceremonies, or Festivity as a phenomenon of Russian culture*. Moscow, Information Publishing House “Profizdat”, 2005. 320 p.
4. Genkin D. M. *Massovye prazdniki [Mass holidays]*. Moscow, 1975. 140 p.
5. Zhigulsky K. *Holiday and culture: Holidays are old and new. Sociologist's Reflections*. Moscow, Progress Publishers, 1985. 336 p.
6. Orlov I. M. *Festive culture of Russia*. St. Petersburg, Publishing house “CultInformPress”, 2001. 159 p.
7. Snegirev I. M. *Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady. Chast' 1 [Russian folk festivals and superstitious rites. Part 1]*. Moscow, Publishing house “Soviet Russia”, 1990.
8. Fournier L. S. Le patrimoine, un indicateur de modernité. À propos de quelques fêtes en Provence. *Ethnologie française*. 2004, no. 4 (34), pp. 717–724.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ИДЕАЛЬНОГО ГОРОДА

УДК 008:304.4

С. М. Витяев, А. А. Родионова

Московский государственный институт культуры

В данной статье рассматривается культурное пространство торгового центра как реализация утопической идеи «идеального города», проводится компаративный анализ коммуникативной структуры ТРЦ и города-мегаполиса, а также анализируется гендерный аспект коммуникации в торгово-развлекательном центре. Коммуникации в торговом центре структурированы вокруг процессов потребления, а визуальные образы помогают направить поведение в определённое русло, соответствующее социально одобряемым культурным стереотипам и гендерным нормам. Сделаны выводы о том, что коммуникативная среда ТРЦ имеет сходные черты с коммуникационной средой города-мегаполиса, а женщина занимает центральную позицию в потребительском универсуме торгового центра, становясь на позицию «Я» вместо предписываемой ей доминирующей культурой позиции «Другого». Мужчина же в коммуникативной ситуации торгово-развлекательного центра занимает позицию «Другого».

Ключевые слова: торговый центр, коммуникация, мегаполис, культура общества потребления, гендерные стереотипы, культурная адаптация, визуальные коммуникации.

S. M. Vityaev, A. A. Rodionova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SHOPPING CENTER AS THE REALIZATION OF THE CONCEPT OF AN IDEAL CITY

This article examines the cultural space of a mall, how the idea of an “ideal city” is realized, and comparatively analyze the communicative structure of a mall and a metropolitan city, and this

¹ВИТЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

VITYAEV SERGEY MIKHAYLOVICH – Ph.D. (Philosophy), senior teacher of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

²РОДИОНОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

RODIONOVA ANASTASIYA ALEKSANDROVNA – graduate student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: kesar_945@mail.ru¹, Ekendu@yandex.ru²

© Витяев С. М., Родионова А. А., 2018

article also examines the gender aspect of communication in a mall. Communications in malls are structured around consumption, and visual images help to guide the behavior in a certain direction, corresponding to socially approved cultural stereotypes and gender norms. It is concluded that the communicative environment of mall has similar features to the communication environment of the metropolitan city, and women occupy a central position in the consumer universe of a mall, becoming the position of “I” instead of the dominant culture of the position of the “Other”. The man in the communicative situation of the shopping and entertainment center takes the position of the “Other”.

Keywords: shopping center, communication, metropolis, consumer society culture, gender stereotypes, cultural adaptation, visual communications.

Для цитирования: Витяев С. М., Родионова А. А. Торговый центр как реализация концепта идеального города // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 142–150.

Подобно городу торговые центры стараются сформировать определённый образ. Важную роль в его восприятии играет название. Обычно оно связано с чем-то позитивным и отдалённым от повседневности, как, например, «Весна», «Калейдоскоп», «Жар-птица»; иногда с чем-то величественным – «Мега», «Лига»; или же заимствует своё название от географического объекта, чаще всего иностранного – «Рио», «Золотой Вавилон», «Европа». Реже торговые центры носят название по месту расположения, например, ТЦ «Речной», «Савёловский», что связано с желанием отвлечь потребителей от повседневной действительности и ввести их в новое пространство желаний и «флирта с предметами [2, с. 76]». Фактически это имена-симулякры, в которых почти отсутствует коннотация с буквальным значением названия.

Вторая важная особенность, структурно сближающая торговый центр и город, это разделение его «обитателей» на посетителей и обслуживающий персонал: уборщиков, консультантов, промоутеров и других. Эта дефиниция аналогична такому же разделению между жителями и гостями города, с одной стороны, и

«обсуживающим персоналом»: дворниками, ремонтными рабочими, «живой рекламой» и тому подобными службами – с другой.

При этом посетители торговых центров часто относятся с пренебрежением к «обсуживаемому персоналу»; подобное же происходит и в городе, когда жители ставят себя выше охранников, вахтёров и дворников. Это можно объяснить тем, что, согласно стереотипам, большую часть таких должностей занимают мигранты и люди из бедных семей, а массмедиа способствуют дискредитации как подобных работ, так и самих рабочих через трансляцию негативных этнических и классистских стереотипов. Кроме того, в консьюмеристской культуре любой труд вообще мало эстетизируется или даже наделяется негативными коннотациями [5, с. 120–139].

Несколько другой образ формируется в восприятии консультантов и промоутеров, которые непосредственно общаются с потребителями – на эти должности работодатели берут чаще всего девушек европейской внешности, так как о девушках сложился «положительный стереотип» как об аккуратных и исполнитель-

ных работников, кроме того, они считаются визуально более привлекательными для условного «большинства».

В торговом центре, как и в городе, есть собственный аналог СМИ, представленный каталогами и флаерами, рассказывающими о новых товарах и скидках, которые играют роль свежих новостей. В некоторых торговых центрах и крупных магазинах существуют даже периодические издания, нацеленные на рекламу продукции («МедиаМаркт», «Икеа»).

Всё это позволяет говорить о торговом центре не только как об эстетическом и визуальном прообразе «идеального города», но и как об особой коммуникативной среде, во всём подобной коммуникативной среде мегаполиса. Здесь преобладающим типом коммуникации оказывается потребление, которое является желанным даже для самих работников. Целью большей части людей, пришедших в торговый центр, является потребление, как вещей, так и впечатлений, ведь торговый центр, как правило, состоит не только из магазинов, но и кинотеатра, катка и других мест, где можно купить определённые впечатления.

Коммуникативные процессы между индивидами в торговом центре структурируются вокруг потребления: на какой фильм пойти, что купить, что поесть, – это именно те вопросы, которые их волнуют и которые они задают друг другу, об этом люди советуются с консультантами, обсуждают приобретённые покупки, планируют следующий поход. При этом в среде потребителей видна чёткая дифференциация как по культурным предпочтениям, так и по социальному статусу. Посетительницы «MODAMO» и «Jennifer» резко отличаются друг от друга, так как

первый магазин ориентирован на женщин среднего возраста с достатком, в то время как целевой аудиторией второго являются девочки-подростки. Это расслоение также отсылает нас к городскому нарративу, ведь в «настоящем» городе мы так же можем видеть подобную дифференциацию культурных пространств. Подобная дифференциация распространяется и на детей, которых родители часто оставляют на специализированных игровых площадках, а сами отправляются по магазинам, так что дети и родители оказываются разделёнными и включёнными в различные коммуникативные ситуации.

Торговый центр как специфическая коммуникативная система обладает рядом особенностей. Во-первых, здесь наблюдается большое разнообразие социальных групп и коммуникативных процессов, сконцентрированных в одном пространстве. В торговом центре присутствуют представители разных социальных групп, носители разных культур, что видно по количеству и разнообразию торговых точек, ориентированных на разные целевые аудитории. Этот аспект исследован А. А. Желниной, которая отстаивает идею о том, что торговому центру присуще разнообразие социальных групп и вместе с тем из него исключены маргинальные группы, которые широко представлены в условиях мегаполиса (бездомные, попрошайки). Социокультурная среда торгового центра, таким образом, делается более безопасной, «очищается» от негативных элементов [9]. Вследствие своей безопасности, пространство торгового центра привлекает также трудовых мигрантов. Об этом пишет исследовательница процессов миграции Е. Б. Деминцева: «Существует стереотип, что все

мигранты ходят на рынок. Наше исследование показало, что один из главных торговых центров, куда любят ходить мигранты, – это “Афимолл Сити”. Торговый центр – это безопасное пространство. Там мигранты гуляют, сидят на скамейках. Для них это возможность выйти из перенаселённой квартиры, где они живут по 20 человек, провести время в фуд-корте и пообщаться. “Афимолл” находится в районе небоскребов Сити, где можно сделать красивое фото и затем отправить его родителям, чтобы они поняли, что у тебя всё хорошо [цит. по: 12]». Надо отметить, что безопасность всегда являлась составной частью всех литературных утопий: от Томаса Мора до Э. Циолковского.

Во-вторых, благодаря наличию большого количества социокультурных групп, социокультурное пространство торгового центра приемлет множество форм вербальной и невербальной коммуникации и оказывается в некотором смысле более либеральным, чем пространство большого города. Например: люди, приходящие в торговый центр, не должны соблюдать определённый дресс-код, а вербальное общение допускает множество вариантов норм: никто не запрещает учёным использовать профессионализмы, а подросткам – молодёжный сленг. Хотя при общении с персоналом принято использовать обычную лексику.

В-третьих, посетители торгового центра достаточно чётко разделены по группам, а среда не располагает к образованию новых связей среди взрослых. Для А. А. Желниной критерием выделения людей в отдельную группу является не только то, что они находятся в одном месте и выполняют одинаковые действия, но и то, что они сами следят за поведением

и устанавливают нормы. При этом дети, оставленные в «игровых комнатах» под надзором воспитателей, гораздо охотнее и чаще формируют новые связи, строят небольшие и недолго существующие социальные группы – знакомятся и играют вместе. Взрослые же включаются исследовательницей в общую социальную группу «посетители торгового центра». Как показывает А. А. Желнина, в торговом центре сосуществуют два вида контроля над поведением индивидов – неформальный, осуществляемый самими посетителями, и формальный, осуществляемый администрацией [9]. Этот факт также отсылает нас к осуществлению контроля над поведением индивидов в мегаполисе.

В-четвёртых, социокультурная среда торгового центра способствует снятию психологического напряжения. Торговый центр является своеобразным пространством, в том числе и коммуникативным, основным свойством которого является безопасность. В торговый центр люди приходят, чтобы снять напряжение, накопленное в мегаполисе, пройтись по знакомым местам, зайти в те магазины, которые они знают, съесть ту еду, которую они знают, и посмотреть ни к чему не обязывающий фильм. Таким образом, торговый центр есть по своей сути пространство повторения, в котором комфортно себя чувствует «средний» человек. Другими словами, торговый центр является чем угодно, но не пространством творчества как производства новых смыслов. В нём уже существующие смыслы воспроизводятся и циркулируют.

В-пятых, общение в торговом центре строится вокруг потребления. Но это не всегда реальное, а часто символическое потребление. Как может показать-

ся на первый взгляд, покупки – основная цель пришедших в торговый центр, однако стоит заметить, что это не совсем так. Если в обычный супермаркет человек приходит за самими продуктами, а к процессу их выбора относится утилитарно, то в торговом центре, если обратиться к наблюдению Ж. Бодрийяра, на первый план выходит «флирт с предметами [2, с. 76] и игровое исследование пространства. На это символическое заигрывание с образами счастья, которое индивид получит, если купит этот предмет, рассчитано всё устройство торгового центра. Например, магазины одежды распланированы таким образом, что женщинам, которые чаще всего покупают одежду для мужчин, необходимо пройти через весь магазин, добираясь до мужских товаров. Такое расположение отделов и стимулирует то самое «игровое исследование пространства» и «флирт с предметами», так как она точно не сможет просто пройти мимо всех женских вещей на своём пути, не замечая их.

Такая планировка магазинов, как магазинов одежды, так и косметики, детских товаров и других, говорит о том, что большинство магазинов сделано для женщин. Ведь «мужскими» считаются только специализированные магазины, такие как магазины электроники, товаров для охоты и рыбалки. Таким образом, происходит некоторая инверсия гендерных норм, отражённая в расхожем стереотипе массовой культуры: женщины любят ходить по магазинам, а мужчины – нет, они ощущают это как свою обязанность, как «каторгу».

Гендерные стереотипы навязываются в самом торговом центре, особенно в рекламе одежды. Женщины на многочис-

ленных постерах, рекламирующих одежду, представлены нежными и весёлыми, в то время как изображения мужчин репрезентируют уверенность и силу. Такие визуальные репрезентации характерны не только для торгового центра, однако специфической является экзистенциальная и коммуникативная ситуация. Дело в том, что женщина в большинстве культур всегда находилась на позиции Другого. Как писала С. де Бовуар: «Она самоопределяется и выделяется относительно мужчины, но не мужчина относительно неё; она несущественное рядом с существенным. Он – Субъект, он – Абсолют, Она – Другой [1, с. 161]». Белый мужчина являет собой наиболее типичного человека, «эталон-большинство» (по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари), по отношению к нему разворачивается большинство текстов культуры, а женщины очень часто выпадают из образа эталона, воспринимаются как Другие [8, с. 176–179]. Но в торговом центре всё наоборот – всё сделано для женщины, она практически становится главным персонажем этого мегаполиса, главным потребителем. При этом даже в самом потреблении выделяются гендерные особенности. Как пишет М. А. Рахманинова, если мужчины получают удовольствие от самого процесса потребления (например, играют на автоматах), то женщины потребляют не ради самих вещей и приносимого ими удовольствия, а лишь ради обещания удовольствия, ради возможности быть товаром, проданным на рынке современности (например, выбирают одежду и косметику, делающую их привлекательными в глазах мужчин) [13, с. 75]. Но в торговом центре у неё есть символическая власть и центральное положение, для неё сконструирована эта

«капиталистическая утопия», которая позволяет ей даже освободиться от бремени материнства, отдавая детей в специальные игровые комнаты, хотя это лишь фантазм, симулякр «женский силы и власти», созданный для того, чтобы отвлечься от несправедливого и тяжёлого мира за пределами торгового центра. Торговый центр как бы переворачивает отношения дружности: женщины попадают в торговый рай, чтобы на время перестать быть Другими и стать Потребительницами, субъектами, и эта иллюзия привлекательна сама по себе.

С учётом этих особенностей можно заключить, что культурная среда торгового центра действительно в миниатюре повторяет городскую, даже мегаполисную. Г. А. Рукша выделяет следующие черты мегаполиса как социокультурного пространства: социокультурная гетерогенность, ориентация на инновацию, противопоставление интеллектуального и чувственного. Из-за того, что в мегаполисе проживают различные субкультуры, условием проживания в городах является вывод интерсубъективных значений и смыслов как основы социокультурного взаимодействия. Мегаполис всячески стремится получить последние технологические новинки, однако редко участвует в их производстве. Это относится и к торговому центру, так как он тоже стремится быть в центре новейших технологических достижений, не являясь при этом творческим пространством и местом производства. Мегаполис своим темпом создаёт своеобразную «вереницу» впечатлений, требующую «больших затрат сознания» [14] на её восприятие, чем длинные, размеренные впечатления маленьких городов. То же характерно и для торгового

центра, где поток впечатлений формируется постоянно сменяющимися витринами магазинов, что отвечает нормам фрагментированного клипового мышления.

Ещё одной важной чертой культуры и мегаполиса, и торгового центра является особый режим производства отчуждения. Отчуждение – это именно то, что роднит мегаполис и торговый центр. Находясь и в том, и в другом коммуникативном пространстве, люди всё равно редко вступают в ситуацию общения (тем более редко в диалогическое общение с идеями и людьми), предпочитая находиться в своих «замкнутых мирах» или же общаться с очень ограниченным кругом лиц, и даже это ограниченное общение структурировано вокруг вопросов потребления.

Многие современные торговые центры, ставшие *торгово-развлекательными*, стремятся исправить складывающуюся ситуацию всеобщего отчуждения, хотя полного снятия отчуждения всё равно не происходит. Таким образом, отчуждение в торгово-развлекательных центрах производится общей поверхностностью коммуникации, но не слишком заметно из-за развлекательной эстетизации.

Если раньше мероприятия, направленные на установление новых контактов и конституирование публичных взаимодействий, были распространены почти исключительно в городском пространстве, то сейчас подобные события начинают проводиться и в торгово-развлекательных центрах. Примером этого могут служить выставки фотографий и ежедневные зарядки для посетителей в ТРЦ «МЕГА. Химки». У посетительниц «MODAMO» и «Jennifer» теперь есть возможность вместе поучаствовать в зарядке или остано-

виться возле понравившейся фотографии. Тем самым создаётся *предпосылка к общению*. Торгово-развлекательный центр с помощью таких мероприятий всячески старается создать комфортную среду для покупателей, способствующую и новым контактам, и расширению сферы общения. Значительную роль здесь играют аниматоры – как катализаторы в установлении коммуникаций (но именно играющие или пытающиеся играть роль, так как степень подлинной вовлечённости в коммуникативную активность на порядок ниже, чем в случае балаганной ярмарочной культуры прошлого). В какой-то мере это является возвращением к старому концепту торгового пространства, где происходит не только купля-продажа, но и устанавливаются отношения людей, организуется досуг, проводятся культурные мероприятия.

Однако торговый центр – это всегда симуляция, а не реализация концепта ярмарки. Преодоление отчуждения в ТРЦ носит поверхностный характер, так как онтологически ничем не подкрепляется. Имеет место, скорее, некая внешняя псевдопартиципация, и бытийный порядок не меняется, поскольку смысл всех интеракций в этом пространстве всё равно заключается в том, чтобы заставить людей купить что-то. Коммуникационные связи, создающиеся в ходе таких акций, всё же очень поверхностны. Торговые центры не обеспечивают действительного снятия противоречий, но только создают фантазм преодоления отчуждения.

Примечания

1. Бовуар С. Второй пол. Этика подлинного существования : пер. с франц. Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. 368 с.

Таким образом, торговый центр изоморфен самому городу: и в эстетическом, и в социальном, и в коммуникативном аспекте. Причём в какой-то степени можно говорить о торгово-развлекательном центре как об идеальном мегаполисе, очищенном от недостатков мегаполиса реального. Не только планировка ТРЦ похожа на городские кварталы и парки, но и сама его коммуникативная среда, социокультурное пространство также имеют сходные с городом черты. Кроме того, в социокультурном пространстве торгового центра действует особый режим функционирования гендерных и других ролей. Например, здесь женщины уже не являются однозначно Другими и занимают центральное положение «потребителя вообще», что даёт им «фантазм власти», отвлекающий от реального положения дел. Можно предположить, что изоморфизм культуры города и торгового центра, в частности, может быть также обнаружен в социально-психологическом, политическом и экзистенциальном поле. Как видим, торгово-развлекательные центры формируют особую культурную среду, которая в рамках мегаполиса воплощает в себе все его идеальные черты, становясь утопическим городом (и как лучшим местом, и как иллюзорным местом, которого нет в действительности), так что ТРЦ берут на себя некоторые функции культовых зданий (не случайно в последние годы было построено и освящено несколько храмов на территории торговых центров).

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры / [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Быховская И. М. «Социальное» сквозь призму «культурного»: в поисках адекватной оптики // Культура и образование. 2015. № 2 (17). С. 27–32.
4. Воеводина Л. Н. Массовое общество в контексте социокультурной динамики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5 (55). С. 23–27.
5. Гапова Е. А. Классы наций. Феминистская критика нациостроительства. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 368 с.
6. Генис А. А. Американская азбука : [эссэ]. Tenaflly, N. J. : Эрмитаж, 1994. 104 с.
7. Голова А. Г. Факторы, влияющие на потребительское поведение личности в мегаполисе [Электронный ресурс]. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419279/Golova_2011_5.pdf
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / [пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского] ; Учреждение Российской академии наук, Институт философии. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 894 с.
9. Желнина А. А. «Здесь как музей». Торговый центр, как общественное пространство // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 48–69.
10. Зайцева А. Ф. Эстетические ожидания потребителей в системе рекламных коммуникаций. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 265–270.
11. Захарова В. И. Социокультурное пространство мегаполиса // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 20–25.
12. Иващенко Е. А. Москва глазами мигрантов: Город надежд, опасностей и карьерных возможностей [Электронный ресурс] // Фергана. Информационное агентство : [веб-сайт]. Электрон. дан. 05.07.2017. URL: <http://www.fergananews.com/articles/9469> (дата обращения 07.11.2017).
13. Рахманинова М. А. Женщина как тело. Москва : Свободное марксистское издательство, 2015. 120 с.
14. Рукша Г. Л., Кудрина Е. Л. Мегаполис как социально-культурное явление // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 17-2. С. 199–204.
15. Степин В. С. Цивилизация и культура. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. 407 с.

References

1. Bovuar S. [Simone de Beauvoir] Vtoroy pol. *Etika podlinnogo sushchestvovaniya* [Second floor. *Ethics of true existence*]. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2015. – 368 p.
2. Baudrillard Jean. *The Consumer Society: Myths and structures*, 1998 (In Rus. ed.: Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya: Mify i struktury* [The consumer society: Myths and structures]. Moscow, Publishing house “Republik”, Publishing house “Cultural Revolution”, 2006. 269 p.
3. Bykhovskaya I. M. “Sotsial’noye” skvoz’ prizmu “kul’turnogo”: v poiskakh adekvatnoy optiki [“Social” through the prism of “cultural”: in search of adequate optics]. *Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2015, no. 2 (17), pp. 27–32.
4. Voevodina L. N. Massovoye obshchestvo v kontekste sotsiokul’turnoy dinamiki [Mass society in the context of socio-cultural dynamics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2013, no. 5 (55), pp. 23–27.

5. Gapova E. A. *Klassy natsiy. Feministkaya kritika natsiostroitel'stva [Classes of Nations. Feminist criticism of nationalism]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2016. 368 p.

6. Genis A. A. *Amerikanskaya azbuka [American alphabet]*. Tenafly, N. J., 1994. 104 p.

7. Golova A. G. *Faktory, vliyayushchie na potrebitel'skoe povedenie lichnosti v megapolise [Factors influencing the consumer behavior of a person in a megacity]*. Available at: http://ec-socman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419279/Golova_2011_5.pdf

8. Deleuze G., Guattari F. [Deleuze Gilles, Guattari Pierre-Félix] *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. [A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia]*. Ekaterinburg, Ufactory Publishing House, Moscow, Ast Press Publishing House, 2010. 892 p.

9. Zhelnina A. A. “Zdes' kak muzey”. Torgovyy tsentr, kak obshchestvennoe prostranstvo [“It's like a museum here”. Shopping center as public space]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2011, no 2, pp. 48–69.

10. Zaytseva A. F. Consumer aesthetic expectations in the system of advertising communications. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 2 (64), pp. 265–270. (In Russian)

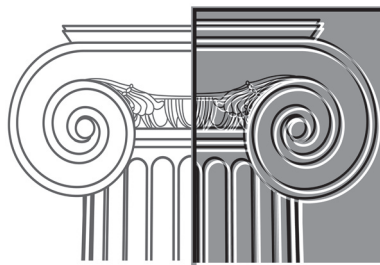
11. Zakharova V. I. Social and cultural space of megalopolis. *Theory and practice of social development*. 2017, no. 2, pp. 20–25. (In Russian)

12. Ivashchenko E. A. *Moskva glazami migrantov: Gorod nadezhd, opasnostey i kar'yernykh vozmozhnostey. [Moscow through the eyes of migrants: City of hopes, dangers and career opportunities]*. Available at: <http://www.fergananews.com/articles/9469> (accessed: 07.11.2017).

13. Rakhmaninova M. A. *Zhenshchina kak telo [Woman as a body]*. Moscow, Publishing house “Free Marxist Publishing House”, 2015. 120 p.

14. Ruksha G. L., Kudrina E. L. Megapolis as a socio-cultural phenomenon. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2011, no. 17-2, pp. 199–204. (In Russian)

15. Stepin V. S. *Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and culture]*. St. Petersburg, Publishing House of Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2011. 407 p.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г УМАНИТАРНЫЕ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТЕМАТИКИ НАУЧНЫХ РАБОТ

УДК 001.891

В. А. Ремизов, С. А. Чазова

Московский государственный институт культуры

В статье представлены результаты измерения документального потока диссертационных исследований за 2015–2017 годы по научным специальностям: «Библиотечное и библиография», «Теория и история культуры» и «Социально-культурная деятельность». Выявлены лакуны в выборе тем исследовательских изысканий. Делается предположение об отсутствии взаимосвязи выбора научных тем с актуальными вопросами общественной регуляции социально-культурной сферы, тогда как сегодня, по мнению авторов, необходимо сконцентрировать силы на всестороннем анализе исторических вех продвижения российского общества с выявлением лучших достижений на этом пути, с обоснованием конкретных мер по совершенствованию сфер жизнедеятельности, с выделением демаркационных линий, а порой и заблуждений, но с обязательным видением конструктивного, что поможет нашему обществу и нашим согражданам строить подлинно процветающую Россию, из чего вытекает такое важное требование к гуманитариям (гуманитарию) и к их научной деятельности, как социальная ответственность.

Обосновываются выводы о необходимости разработки наиболее актуальных направлений культурологии, связанных с междисциплинарным подходом и профессиональной опорой на методологию культурологического исследования, на специфику «языка» диссертационных работ.

Ключевые слова: диссертация, гуманитарные исследования, тема исследования, предмет исследования, наукометрические измерения, документный поток.

¹РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher school of the Russian Federation

²ЧАЗОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, директор Информационно-библиотечного центра Московского государственного института культуры

CHAZOVA SVETLANA ANATOLYEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Director of the Information and Library Center, Moscow State Institute of Culture

e-mail: shupik49@mail.ru¹, svtchzv@yandex.ru²

© Ремизов В. А., Чазова С. А., 2018

V. A. Remizov, S. A. Chazova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

HUMANITARIAN DISSERTATION RESEARCH IN RUSSIA: ANALYTICAL DISCOURSE OF SCIENTIFIC WORKS

The article presents the results of measuring the documentary flow of dissertation research for 2015–2017 on scientific specialties: "Library Science and Bibliography", "Theory and History of Culture" and "Social and Cultural Activities". Lacunae have been identified in the choice of research research topics. It is suggested that there is no correlation between the choice of scientific topics and the current issues of social regulation of the socio-cultural sphere, whereas today it is necessary to concentrate our efforts on a comprehensive analysis of the historical milestones of the advancement of Russian society, identifying the best achievements along the way, improvement of spheres of life, with the allocation of demarcation lines, and sometimes even delusions, but with a mandatory vision of constructive that will help our societies and our fellow citizens to build a truly prosperous Russia. The authors substantiates the conclusions about the need to develop the most relevant areas of culturology related to the interdisciplinary approach and the more professional reliance on the research methodology, on the specificity of the "language" of dissertational works.

Keywords: dissertation, humanitarian research, research topic, subject of research, scientometric measurements, document flow.

Для цитирования: Ремизов В. А., Чазова С. А. Гуманитарные диссертационные исследования в России: аналитический дискурс тематики научных работ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 152–162.

Гуманитарные проблемы в российском обществе традиционны. Нет ни одного политического документа последних десятилетий, в котором бы не декларировалось в методологическом и в технологическом ракурсах внимание к человеку (личности), к его состоянию, функционированию, к бытию и социокультурному статусу в обществе. Конституция Российской Федерации (основной закон), многочисленные концептуальные документы развития, предвыборные программы партий и политических объединений, послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию, на основе которых сконструированы задачи совершенствования общественного строительства на ближайшее и предстоящее время, – всё пронизано гуманитарными целевыми векторами.

Вместе с тем следует отметить, что всякий вектор движения нуждается в теоретическом, правовом, организационном, трендовом, ментальном обеспечении и поддержке. Данной цели обязаны служить, прежде всего, диссертационные исследовательские работы. В этом процессе вполне своевременным и необходимым можно считать прошедший в стенах Московского государственного института культуры (7–8 февраля 2018 года) первого в стране Российского гуманитарного Форума: «Основные направления гуманитарных исследований в современной России: качество научных работ».

В работе Форума приняло участие более 150 человек, представляющих все основные регионы страны. Состав Форума: руководители диссертационных советов (председатели, заместители председатели

лей, учёные секретари), ректоры и проректоры из более чем 50 вузов, учёные-исследователи гуманитаристики.

Форум проходил при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Президиума Российской академии образования, Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки России и Российского профессорского собрания.

Среди многих тем, поднятых и обсуждённых участниками Форума, был и вопрос об аналитическом поле научных гуманитарных исследований. Готовили и представляли этот материал авторы публикуемой статьи.

Тематико-содержательной экспертизе были подвергнуты диссертационные работы по специальностям: «Библиотековедение и библиография», «Теория и история культуры» и «Социально-культурная деятельность». Всего рассмотрено около 500 диссертационных исследований, представленных на защиту с 2015 по 2017 годы включительно и опубликованных на портале Высшей аттестационной комиссии [3].

Измерительные технологии документного потока (а массив диссертационных исследований относится к данному типу форматов представления информации) в последние десятилетия стали традиционными в науковедческом исследовательском поле. Метрические изыскания подвергаются активной критике со стороны учёных, занявших место среди сторонников аксиологической концепции научного знания. Однако статистический анализ диссертационных исследований позволяет провести корреляцию от количественных к качественным показателям. Метаданные о диссертационном ис-

следовании, представленные библиографическими элементами, описывающими диссертацию / автореферат, позволяют моделировать карту научных изысканий и проводить связи между ними. В данном случае это касалось тематики исследований, определяемой по обязательным элементам введения: «Объект» и «Предмет». Таким образом, проводя процедуры анализа содержания диссертаций и их группировки по предметным полям, мы получили возможность установить общие тенденции и специфические особенности исследовательских практик.

Каждая работа вовлекалась в измерительную процедуру только один раз.

Опциями описания научной работы выступили тема, план работы, объект и предмет исследования. Отдельные работы подвергались выборочному содержательному обзору.

В ходе содержательного анализа была выработана категориальная шкала. В неё вошли: историко-культурный; теоретико-методологический; региональный; зарубежный; молодёжный; этнонациональный; патриотическое воспитание и виртуальный аспекты. Выяснялась также сфера исследования: материальная; социокультурная; духовная; художественно-культурная и практико-профессиональная. Следует отметить, что, конечно, как и всякая формула или график, аналитические модели ограничивают рамки интерпретаций. В силу этого аналитические суждения авторов имеют некоторую «округлённость» и «отграниченность». Однако общее состояние диссертационно-исследовательской картины в рамках избранных гуманитарных дисциплин выявить и охарактеризовать, как представляется, возможно (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сводные данные диссертационных исследований отрасли КУЛЬТУРА за 2015–2017 годы

		Темы диссертационных исследований											Итого				
		ИК	ТМ	РН	ЗБ	МЛ	ПТ	ЭН	ВТ	МК	СК	ДК		ХК	ПК	ПФ	
Библиотечное и библиография	2015	4	5		1				1								2
	2016	6	2					1	2								2
	2017	2	3	2		1		1									1
Социально- культурная деятельность	2015		16			30	2										1
	2016		2			11	3										3
	2017		5			15	1		1								
Культурология	2015	12	23	8	6	4		9	6	4	20	4	24	2			
	2016	9	2	5	11	1		8	1	3	17	7	17				
	2017	15	24	4	13	5		7	3	3	18	1	16	1			
		451	101	19	31	67	6	27	13	10	55	12	57	3			9

где темы диссертационных исследований представлены как:

ИК – историко-культурный аспект;

ТМ – теоретико-методологический аспект;

РН – региональный аспект;

ЗБ – зарубежный аспект;

МЛ – молодёжь как объект исследования;

ПТ – патриотическое воспитание;

ЭН – этнонациональный аспект;

ВТ – виртуальный аспект;

МК – материальная культура;

СК – социальная культура;

ДК – духовная культура;

ХК – художественная культура;

ПК – политическая культура;

ПФ – профессиональный аспект.

Как видно из таблицы, в среднем количество защищённых диссертаций с 2015 по 2017 годы снизилось, но обретает, видимо, какой-то оптимальный ежегодный показатель:

- по культурологии – 110;
- по социально-культурной деятельности (СКД) – 22;
- по библиотековедению – 10.

Такая картина, очевидно, связана с повышением требований к защищаемым научным работам¹, включая и реорганизацию деятельности диссертационных советов.

Наиболее распространёнными исследовательскими темами обозначились следующие: историко-культурная (библиотековедение); теоретико-методологическая (культурология); тема молодёжных интересов (СКД); тема художественной и социальной культуры (культурология). Следует заметить, что число исторических работ возросло в первую очередь в культурологии. Причём часто исторические темы не связаны с отечественной историей культуры и носят весьма отвлечённый характер, который, конечно же, не безынтересен, но обеспечивает преимущественно картину культурно-исторического поля зарубежных стран. Таким образом, отечественное историческое культурное поле может при таком состоянии дел «вымываться». Довольно высок и константен показатель теоретико-методологических культурологических исследований. Это приводит к выводу о некотором «осушении» культурологических исследований, об отстранении от «вечно

зелёного дерева жизни» (И. В. Гёте), от практики, от реальных культурных процессов. Несомненно, проблема уровня методологической зрелости диссертационных исследований важна и нуждается в совершенствовании. Об этом свидетельствуют примеры раздела авторефератов: «Теоретико-методологические основы исследования». Вынуждены констатировать, что сплошь и рядом фиксируется смешение теории и методологии; взглядов, идей, концептов и методик. Сами же методологические основы, как правило, очерчиваются скудно, ограничено и поверхностно. Они нередко просто не совпадают с сутью темы диссертации.

Отдельно необходимо сказать о теме «художественная культура» в культурологических исследованиях. Здесь нередко встречается «скатывание» в искусствоведение; допускается доминирование искусствоведческой предметности и аргументированности. На данном фоне фиксируется проблема «языка» исследования. Культурологическое поле анализа, например, должно осуществляться в категориях: артефакты, мемы, методы, социоформы функционирования, связки социопрактики и духовной аксиологии, направленности содержания в искусстве, их историческое этапирование и т.п. Описание деталей нотной записи, «характера мазка» художника, «физики» хореографии, её пластики и прочее смещает исследовательский культурологический акцент к полю искусствознания. Как нам видится, введение в текст категории «художественная культура» не спасает положения дел. Нужны процессуальные кластеры культуры, опора на них.

Отдельного комментария требует тема, посвящённая молодёжной страте.

¹ Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 года № 836 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».

Следует отметить её особую выраженность в диссертациях по направлению социально-культурной деятельности. Реже она представлена в тематике библиотечной аналитики. Тема молодёжи сопряжена с темой патриотического воспитания/формирования, и данный аспект научной практики оказывается едва ли не ведущим в социокультурных диссертационных исследованиях. Однако в работах культурологического и библиотековедческого профилей эта тема количественно имеет тенденцию к сокращению. А тема-то сегодня остро важна и актуальна, она фиксируется как неотъемлемое условие «консолидации российского общества».

С данным явлением сопряжены и некоторые «исследовательские пустоты». Наиболее выраженная среди них тема этнонациональных отношений. Она почти «выпала» в поле библиотековедения и культурологии, снизилась до единичных случаев в сфере СКД.

Авторы обратили внимание и на другую лагуну. Она, как ни странно, связана с такой актуальной темой, как взаимодействие социума в виртуальном пространстве. Это современное явление представлено в диссертациях по библиотековедению (3 работы), в культурологии явно обозначена тенденция к спаду исследований по данной теме (от 6 до 1 и 3). В СКД же не представлена совсем. Между тем в прессе активно и длительно ведётся полемика о таких специальностях, как «компьютерная режиссура», «виртуальное социокультурное просвещение», «электронное конструирование СКД» и т.д. Тема виртуализации всех практик социума определяет новые рубежи для исследователей, должна быть развита и будет интересна на различных уровнях и

при различных средствах социокультурного взаимодействия.

Представляется, что в «пустотность» попала в последние годы и тема разработки культурологии как теории. В исследованиях все теоретические базы берутся как известные и разработанные априори. Но ведь и темы культуры, культурологии – довольно «молоды» в своём научно-теоретическом осмыслении. А теоретических новаций от научного сообщества по-прежнему мало. Приходится констатировать, что теоретические работы последнего времени связаны с проблемами социокультуры, а не теории самой культуры. Недаром один из основателей теоретико-культурологического журнала «Обсерватория культуры» А. Я. Флиер так много времени тратит, по его словам, на поиск статей для журнального портфеля и указывает на дефицит статей. А между тем многие теоретические вопросы лежат чуть ли не на поверхности. Так, например, известный по общей формулировке закон преемственности культуры, кажется, досконально изучен, но, обратим внимание, что это осуществлено в пределах только практической необходимости. На деле оказывается, что механизмы данного закона детально не разработаны как в свете теории энтропии, так и в ракурсе теории синергетических явлений. Осмысление данных аспектов ждёт своих исследователей и в плане диффузности, и в створе конвергенции, порождённой современными процессами аксиологической глобализации, возросшего обмена языковыми формами, культурными нормами, массовидными подражательными образцами. Возникает логичный вопрос: почему в исследованиях по данной теме не используется открытый уже за-

кон «старения форм», закон «старения идей», закон аксиологической дополнителности, закон «замещения значения» и т.д.?

В подобной же ситуации оказалась и другая теоретическая тема – динамика и технология социобития духовной культуры общества и личности. В культурологическом научно-исследовательском поле за три прошедших года она не просто уменьшилась, а обрушилась с семи (показатель итак не особенно высокий) до одного. В двух других отраслях знаний эта тема вообще отсутствует в каком-либо варианте. Между тем именно в диаде: духовность (идеалы, аксиоланты, убеждения, верования, интересы-цели) – рационализм (потребительство, прагматизм, эгоцентризм, массовизация, стереотипность), сегодня протекает основная «река противостояния» западноевропейской (англо-саксонской) и отечественной (христианско-православной, или русско-сибирской, по Н. Я. Данилевскому) цивилизаций. Что же касается теоретико-исследовательской части духовности, духовной культуры, её динамики – данная тема в современной научной литературе, образно говоря, «приглохла».

В учебниках, с которыми связаны такие известные авторы, как О. Н. Астафьева [2], Н. Г. Багдасарян [7], С. Н. Иконникова [6], А. В. Костина [5], А. Я. Флиер [12], И. Г. Хандельгиева [9] и многие другие, содержатся разделы, только обозначающие это явление. Вопросы её бытия, структуры, технологии функционирования, законов действия, процессов производства, сохранения и распространения отсутствуют или намечены пунктирно. Такое состояние научной мысли в сфере духовных процессов можно, по на-

шему убеждению, объяснить в значительной мере соскальзыванием государства, общества, личности в плоскость потребительского состояния. Не потому ли столь значителен интерес современных мировых учёных-экономистов к таким вопросам, как:

- культурный капитал общества, капитал личности;
- капитализация искусства и культурного фонда государства;
- культурный рейтинг страны, индекс прибыли от культурного капитала и прочее.

Такая «духовно-исследовательская глухота» чревата (или содержит опасность) сублимацией (З. Фрейд) в иной тип сознательной деятельности, связанной с жёстким рационализмом, с холодным расчётом. А это можно констатировать как отход от исконно русской и общероссийской модели психологического генотипа.

Такова общая картина диссертационного исследовательского гуманитарного поля на примере трёх её составляющих: культурологии, СКД и библиотечно-библиографической деятельности. Анализ подталкивает к выводу, что наши «пробелы» прежде всего связаны с качеством преподавания гуманитарных дисциплин. Многие участники Российского гуманитарного Форума говорили о необходимости реформативирования этого процесса. Необходим переход к проблемности гуманитарного обучения, нужен решительный отход от типа педагога, которого метко, например в украинской словесности, именуют «выкладач»: прочитал и изложил (выложил) прочитанное. Здесь важно вспомнить и исторического классика – Владимира Ульянова, который указывал, что «состав лекторов»

определяет качество учебного процесса в высшей школе. Очевидно, что оптимизировать учебный процесс вслепую, по методу «от цифр статистики» не верно и вредно. Сохранять творческую личность, несмотря на известный возраст, служащую примером поиска в науке, источником новации в отраслях знания, – значит поднимать образование до сакральной высоты и вдохновлять молодёжь на деятельность подлинно научного поиска, ибо и слово «диссертация» имеет в корневой основе «ди» – другое суждение, иной взгляд, новая позиция.

Также необходимо отметить то обстоятельство, что общей слабой стороной гуманитарных исследований является их отвлечённость, несвязанность с реальной практикой. Стало стандартом, например, в культурологических исследованиях обходиться без социометрии, без социокультурных опытов-экспериментов, без элементов математического моделирования и экспертизы. В подавляющем большинстве диада: квалификационный текст – творческий инновационный текст, смещён реально в левую сторону. В этом случае многое оказывается декларацией известного, систематизацией уже разрешённого в науке. Нередко поэтому первый пункт положений, выносимых на защиту, сводится к формулировке дополненного (или уточнённого) определения... А это оказывается довольно часто простым набором слов. В данном срезе, вероятно, можно было бы в автореферат включить обязательный раздел о практических предложениях и рекомендациях, направленных на совершенствование состояния исследуемых явлений в обществе, поскольку научная работа должна в какой-то мере служить «пользе для род-

ного Отечества», которое обеспечивает в известной доле научную деятельность соискателя искомой научной степени.

С качественной стороны диссертационных гуманитарных исследований связаны и общеорганизационные требования к подготовке этих работ. На Форуме достаточно говорили, например, о нечёткости требований ВАК к «авторскому тексту» исследований. Это приводит к противоречивым объёмам норм: 70%; 80%; 90%. Во многих случаях это вводится произвольно, субъективно, но пока точно сформулированной нормы нет, а это явно девальвирует требования к научному материалу.

Другой вопрос – приём диссертации к рассмотрению на диссертационном совете. ВАК определила три довольно формальных критерия, но к самому совету его требования несравнимо жёстче. Такое положение дел ставит диссертационный совет в противоречивое положение. Кроме того, существует практика устных распоряжений типа: «ВАК просит учесть...» Это, например, касается научных публикаций по материалам диссертации.

Большое сомнение вызвало у участников Форума решение ВАК о необходимости у соискателей публикаций в международной информационной системе Scopus. Дело в том, что иностранные журналы, как правило, отказывают по формальным соображениям отечественным авторам, а ответом на данное решение ВАК стало возникновение множества коммерческих предложений на рынке публикационной деятельности с необоснованно завышенными условиями публикации. Так предпринимательская деятельность «слила» в своё русло усилия ВАК и превратила всё в околонуучный бизнес.

Вызывает сожаление и тот факт, что всё ещё не решён чётко вопрос о соотношении авторского текста и монографии по содержанию докторского диссертационного исследования. Многие участники Форума также говорили о том, что уменьшилось информационное научное пространство по гуманитаристике. Было бы желательно возродить систему библиографического информирования международного, республиканского, краевого и областного уровней для обеспечения информационными реферативными продуктами гуманитарного профиля.

Резюмируя, отметим ещё одно не менее существенное явление. В исследованиях не обнаружилось материалы об осмыслении профессиональной деятельности гуманитариев. Создаётся впечатление, что они исключены или не включены в социальные практики. Вместе с тем известны работы Р. Г. Абдулатипова [1], А. Д. Жаркова [4], И. В. Малыгиной [8], В. М. Розина [11], В. С. Садовской [10], В. М. Чижикова [13], Н. Н. Ярошенко [13] о культурных практиках в российских регионах, среди которых:

- создание культурной среды;
- разработка культурных проектов;
- осуществление культурологических экспертиз социально-экономических проектов;
- осуществление культурно-просветительных мероприятий и т.д.

Примечания

1. *Абдулатипов Р. Г.* Человек и культура. Философия и практика духовных идеалов : монография. Москва : МГУКИ, 2012. 188 с.
2. *Астафьева О. Н., Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П.* Культурология. Теория культуры : учебное пособие. 3-е издание. Москва : Юнити-Дана, 2012. 487 с.
3. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/> (дата обращения: 31.01.2018).

Всё это свидетельствует об активном участии представителей гуманитарных профессий и самой гуманитаристики в преобразовательных процессах современной России.

Думается, что роль гуманитаристики в заявленном Президентом России тренде на ускорение развития страны в предстоящем шестилетии будет неуклонно возрастать и закрепляться на практике.

Отсюда вытекает такое важное требование к гуманитариям (гуманарию) и к их научной деятельности, как социальная ответственность. Прежде всего, она проявляется в целевой установке исследовательской работы. Или негативные, маргинальные установки на общество и утверждение безвыходности, примата тупиковой ситуации и т.д. и т.п., или выявление реальных путей развития.

Не вызывает сомнений то, что сегодня необходимо сконцентрировать силы на всестороннем анализе исторических вех продвижения российского общества с выявлением лучших достижений на этом пути, с обоснованием конкретных мер по совершенствованию сфер жизнедеятельности, с выделением демаркационных линий, а порой и заблуждений, но с обязательным видением конструктивного, что поможет нашему обществу и нашим согражданам строить подлинно процветающую Россию.

4. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности : учебник для бакалавров, магистрантов, аспирантов, ассистентов-стажеров и докторантов / Московский государственный институт культуры. Москва, 2017. 466 с.
5. Костина А. А. Культурология : учебник. 3-е изд., доп. Москва : КноРус, 2008. 336 с.
6. Культурология : учебник / В. П. Большаков, С. Н. Иконникова, Е. П. Борзова и др. ; под ред. И. Иконниковой и В. П. Большакова. Москва : Проспект, 2013. 528 с.
7. Культурология : учебник для студентов технических вузов / под ред. Н. Г. Багдасарьян. 6-е изд., испр. и доп. Москва : Высшая школа, 2010. 638 с.
8. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учебное пособие. 2-е издание. Москва : Согласие, 2018. 240 с.
9. Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Теория культуры : учебное пособие для вузов. Москва : Фаир-Пресс, 2001. 384 с.
10. Ремизов В. А., Садовская В. С. Культурная антропология : учебное пособие / Московский государственный институт культуры. Москва, 2017. 188 с.
11. Розин В. М. Мышление и творчество. Москва : Пер Сэ, 2006. 358 с.
12. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учебное пособие для магистров, аспирантов и соискателей. Москва : Согласие, 2010. 672 с.
13. Ярошенко Н. Н., Чижиков В. М. Многофункциональные культурные центры в дискурсе современной российской культуры : монография / Московский государственный институт культуры. Москва, 2017. 160 с.

References

1. Abdulatipov R. G. *Chelovek i kul'tura. Filosofiya i praktika dukhovnykh idealov [Human and Culture. Philosophy and Practice of Spiritual Ideals]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2012. 188 p.
2. Astafyeva O. N., Grushevitskaya G. G., Sadokhin A. P. *Kul'turologiya. Teoriya kul'tury [Culturology. Theory of Culture]*. 3rd edition. Moscow, Unity-Dana Publishing House, 2012. 487 p.
3. *Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) pri Ministerstve obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [The Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]*. Available at: <http://vak.ed.gov.ru/> (accessed: 31.01.2018).
4. Zharkov A. L. *Teoriya i tekhnologiya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti [Theory and technology of cultural and leisure activities]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 466 p.
5. Kostina A. A. *Kul'turologiya [Culturology]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "KnoRus", 2008. 336 p.
6. Bolshakov V. P., Ikonnikova S. N., Borzova E. P., and others *Kul'turologiya [Culturology]*. Moscow, Publishing house "Prospect", 2013. 528 p.
7. Bagdasaryan N. G., ed. *Kul'turologiya [Culturology]*. 6nd edition. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 2010. 638 p.
8. Malygina I. V. *Identichnost' v filosofskoy, sotsial'noy i kul'turnoy antropologii [Identity in philosophical, social and cultural anthropology]*. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Soglasie", 2018. 240 p.
9. Oganov A. A., Khangeldieva I. G. *Teoriya kul'tury [Theory of Culture]*. Moscow, Publishing house "Fair-Press", 2001. 384 p.

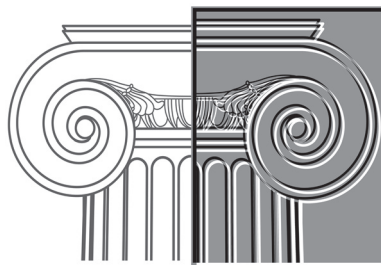
10. Remizov V. A., Sadovskaya V. S. *Kul'turnaya antropologiya [Cultural Anthropology]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 188 p.

11. Rozin V. M. *Myslenie i tvorchestvo [Intellection and creativity]*. Moscow, Publishing house "Per Se", 2006. 358 p.

12. Flier A. Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov [Culturology for Culturologists]*. Moscow, Publishing House "Soglasie", 2010. 672 p.

13. Yaroshenko N. N., Chizhikov V. M. *Mnogofunktsional'nye kul'turnye tsentry v diskurse sovremennoy rossiyskoy kul'tury [Multifunctional cultural centers in the discourse of modern Russian culture]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 160 p.

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА

УДК 371

Т. В. Христидис¹, Е. Н. Федорова²

¹Московский государственный институт культуры

²Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена актуальным проблемам разработки Национальной системы квалификаций в сфере образования Российской Федерации. Анализируются основные тенденции по разработке Национальной рамки квалификаций в сфере образования. Профессиональный стандарт педагога рассматривается в качестве базового инструмента формирования Национальной системы профессионального роста и развития педагога. Необходимость формирования Национальной системы профессионального роста и развития педагога определяется системными изменениями, происходящими в настоящее время в системе образования, а также повышением роли учителя в инновационных процессах, ориентированных на достижение нового качества образования. В соответствии с концепцией формирования Национальной системы профессионального роста учителя предлагается разработать процедуры и критерии единой федеральной оценки на категорию и соответствие должности, а также формы проведения оценки и аттестации.

Ключевые слова: профессиональная педагогическая деятельность, квалификация, трудовая функция, компетенция, профессиональный стандарт, Национальная рамка квалификаций, Национальная система профессионального роста и развития учителя.

ХРИСТИДИС ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KHRISTIDIS TATYANA VITALYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

ФЕДОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского педагогического государственного университета

FEDOROVA ELENA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Moscow State Pedagogical University

e-mail: tahrisk@mail.ru

© Христидис Т. В., Федорова Е. Н., 2018

T. V. Khristidis¹, E. N. Fedorova²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Moscow State Pedagogical University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, M. Pirogovskaya str., 1/1, 119991, Moscow, Russian Federation

PROFESSIONAL STANDARDS
IN EDUCATION AS AN INSTRUMENT
FOR THE FORMATION OF THE NATIONAL SYSTEM
OF TEACHER PROFESSIONAL DEVELOPMENT,
GROWTH AND CAREER

The article is devoted to actual problems of development of National system of qualifications in the sphere of education of the Russian Federation. The article analyzes the main trends in the development of the National Qualifications Framework in the field of education. The professional standard of the teacher is considered as a basic tool for the formation of the National system of teacher professional development, growth and career of the teacher. The need for the formation of a National system of teacher professional development, growth and career of teachers is determined by the systemic changes currently taking place in the education system, and increasing the role of teachers in innovative processes aimed at achieving a new quality of education. In accordance with the concept of the formation of the National system of teacher professional development, growth and career, the teacher is invited to develop procedures and criteria for a unified federal assessment for the category and relevance of the position, as well as the forms of assessment and attestation.

Keywords: professional pedagogical activity, qualification, labor function, competence, professional standard, National Qualifications Framework, the National system of teacher professional development, growth and career.

Для цитирования: Христидис Т. В., Федорова Е. Н. Профессиональные стандарты в сфере образования как инструмент формирования Национальной системы профессионального роста и развития педагога // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 164–172.

Динамика современной жизни, обусловленная глобальными сдвигами и системными изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, включая образование как важнейший социокультурный институт, масштабность задач, стоящих перед современной школой, инновационные стратегии развития образования являются определяющими факторами существенного возрастания роли учителя как носителя педагогической культуры, новых образовательных и педагогических ценностей и смыслов.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [3], Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [5], Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы [4] ставится задача существенного повышения качества образовательной и педагогической деятельности. Их результативность во многом определяет условия повышения инновационной способности общества и пер-

спективы успешного транзита Российской Федерации к цифровому обществу и экономике, основанной на знаниях.

Сказанное выше определяет особую актуальность введения профессиональных стандартов «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [7], «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [8] и формируемой в настоящее время по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина Национальной системы учительского роста (НСУР) [6].

Необходимость формирования Национальной системы профессионального роста и развития педагога определяется изменениями, происходящими в настоящее время в образовании, и повышением роли учителя в инновационных процессах, ориентированных на достижение нового качества образования.

Среди глобальных сдвигов в современном образовании, существенно детерминирующих ценностно-смысловые ориентации, характер и содержание образовательной и педагогической деятельности в первой четверти XXI века, учёные особо выделяют:

- изменение культурного, социального и педагогического смыслов образования, ценностей образовательной деятельности на пересечении двух векторов развития: глобального образовательного пространства и историко-культурного пласта образовательных и педагогических традиций;

- трансформацию ценностно-смыслового содержания детства и, как следствие, изменение его жизненного пространства (не «оградительное детство»,

на «достойное детство», «детство ради детства», «цифровое детство» и т.д.), развитие принципиально иных способов проживания ребёнком, подростком собственного детства;

- поддержку разнообразия детства, сохранение его уникальности и самоценности, уважение личности ребёнка, подростка как основные смыслы образовательной и педагогической деятельности;

- расширение границы образовательного пространства (не только формальное, но и информальное и неформальное образование, ИКТ-технологии, виртуализация образования);

- смену парадигмы целей парадигмой ролей в образовании, что обеспечивает развивающейся личности включение в социокультурное пространство и формирование её социальной мобильности ресурсами образовательной деятельности – так называемый социальный лифт;

- рассмотрение качества образования как важнейшего компонента качества жизни человека и условие успешности личности в современном и будущем мире;

- ориентацию на принципиально иной тип педагогической культуры – содействие в развитии сущностных сил личности ученика как доминирующий принцип в современной теории и практике образования.

Не вызывает сомнения то, что данные системные изменения, происходящие в образовании, формируют принципиально иной контекст профессиональной деятельности учителя, призванного выступить ключевой фигурой в инновационных процессах, определяющих вектор развития от «школы для всех» к «школе для каждого», «школе ответственного будущего».

Данные изменения предполагают необходимость поиска иного содержания и способов профессиональной реализации социокультурной и профессиональной миссии педагога, его профессиональных функций (педагогическое понимание, педагогическая поддержка, педагогическое сопровождение, педагогическое содействие), его профессиональных ролей («тьютор», «модератор», «фасилитатор»). С другой стороны, это обуславливает и качественные изменения в образовательно-педагогическом дискурсе (ценности, смыслы, стратегии взаимодействия субъектов образовательной деятельности).

В какой степени педагог готов ответить на эти новые вызовы в современном образовании?

К большому сожалению, приходится констатировать тот факт, что, несмотря на принятие учительством новых ценностей и смыслов образования, по-прежнему они не стали для педагогов личным достоянием, побудительной силой к эффективной организации образовательной деятельности в изменившихся условиях. Налицо обострившееся противоречие между социальными ожиданиями в отношении школы, личности и профессионализма учителя, с одной стороны, и, с другой, недостаточным потенциалом и низкой инновационной способностью педагога к решению профессиональных задач на новом уровне и в новых условиях.

В связи с этим решение проблемы профессионального роста и развития учителя является одним из стратегических направлений Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы и Федераль-

ной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы.

Проблема формирования Национальной системы профессионального роста учителя тесно увязывается с другой проблемой – введением Профессионального стандарта педагога в рамках Национального плана развития профессиональных стандартов, что определено майскими (2012) указами Президента Российской Федерации.

Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин: «На самом деле это очень важный вопрос для развития экономики, для рынка труда и практически для каждого работника. Профстандарты должны задать чёткие и ясные требования к компетенции специалистов, служить ориентиром для людей, какими знаниями, навыками они должны обладать, чтобы быть востребованными на современном рынке труда. В руках государства система профессиональных стандартов призвана стать одним из главных инструментов модернизации экономики, обеспечения высокого качества жизни людей через достойно оплачиваемый, высокопродуктивный производительный труд. Многие существующие требования к профессиям безнадежно устарели [1]».

Выступая на заседании Государственного совета по вопросам совершенствования системы общего образования 23 декабря 2015 года, Президент Российской Федерации В. В. Путин особо подчеркнул: «Во все времена в основе качественного школьного образования лежала работа учителя. Сегодня требования к этой профессии многократно возрастают. Создание достойной мотивации для учителей, условий для их постоянного самосовершенствования, для повышения квали-

фикации сегодня становятся ключевым фактором развития всей системы общего образования. В этой связи предлагаю создать общенациональную систему профессионального роста учителей [2]».

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 июля 2017 года № 703 был утвержден План мероприятий («дорожная карта») по формированию и введению Национальной системы учительского роста (далее – дорожная карта).

7 июля 2017 года по инициативе Министерства образования и науки Российской Федерации и рабочей группы Ассоциации «Педагог XXI века» стартовало общественное обсуждение нового проекта уровня профессионального стандарта педагога и модели Национальной системы учительского роста.

По словам Е. А. Ямбурга, руководителя группы разработки профессионального стандарта, академика РАО, «мировой опыт показывает, что профессиональные стандарты внедряются, когда люди информированы о его содержании. Они именно тогда воспринимаются профессиональным сообществом, когда само общество принимает участие в их формировании [9]».

Как считают эксперты Ассоциации «Педагог XXI века», профессиональный стандарт призван повысить престиж учительской профессии, стимулировать качественную подготовку педагогов, обеспечив им новые возможности для профессионального роста, а Национальная система учительского роста предусматривает создание единых подходов к аттестации педагогов и внедрению новых дифференцируемых должностей в зависимости от сложности выполняемых задач и сте-

пени ответственности. Оба проекта тесно связаны друг с другом.

С 1 сентября 2017 года модель Национальной системы учительского роста апробируется в тринадцати российских регионах (Республика Адыгея, Республика Кабардино-Балкария, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Татарстан, Хабаровский край, Волгоградская, Курганская, Ленинградская, Московская, Рязанская, Томская, Ярославская области).

Нормативно-правовую базу для разработки Национальной системы учительского роста и Профессионального стандарта педагога составляют:

- Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»;

- Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2013 года № 23 «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов»;

- Приказ Минтруда России от 12 апреля 2013 года № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки профессиональных стандартов»;

- Приказ Министерства труда и социальной защиты России от 29 апреля 2013 года № 170н «Об утверждении методических рекомендаций по разработке профессионального стандарта»;

- Приказ Минтруда России от 24 мая 2013 года № 147н «Об утверждении макета профессионального стандарта»;

- Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2015 года № 122 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона “Об образовании в Рос-

сийской Федерации» (вступил в силу с 1 декабря 2016 года);

- Приказ Министерства образования и науки России от 26 июля 2017 года № 703 «Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») по формированию и введению Национальной системы учительского роста».

Важно отметить, что рассмотрение проблемы разработки и введения профессиональных стандартов и формирования Национальной системы квалификаций в Российской Федерации следует рассматривать с позиций аналогичных процессов, происходящих за рубежом.

Так, например, основными тенденциями государств Европейского Союза в решении аналогичных задач являются:

- переход к единым интегрированным национальным системам профессиональных стандартов и квалификаций;
- разработка образовательных стандартов на основе профессиональных стандартов;
- разработка европейской (Европейская рамка квалификаций) и национальных рамок квалификаций (НРК);
- соотнесение национальных квалификаций с зарубежными;
- использование результатов обучения в качестве связующего звена между образованием и трудовой деятельностью;
- стирание границ между формальным, неформальным и информальным образованием в условиях новой парадигмы общества, основанного на знаниях, и «обучение в течение всей жизни».

Такие международные организации, как Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD), Международная ор-

ганизация труда, МОТ (International Labour Organization, ILO), Европейский союз) используют следующие подходы к определению квалификаций:

- официальное признание о достижении результатов обучения и профессиональной деятельности в соответствии с установленными профессиональными стандартами;
- определение квалификации через результаты обучения и профессиональной деятельности, что способствует формированию различных траекторий профессионального образования, как формального, так и неформального, в рамках которых признаётся и поощряется обучение в течение всей жизни.

В настоящее время в процесс реформирования системы квалификаций вовлечено свыше 155 стран мира. Важно также отметить, что в данном процессе очень активную позицию занимают профессиональные союзы.

Например, данные направления находят своё отражение в документах Европейского Союза, подготовленных при активном участии и по инициативе профсоюза работников образования и определяющих стратегии педагогического образования для XXI века:

- «Green Paper on Teacher Education in Europe: High Quality Teacher Education for High Quality Education and Training»;
- «Common European Principles for Teacher Competences and Qualifications»;
- «Teacher Education in Europe»;
- «Education and Training in Europe 2020» и в других.

В этих документах отражены основные требования к профессиональной подготовке учителя для современной школы Европы:

- высокий профессионализм;
- обучение и профессиональное развитие в течение всей жизни;
- профессиональная мобильность;
- вовлечённость в социальное и профессиональное партнёрство.

Также приводятся конкретные рекомендации по разработке профессиональных стандартов для учителей и руководителей образовательных организаций и оценке их труда.

В соответствии с концепцией формирования Национальной системы профессионального роста учителя предлагается также разработать процедуры и крите-

рии единой федеральной оценки на категорию и соответствие должности, а также формы проведения оценки и аттестации.

Таким образом, российская система образования вступила в сложный и противоречивый процесс формирования Национальной системы профессионального роста учителя. Перед учительством и образовательными организациями страны в ближайшей перспективе стоят задачи введения в сферу образования профессиональных стандартов. В конечном счёте все мероприятия направлены на достижение нового качества образования в Российской Федерации.

Примечания

1. Владимир Путин: «Профстандарты должны стать подлинным ориентиром для системы профессионального образования» [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив : [веб-сайт]. Электрон. дан. 10.12.2013. URL: <http://asi.ru/news/14290> (дата обращения: 20.09.2017).

2. Заседание Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 23.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51001> (дата обращения: 20.09.2017).

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р (в ред. от 10.02.2017) [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/194365/cc6bbc9dc074e334501deca17e478cb8/>

4. О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2015 № 497 [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/71044750/>

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/70643472/>

6. Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») Министерства образования и науки Российской Федерации по формированию и введению национальной системы учительского роста : приказ Минобрнауки России от 26 июля 2017 г. № 703 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 10.08.2017. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/10651>

7. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» : приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н (ред. от 05.08.2016) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы, нормативные и судебные

акты : [веб-сайт]. Электрон. дан. 9.04.2018. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-18102013-n-544n/>

8. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» : приказ Минтруда России от 08.09.2015 N 613н // СКБ Контур : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=260191>

9. Ямбург: профессиональный стандарт даст учителям подход к каждому ученику [Электронный ресурс] // Россия сегодня : [веб-сайт]. Электрон. дан. 12.12.2016. URL: https://ria.ru/sn_edu/20161212/1483372325.html (дата обращения: 20.09.2017).

References

1. Vladimir Putin: “Profstandarty dolzhny stat’ podlinnym oriyehtrom dlya sistemy professional’nogo obrazovaniya” [Vladimir Putin: “Professional standards should become a true guide for the system of vocational education”]. Available at: <http://asi.ru/news/14290> (accessed: 20.09.2017).

2. Zasedanie Gossoveta po voprosam sovershenstvovaniya sistemy obshego obrazovaniya [Meeting of the State Council on the improvement of the general education system]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51001> (accessed: 20.09.2017).

3. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel’sva Rossiyskoy Federatsii ot 17.11.2008 № 1662-r (v red. Ot 10.02.2017) [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020: the order of the Government of the Russian Federation from 17.11.2008 № 1662-r (redaction from 10.02.2017)]. Available at: <http://base.garant.ru/194365/cc6bbc9dc074e334501deca17e478cb8/>

4. O Federal’noy tselevoy programme razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody : postanovleniye Pravitel’sva Rossiyskoy Federatsii ot 23.05.2015 № 497 [On the Federal Targeted Program for the Development of Education for 2016–2020: Decree of the Government of the Russian Federation No. 497 from May 23, 2015]. Available at: <http://base.garant.ru/71044750/>

5. Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii “Razvitiye obrazovaniya” na 2013–2020 gody : postanovlenie Pravitel’sva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g. № 295 [On the approval of the State Program of the Russian Federation “Development of Education” for 2013–2020: Decree of the Government of the Russian Federation from April 15, 2014 No. 295]. Available at: <http://base.garant.ru/70643472/>

6. Ob utverzhdenii Plana meropriyatiy (“dorozhnoy karty”) Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii po formirovaniyu i vvedeniyu natsional’noy sistemy uchitel’skogo rosta : prikaz Minobrnauki Rossii ot 26 iyulya 2017 g. № 70 [On the approval of the Action Plan (“road map”) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the formation and introduction of the national system of teacher growth: the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from July 26, 2017. No. 70]. Available at: <https://минобрнауки.рф/документы/10651>

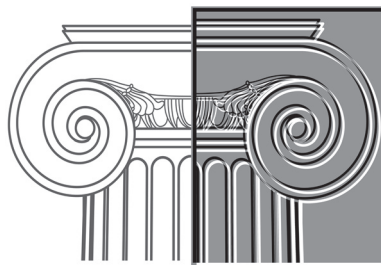
7. Ob utverzhdenii professional’nogo standarta “Pedagog (pedagogicheskaya deyatel’nost’ v sfere doskol’nogo, nachal’nogo obshego, osnovnogo obshego, srednego obshego obrazovaniya) (vospitatel’, uchitel’)” : prikaz Mintruda Rossii ot 18.10.2013 N 544n (red. ot 05.08.2016) [On the approval of the professional standard “Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)” : the order of the Ministry of Labor and Social Protection of Russian Federation from 18.10.2013 N 544n (redaction from 05.08.2016)]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-18102013-n-544n/>

8. *Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Pedagog dopolnitel'nogo obrazovaniya detey i vzroslykh": prikaz Mintruda Rossii ot 08.09.2015 N 613n* [On the approval of the professional standard "Teacher of additional education for children and adults": the order of the Ministry of Labor and Social Protection of Russian Federation from 08.09.2015 N 613n]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=260191>

9. *Yamburg: professional'nyy standart dast uchitelyam podkhod k kazhdomu ucheniku* [Yamburg: a professional standard will give teachers an approach to each student]. Available at: https://ria.ru/sn_edu/20161212/1483372325.html (accessed: 20.09.2017).

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СРЕДОВОЙ ПОДХОД В ЭТНОПЕДАГОГИКЕ

УДК 37.01:39

Е. А. Меньшикова

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена необходимости формирования содержания образовательной среды детей, используя средства этнопедагогики. Автор акцентирует внимание на важности изучения народной художественной культуры на современном этапе, в том числе используя приёмы этнопедагогики и народной педагогики. Рассматривая различные определения этнопедагогики, средового подхода и среды, автор показывает, что среда всегда являлась особо значимой частью народной педагогики, она учила и воспитывала детей. Образовательная среда, использующая изделия народных художественных промыслов, позволит повысить познавательный интерес детей к народной художественной культуре, что поможет ребёнку принять духовные ценности многонационального российского общества.

Ключевые слова: этнопедагогика, среда, средовой подход, народная педагогика, народные художественные промыслы (НХП) в образовании, проект «Азбука народной культуры».

E. A. Menshikova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

ENVIRONMENTAL APPROACH IN THE ETHNOPEDAGOGICS

The article is devoted to the necessity of forming the children educational environment content, among them the tool of ethnopedagogics. The author focuses on the importance of studying folk art culture at the present stage, using the methods of ethnopedagogics and folk pedagogy. The author considers various definitions of ethnopedagogics, environmental approach and environment. The author shows that the environment has always been an important part of folk pedagogy, which taught and raised children. Educational environment that uses the products of folk handicrafts, will form a cognitive interest of children to folk arts and culture. The child who learn it can get the multinational Russian society spiritual values.

Keywords: ethnopedagogy, environment, environmental approach, folk pedagogy, folk handicrafts in education, Project “Folk culture alphabet”.

МЕНЬШИКОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА – магистрант кафедры народной художественной культуры и декоративно-прикладного искусства факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, заместитель Председателя Правления Ассоциации «Народные художественные промыслы России»

MENSHIKOVA EKATERINA ANDREEVNA – graduate student of the Department of Folk Art Culture and Decorative and Applied Arts, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture, Deputy Chairman of the Board of the Association “National Art Crafts of Russia”

e-mail: menshikova.nkhp@gmail.com

© Меньшикова Е. А., 2018

Для цитирования: Меньшикова Е. А. Средовой подход в этнопедагогике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 174–180.

В российском образовании в последние десятилетия применяется большое число разнообразных подходов к формированию личности ребёнка, к его развитию. Классические подходы, такие как системный, сущностный, деятельный, претерпели изменения, были дополнены. Большое внимание уделяется компетенциям и навыкам, которые будут нужны ребёнку в XXI веке. Это так называемые 4К – критическое мышление, креативность, коммуникация, кооперация, которые развивает американское Партнёрство по поддержке навыков 21 века («P21»). В текущие ФГОС НОО и ФГОС ОО включены метапредметные и личностные результаты школьников, которые, по сути, отражают некоторые компетенции XXI века.

С одной стороны, во ФГОС НОО [6] заявлено, что при получении начального общего образования осуществляется духовно-нравственное развитие детей и принятие ими моральных и нравственных норм и ценностей. В первом пункте в личностных результатах обучающего указывается, что у ребёнка должно сформироваться осознание своей этнической и национальной принадлежности, ценности многонационального российского общества. С другой стороны, в учебном плане не предусматривается отдельного предмета, на котором бы дети изучали народную художественную культуру, или предметы, куда бы составной частью входила народная художественная культура. А данное направление, по нашему мнению, содержит в себе квинтэссенцию духовных и нравственных ценностей России, в народной художественной культу-

ре заложены основы для развития в ребёнке любви и гордости за свою Родину. Не случайно Г. Н. Волков отмечает: «Народ в наиболее чистом виде представляют дети. Когда национальное умирает в детях, то это означает начало смерти нации. При наличии гармонии между национальным и интернациональным чем больше национального в воспитании, тем сильнее, культурнее, духовно богаче нация [2, с. 32]». Но как можно сформировать гражданскую идентичность, если у ребёнка нет простых ценностных ориентиров – что есть хорошо и что есть плохо?

Именно здесь на помощь приходит народная педагогика. В народной педагогике воспитание ребёнка не выделяли в отдельный процесс, его включали в повседневную жизнь, где исподволь и передавали знания об окружающем мире и обществе, о взаимодействии живой и неживой природы, о добре и зле, о добродетелях и несправедливости. Как известно, многие великие педагоги не раз искали средства и методы воспитания в народной педагогике. Так, Я. А. Коменский использовал народные афоризмы при формулировании дидактических правил и элементов дидактических положений.

Константин Дмитриевич Ушинский в своей статье «О народности в общественном воспитании» писал: «В основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития. Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания вос-

произведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы [11]», и далее: «есть одна только общая для всех прирождённая склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь даёт воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми склонностями. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдёт ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкоренённой страхом наказаний. Вот основание того убеждения, которое мы высказали выше, что воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным [11]».

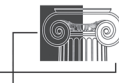
О народной педагогике стали писать ещё в XVII веке, а становление её как объекта научного изучения происходит во второй половине XX века, в том числе в работах Г. Н. Волкова «Этнопедагогика» и «Чувашская народная педагогика».

Г. Н. Волков считал: «Этнопедагогика изучает процесс социального взаимодействия и общественно-народного воздействия, в ходе которого воспитывается, развивается личность, усваивающая социальные нормы, ценности, опыт, собирает и систематизирует народные знания о воспитании и обучении детей, народную мудрость, отражённую в религи-

озных учениях, сказках, сказаниях, былинах, притчах, песнях, загадках, пословицах, играх, игрушках и прочем, в семейном и общинном укладе жизни, быте, традициях, а также философско-этические, собственно педагогические мысли и воззрения, то есть весь педагогический потенциал, совокупный опыт историко-культурного формирования личности [2, с. 32]».

По мнению А. Н. Бережновой, этнопедагогика – это наука, изучающая эмпирический опыт этнических групп в области воспитания и образования детей, морально-этнические воззрения на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации. Она включает в себя специфическое видение мира, особое состояние сознания (этнопедагогическое представление), особым образом организованную деятельность, стереотипы поведения, особую традиционную систему воспитания. А предметом этнопедагогики считают воспитательный процесс [1]. С этим соглашается и Э. Р. Хакимов, который считает, что объектом этой сферы науки является образовательный процесс. Предметом в этом случае при исследовании являются как чётко целенаправленные, так и стихийные процессы освоения этнопедагогических знаний [12].

Народная педагогика большое внимание уделяла моральным нормам и этическим принципам в повседневной жизни. Ребёнок воспитывался в среде, где было уважительное отношение к старшим, где ценились справедливость и верность, почитался труд и презрительно относились к бездельникам, воспитывалось бесстрашие перед врагами и готовность помочь друзьям. Произведения устного народного творчества донесли до нас те требова-

ния, которые были заложены в них, способности и приёмы обучения и воспитания.

О влиянии среды на образовательный процесс было известно в народном образовании издревле. Конечно, сами понятия «среда» или «образовательный процесс» не использовались, но значимость предметов, которые окружают ребёнка, находят отражение в пословицах и поговорках. Большое место отводилось играм. Какие игрушки делали для детей и сами дети! Как проигрывались важнейшие события в жизни людей, будь то «дочки-матери», свадьба или «войнушка»! «Юн – с игрушками, а стар – с подушками», «в игре да в попутье людей узнают», «ученую время – игре час», «землю пахать – не в бабки играть». Малые формы устного народного творчества указывают на качество и сущность вещей, они должны быть функциональны. «Не всё то золото, что блестит», «Снаружи смотрится мило, а внутри всё сгнило», «Не на внешность, а по делам рассматривай», «Дела не в самом названии, а в исходном содержании», «Снаружи всё красиво, а внутри пусто».

Педагогическое сообщество точно так же много внимания уделяет окружению, в котором воспитывается ребёнок. Например, по мнению доктора педагогических наук Ю. С. Мануйлова, «деятельностно-опосредованное управление развитием ребёнка неэффективно, если среда затрудняет саму деятельность. Воспитательная система даёт сбой и даже разрушается, если она входит в противоречие со средой. Личностный, индивидуальный и прочие подходы теряют или утрачивают свою силу, если не берётся в расчёт социокультурный и природный контекст развития ребёнка. Данное обстоя-

тельство принимается во внимание существующими в воспитании подходами, нуждающимися в благоприятной среде для реализации своего потенциала [5]». Ю. С. Мануйлов ввёл понятие «среда», разработал средовой подход в образовании, описал, как среда формирует и развивает учащегося.

Современное педагогическое сообщество единогласно сходится во мнении, что среда учит и воспитывает учащихся. Ключевым же вопросом, на наш взгляд, должен стать вопрос о содержании образовательной среды. Именно окружающее исподволь прививает ребёнку основные духовно-этические нормы. В сложное время становления СССР А. С. Макаренко писал: «Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта [4]». Так и на современном этапе развития Российского государства педагогическому сообществу необходимо сформировать содержание образовательной среды подрастающего поколения.

Не случайно в последние годы Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно указывал на необходимость «передачи от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения [7]». А в Перечне Поручений № Пр-912 от 7 мая 2017 года в пункте в) [9] Президент непосредственно указал на необходимость сохранения, возрождения и развития на-

родных художественных промыслов и, что особенно важно, на необходимость использования изделий народных художественных промыслов в программах дополнительного образования и воспитания детей, что и было зафиксировано в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2017 года № 2800-р п. 33 [10].

Ассоциация «Народные художественные промыслы России» разработала образовательный проект «Азбука народной культуры» для детей дошкольного и младшего школьного возраста, в котором одну из ключевых ролей играет образовательная среда «Класс народных промыслов». «Класс народных промыслов» включает в себя образцы предметов народных художественных промыслов, изделия Хохломы, Жостово, Гжели, богородские деревянные, дымковские глиняные игрушки и многое другое.

Образовательная среда разработана с учётом возраста ребёнка. Для детского сада используются предметы и игрушки, которые могут быть использованы ребёнком во время игры или творческих заня-

тий. Например, обыгрывая сказку «Маша и Медведь», педагог предлагает ребёнку использовать настоящий берестяной короб. А рассказывая сказку о Колобке, дети играют в набор богородских игрушек (Дед, Бабка и Колобок, Колобок и Заяц, Колобок и Волк, Колобок и Медведь, Колобок и Лиса) [8]. Для школы «Класс народных промыслов» уже включает в себя все виды производств промыслов [3].

Окружая ребёнка изделиями народных художественных промыслов, в которых заложены базовые принципы народной педагогики, учитель развивает познавательный интерес детей к народной художественной культуре, а через неё формирует гражданскую идентичность и ценностные ориентиры. Народное творчество, содержащее примеры бескорыстного и самоотверженного служения Родине, нашедшее в том числе отражение и в предметах промыслов, может и должно быть включено в основное и дополнительное образование детей как элемент духовных ценностей и национальной идентичности страны.

Примечания

1. *Бережнова А. Н., Набок И. А., Щеглов В. И.* Этнопедагогика : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100 «Педагогическое образование». 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Академия, 2013. 232 с.

2. *Волков Г. Н.* Этнопедагогика : учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. Москва : Academia, 1999. 168 с.

3. *Лыкова И. А.* Азбука народной культуры : Система занятий для детей 3–4 лет / Ассоциация «Народные художественные промыслы России». Москва : Цветной мир, 2017.

4. *Макаренко А. С.* Воля, мужество, целеустремленность // Педагогические сочинения : в 8 томах / редкол. М. И. Кондаков и др. ; Академия педагогических наук СССР. Москва : Педагогика, 1983–1986. Том 4. Москва : Педагогика, 1984.

5. *Мануйлов Ю. С.* Средовой подход в воспитании : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.01 / Мануйлов Юрий Степанович. Москва, 1997. 193 с.

6. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Министерства образова-

ния и науки от 6 октября 2009 г. № 373 (в ред. приказов Минобрнауки России от 26.11.2010 № 1241, от 22.09.2011 № 2357) [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/197127/>

7. Об утверждении Основ государственной культурной политики : указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/70828330/>

8. Об утверждении Перечня видов производств и групп изделий народных художественных промыслов, в соответствии с которым осуществляется отнесение изделий к изделиям народных художественных промыслов : приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 15 апреля 2009 г. N 274 [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. 28 октября 2009 года. URL: <http://base.garant.ru/12167277/>

9. Перечень поручений по итогам встречи с представителями деловых организаций Новгородской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 10 мая 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/54474>

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.12.2017 г. № 2800-р [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://government.ru/docs/all/114531/>

11. Ушинский К. Д. Русская школа / [сост., предисл., коммент. В. О. Гусаковой]. Москва : Институт русской цивилизации, 2015. 678 с.

12. Хакимов Э. Р. Этнопедагогика как наука: предмет, функции, основные категории // Вестник удмуртского университета. 2007. № 9. С. 39–51.

References

1. Berezhnova L. N., Nabok I. L., Shcheglov V. I. *Etnopedagogika [Ethnopedagogy]*. Moscow, Publishing house «Academia», 2013. 232 p.

2. Volkov G. N. *Etnopedagogika [Ethnopedagogy]*. Moscow, Publishing house «Academia», 1999. 168 p.

3. Lykova I. A. *Azbuka narodnoy kul'tury: Sistema zanyatiy dlya detey 3–4 let [ABC of Folk Culture: The system of classes for children 3–4 years old]*. Moscow, Published by Association «National art crafts of Russia», 2017.

4. Makarenko A. S. Volya, muzhestvo, tselestremennost' [Will, courage, purposefulness]. *Pedagogicheskie sochineniya, 8 tomakh. Tom 4 [Pedagogical compositions, in 8 volumes. Vol. 4]*. Moscow, Publishing House «Pedagogy», 1984.

5. Manuylov Yu. S. *Sredovoy podkhod v vospitanii. Diss. dok. ped. nauk [Harmonized approach to education. Dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 1997. 193 p.

6. *Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki ot 6 oktyabrya 2009 g. № 373 (v red. prikazov Minobrnauki Rossii ot 26.11.2010 № 1241, ot 22.09.2011 № 2357) [On the approval and enactment of the federal state educational standard of primary general education: the order of the Ministry of Education and Science of Russian Federation from October 6, 2009, No. 373 (in the edition of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1241 from November 26, 2010, No. 2357 from 22.09.2011)]*. Available at: <http://base.garant.ru/197127/>

7. *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki: ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 [On the approval of the Fundamentals of State Cultural Policy: Presidential Decree of December 24, 2014 No. 808]*. Available at: <http://base.garant.ru/70828330/>

8. *Ob utverzhdenii Perechnya vidov proizvodstv i grupp izdeliy narodnykh khudozhestvennykh promyslov, v sootvetstvii s kotorym osushchestvlyayetsya otneseniye izdeliy k izdeliyam narodnykh khudozhestvennykh promyslov: prikaz Ministerstva promyshlennosti i torgovli RF ot 15 aprelya 2009 g. N 274* [On the approval of the List of types of productions and groups of items of folk art crafts, according to which the goods are classified as items of folk art crafts: the order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation from April 15, 2009 No. 274]. Available at: <http://base.garant.ru/12167277/>

9. *Perechen' porucheniy po itogam vstrechi s predstavitel'yami delovykh organizatsiy Novgorodskoy oblasti* [List of instructions on the results of the meeting with representatives of business organizations of the Novgorod Region]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/54474>

10. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14.12.2017 g. № 2800-r* [Order of the Government of the Russian Federation from December 14, 2017 No. 2800-r]. Available at: <http://government.ru/docs/all/114531/>

11. Ushinsky K.D. *Russkaya shkola* [Russian school]. Moscow, Published by Institute of Russian Civilization, 2015. 678 p.

12. Khakimov E. R. *Etnopedagogika kak nauka: predmet, funktsii, osnovnye kategorii* [Ethnopedagogy as a science: subject, functions, main categories]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta* [The Bulletin of Udmurt University]. 2007, no. 9, pp. 39–51.

*

EVENT-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

УДК 316.7:37

В. А. Литвиненко, И. А. Герасимова

Московский государственный институт культуры

В статье анализируются современные условия развития культурных индустрий, отражается содержание понятия «творческие индустрии». Дана классификация составляющих event-технологий в качестве инструментов комплексного развития креативных территорий, способствующих решению управленческих задач, формированию позитивного имиджа, поддерживающих конкурентоспособность производителя на рынке культурных услуг. Приводятся примеры функционирования институтов кластерной культуры в качестве площадок, где уже применяются инновационные технологии организации социально-культурной деятельности. Рассматривается сущностная характеристика event-технологий как особого механизма организации социально-культурных событий и мероприятий в современных условиях развития креативной индустрии города. Проведённое исследование демонстрирует важность развития качества культурного продукта в пространстве городской среды посредством использования event-технологий.

Ключевые слова: event-технологии, event-менеджмент, креативные индустрии, социально-культурная деятельность, творческие кластеры.

V. A. Litvinenko, I. A. Gerasimova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

EVENT-TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND CULTURAL PROJECTS IN THE CREATIVE INDUSTRY

The article analyzes the current conditions for the development of cultural industries, reflects the content of the concepts of “creative industries”. Classification of components of event-technologies

¹ЛИТВИНЕНКО ВАЛЕРИЯ АЛЕКСЕЕВНА – магистрант кафедры социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LITVINENKO VALERIYA ALEKSEEVNA – graduate student of the Department of social and cultural activities, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

²ГЕРАСИМОВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

GERASIMOVA IRINA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of social and cultural activities, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

e-mail: litvinenkova95@mail.ru¹, gerasimova-ira@mail.ru²

© Литвиненко В. А., Герасимова И. А., 2018

as tools of complex development of the creative territories promoting to solve managerial tasks, to form positive image, to support competitiveness of the producer in the market of cultural services is given. Examples of the functioning of the institutions of the cluster of culture as sites where already applied innovative technologies of the organization of socio-cultural activities. The article considers the essential characteristic of event-technologies as a special mechanism of organizing social and cultural events and events in the modern conditions of development of the creative industry of the city. The study demonstrates the importance of the development of the quality of cultural product in the urban environment through the use of event-technologies.

Keywords: event technologies, event management, creative industries, social and cultural activities, creative clusters.

Для цитирования: Литвиненко В. А., Герасимова И. А. Event-технологии как инструмент реализации социально-культурных проектов в креативных индустриях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 181–192.

По результатам исследований Агентства «Творческие индустрии», инвестиционный потенциал рынка творческих индустрий в России за последние годы увеличился в несколько раз, что свидетельствует о нарастающем интересе к культуре, развитию культурного потенциала, расширению спектра социально-культурных услуг, эффективному взаимодействию учреждений культуры и бизнеса, формированию нового облика городского пространства.

Начиная с 2008 года, поиск альтернативных вариантов развития экономики городов, расширение инвестиционного потенциала рынка заставили всерьёз заняться разработкой таких понятий, как творческие индустрии, креативная экономика, креативные индустрии, творческие кластеры, инновационные территории. Следует заметить, что многие города мира (Мадрид, Монреаль, Стокгольм, Хельсинки, Париж, Лондон, Берлин, Цюрих, Сидней, Нью-Йорк, Шанхай, Гонконг и т.д.) раньше начали уделять внимание развитию творческих индустрий в целях создания благоприятных условий для самореализации, развития творческого потенциала талантливой молодёжи.

По данным исследований, объём основных отраслей, базирующихся на авторском праве, являющемся ядром творческих индустрий, в экспорте России составляет всего 0,49% (по сравнению, например, с 18,29% в Китае, 8,35% в Италии, 7,61% в США, 5,67% в Великобритании). Соответственно, о креативном пространстве, творческих индустриях в России как о развитой инфраструктуре мы пока не можем говорить, но мы становимся свидетелями инициатив со стороны региональных органов власти, некоммерческого партнёрства, малого бизнеса, социальных институтов, оказывающих влияние на развитие кластерной культуры [12, с. 52].

Проведя контент-анализ информационных ресурсов, мы можем констатировать, что наиболее интенсивно развиваются креативные кластеры в таких крупных городах, как Санкт-Петербург, Москва, а также в Ульяновске, Краснодарском и Красноярском крае, на Урале, которые в целом очень похожи между собой и представляют собой арт-пространство, связанное с деятельностью в области современного искусства (архитектуры, хореографии, дизайна, живописи, фотографии, исполнительского искусства, де-

коративно-прикладного искусства, кино и т.п.) [7, с. 57].

Необходимо обратить внимание на то, что креативные индустрии синтезируют в своём пространстве сферы культуры, экономики и социальной политики. Соединение свободного поиска художников, прагматической инициативы бизнеса, государственного и регионального управления позволяет сформировать положительное отношение к производству культурного продукта сразу у всех субъектов социально-культурных отношений.

Очень важным аспектом при создании и реализации творческих проектов в креативных индустриях является ориентация на личность, возможность влиять на духовно-нравственную составляющую, творческий потенциал, самовыражение, саморазвитие, красоту восприятия, социальную ответственность, активность. Корпоративные компании, напротив, ориентируются на экономическую или имиджевую выгоду, в свою очередь, управленцы государственной сферы ориентируются на ценности укрепления и развития нации, страны, территории [7, с. 10].

На сегодняшний день в российском обществе креативные индустрии играют всё более заметную роль, без них невозможно представить развитие городов, реализацию новых социально-культурных проектов, насыщенный и качественный досуг, отвечающий запросам различных групп населения. Трудно переоценить значение креативных индустрий в решении целого спектра экономических, социально-культурных, коммуникативных и адаптационных проблем. Надо сказать о том, что творчество преобразуется в активную, заинтересованную, разноплановую деятельность и становится залогом

конкурентоспособности. Следовательно, для реализации социально-культурных проектов в рамках творческих индустрий актуальными становятся три проблемы: недостаточно высокий уровень привлекательности культурных институтов для творческих личностей, неготовность многих учреждений культуры к деятельности по законам бизнеса, недостаточность внедрения в социально-культурные программы вопросов развития территорий творческими инициативами [2, с. 106].

«Креативна экономика», «культурные», «творческие» или «креативные индустрии» пока воспринимаются в России большинством людей как достаточно новое направление. Вопросы развития креативного сектора экономики рассматривали в своих работах Ч. Лэндри, А. Рубинштейн, А. А. Гончарик, М. Б. Гнедовский, Е. В. Зеленцова, В. Н. Княгин, А. С. Лавриненко, М. В. Матецкая, Е. Х. Мельвиль, Н. Г. Федотова.

Для понимания сущности культурных индустрий рассмотрим несколько точек зрения на этот вопрос.

А. Р. Зотова считает, что это такие виды культурной деятельности, которые не требуют общественного финансирования, являются коммерческими и способствуют улучшению благосостояния населения, это все виды культурной деятельности, которые направлены на выпуск культурной продукции и оказание услуг и связаны с массовым потреблением [8].

А. Я. Флиер под культурными индустриями понимает не только художественное производство, но и социальное производство, осуществляемое методами массового тиражирования, с помощью деятельности культуротворческих институтов. Следует отметить, что А. Я. Фли-

ер разделяет такие понятия, как «культурное творчество» и «культурные индустрии», отмечая, что основными функциями культурных индустрий выступают массовость и стандартизированность, а целью индустрии является интеграция и стабилизация социальных аутсайдеров и обеспечение их потребительской продукцией, определяющей и стимулирующей стандартные формы их социальной адекватности и культурной лояльности. Между тем творчество работает на цели социальной дифференциации общества, выделение социальных лидеров и обеспечение их престижной, эксклюзивной потребительской продукцией [13].

Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Европейский союз в своих документах тоже разделили понятия «культурные индустрии» и «креативные индустрии». Они считают, что «культурные индустрии» – это отрасль, производящая и распространяющая товары и услуги, формирующие определённые культурные ценности, выполняющие социально значимую функцию в таких отраслях, как исполнительское, изобразительное искусство, культурное наследие, кино, телевидение, радио, видеоигры, новые медиа, издательства.

Современные практики, в частности А. С. Лавриненко, Н. Г. Федотова, понимают под «креативными индустриями» такие виды деятельности, которые основаны на индивидуальном творческом начале, таланте, определённых навыках и умениях, инициативности, управленческих качествах. Эти и другие составляющие способствуют появлению новых форм работы, получению добавленной стоимости и созданию рабочих мест путём про-

изводства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Это означает, что креативные индустрии основываются на творческих способностях людей, которые совместно с менеджерами и технологами создают культурный продукт. Следовательно, при создании творческого продукта специалист стремится выйти за рамки творчества ради творчества, чтобы его «переживания» не только увидели и оценили, но и принесли коммерческую выгоду.

Общая идея состоит в том, что множество независимых небольших творческих компаний компактно размещены в определённом районе города, где благодаря этому создаётся своеобразная и весьма привлекательная творческая среда и необычная атмосфера. В частности, благодаря такому соседству возникают условия для взаимодействия и сотрудничества между творческими предпринимателями. В некоторых городах эти «творческие кварталы», которые являются зоной не только творческого производства, но и потребления, уже соперничают по популярности с «официальным» городским центром [4].

Анализируя изложенную выше информацию, можно констатировать, что креативные индустрии основываются на творческой деятельности, направленной на создание новых (традиционных или отклоняющихся от традиционных идей) материальных и духовных ценностей, следовательно, можно поставить знак равенства между креативом и творчеством.

Как особый сектор экономики креативные индустрии выступают определённым типом социально-культурных практик, интегрирующей доминантой в которых выступает творческая, культурная

компонента [7, с. 12]. Составляющими креативных индустрий является *проектная работа*, которая позволяет расширять возможности социально-культурных объектов, *поиск творческих инициатив*, который открывает возможности роста и развития как для производителя, так и для потребителя культурного продукта, *позиционирование* в актуальных форматах, предоставляющее возможности для формирования позитивного имиджа, *инструменты поддержки* для посредничества между сообществом творческих предпринимателей или производителей, городскими властями и посетителями.

Поскольку ключевым звеном такого рода экономики являются сами жители, то необходимы проекты, привлекающие внимание горожан, стимулирующие их к проявлению активности и предложению новых идей. Креативный сектор, направленный на предоставление социально-культурных услуг, способен инициировать синергичную деятельность учреждений культуры, коммерческих организаций и кластеров с личностью.

Необходимо обратить внимание на то, что специфика креативных индустрий заключена в интеграции социально-культурной сферы (организация многофункциональных площадок, реализация мероприятий, создание креативных проектов, освоение городского пространства и т.д.) и коммерческой деятельности (развитие малого и среднего бизнеса, создание уникального продукта, объединение конкурентоспособных сотрудников, децентрализация культурных институтов, поиск путей для удешевления себестоимости производства и т.п.).

Соответственно, основной задачей культурных организаций является созда-

ние и реализация творческого продукта: книги, фильма, сувенира, и в результате подобной деятельности происходит коммерциализация идеи, что и приносит определённую прибыль.

По инициативе Департамента культуры г. Москвы в 2013 году был создан Центр поддержки социокультурных проектных инициатив, который на сегодняшний день реализует следующие направления деятельности: первое – развитие творческого предпринимательства с помощью системы поддержки стартапов, второе – привлечение творческих предпринимателей к деловому сотрудничеству с культурными институтами города. В результате создаются условия, появляются возможности для интеллектуальной активности населения. Основными задачами центра стали: преодоление разрыва между существующей культурной инфраструктурой и культурными потребностями жителей, создание новых рабочих мест, поддержка и содействие творческой самореализации жителей города [8].

Современный подход к креативным индустриям позволяет создать условия для самореализации, развития творческого потенциала человека (создание или разработка собственного проекта), формирует у граждан стремление к самостоятельному участию в жизни общества и государства, к удовлетворению различных социальных и культурных потребностей и интересов. Важной составляющей креативных индустрий является появление лидеров в области культуры, творчества, менеджмента; возникновение гражданских инициатив и других форм социальной активности.

Производство и потребление результатов творческого труда становятся зве-

нями одной цепи, и это открывает новые перспективы потребления и производства культурного продукта, поскольку может влиять на лояльность и заинтересованность человека в деятельности культурных организаций. У жителя есть возможность развиваться в творческой среде в условиях «дефицита желаний», который обусловлен перенасыщенностью рынка и усталостью людей от массовости и отчужденности товаров и услуг, поэтому работа креативных индустрий становится весьма актуальной [1].

Высокий уровень конкуренции обязывает производителей культурных услуг внимательнее относиться к процессу создания своего продукта. Качество услуги, обусловленное обратной связью с потребителем, учётом его изменяющихся потребностей, расширением партнёрских отношений, возможностями ресурсной базы организатора, становится вопросом первостепенной важности. В связи с вышеперечисленными требованиями многие учреждения культуры, как государственного, так и коммерческого сектора, стали активно использовать event-технологии при организации социально-культурных мероприятий.

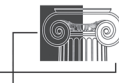
Востребованность event-технологий, применяемых в креативных индустриях, формировалась с ростом корпоративного сектора. Растущим компаниям требовались услуги для организации деловых конференций, выставок, корпоративных праздников, мастер-классов, лекторий, культурно-образовательных форумов. Логистика этих мероприятий, поиск поставщиков, организация проектной группы не всегда были выполнимой задачей для корпоративных активистов, что позволило профессионалам в данной обла-

сти выделиться в отдельное направление бизнеса.

Начиная с 2000-х годов, интерес к событийному маркетингу в России стал активно расти, при этом основным контекстом явления стали мероприятия, приуроченные к празднованию различных дат: свадеб, юбилеев и подобных мероприятий, реализация которых потребовала объединения работников творческих профессий. Многие организации, ранее ассоциировавшие себя с пиаром и созданием праздников, переименовались в агентства событийного маркетинга. Появилась реальная возможность выделения отдельной индустрии, основанной на организации специальных событий как во внешней, так и во внутренней корпоративной среде [11].

В соответствии с вышесказанным считаем, что именно государственные бюджетные учреждения культуры должны заботиться о расширении своей аудитории, о развитии внешних и внутренних связей, позиционировании результатов своей деятельности на рынке культурных услуг; осуществлять деятельность по управлению социально-культурными проектами в современных форматах.

Внедрение инноваций event-технологий в креативную индустрию создаёт условия, обеспечивающие социально-культурным проектам выход на новый уровень презентации материалов (товаров, услуг), транслирования ценностей, привлечения партнёров и спонсоров. В соответствии с этим многие учреждения культуры изменяют стратегию развития и продвижения товаров и услуг, переориентируя цель от финансового благополучия к развитию «творческого интеллекта, способностей порождать новые идеи [6]».

Использование event-технологий в процессе организации социально-культурной деятельности решает проблему комплексного производства культурного продукта: *организационная* составляющая предполагает реализацию основных функций менеджмента и позволяет учитывать все аспекты подготовки и реализации проектов, *тематическая* – определяет содержание и форму будущего мероприятия, исходя из характеристик целевой аудитории, её потребностей и желаний, *технологическая* – обеспечивает участникам комфорт на площадке, *коммуникативная* – способствует установлению и развитию внутренних и внешних коммуникаций.

Существует достаточно много факторов, способствующих развитию креативных индустрий, некоторые из них перечислим: во-первых, квалифицированные, творчески мыслящие, художественно одарённые люди, способные создать совместно с менеджерами и технологами востребованный культурный продукт и предоставить разнообразный спектр услуг; во-вторых, знание потребностей, интересов, временных и материальных возможностей каждого человека отдельно или социальной группы; в-третьих, умение позиционировать и продвигать продукт или услуги, обладающие экономической ценностью, заключённой в их «интеллектуальных» свойствах.

Для подтверждения вышесказанного рассмотрим творческие кластеры в качестве одного из направлений, которое было создано и реализовано с помощью креативных индустрий. Творческий кластер (креативное пространство) – место проведения культурного досуга с коммерческими функциями, размещённое в пер-

воначально не предназначенном для этого здании (обычно здании промышленного назначения) [5].

Обновлённые пространства бывших фабрик, промышленных зданий и офисов, превращённые руками молодых творческих предпринимателей в многофункциональные площадки для работы, проведения выставок, лекций, мастер-классов и других образовательных и культурных мероприятий, формируют определённые условия для развития бизнес- и социальной среды, предоставляя власти возможности создавать многофункциональные коммуникации с населением.

В работе Н. Г. Федотовой «Креативные индустрии (Creative industries): теория и практика» упоминается сразу несколько московских кластеров: «Artplay», «Фабрика», «Винзавод», «АРТСтрелка». Территории анализируются с точки зрения инфраструктуры, видов деятельности и типов проводимых мероприятий. Данная информация даёт представление о специфике каждого кластера, формах работы, предоставляемых услугах, совместных проектах, социально-культурных мероприятиях.

Кластер «Artplay» выступает сосредоточением профессиональной деятельности людей, связанных со сферой дизайна. В данном учреждении функционируют школы и студии, университет и зоны коворкинга. «Винзавод» открылся как центр современного искусства с дополнительными выставочными пространствами и площадями под аренду. Центр творческих индустрий «Фабрика» представляет собой театрально-музыкальную площадку, где молодые коллективы могут реализовать свои идеи, проекты. Институт «АРТСтрелка» стал специализироваться

на встречах и лекциях. Центр современной культуры «Гараж» – на выставочных проектах [12].

Результаты социально-культурного исследования «Проблемы и барьеры развития творческих индустрий Москвы»¹, проведённого в 2014 году сотрудниками Высшей школы экономики, позволили сделать следующие выводы: во-первых, перечисленные выше творческие кластеры – это площадки, способствующие интеграции творческого потенциала человека (группы людей) и экономической составляющей района (города); во-вторых, это место, где созданы условия для проявления гражданской инициативы, включённости жителей района в творческий процесс; в-третьих, происходит «оживление» спальных районов, заброшенных территорий и расширение спектра социально-культурных услуг.

Таким образом, как мы видим, использование event-технологий в деятельности кластеров позволило повысить качество предоставляемых услуг, способствовало решению управленческих проблем, расширило потребительскую аудиторию, сформировало позитивный имидж территорий и предоставило возможность конкурировать на рынке культурных индустрий. В дизайн-заводе «Флакон» активно используются социально-культурные формы работы с различными группами населения, в частности, с молодёжью: фестивали, ярмарки, базары, студийные выступления и вечера импровизации, тематические «квартирники», квесты, стендап-конференции.

¹ Исследование проведено в рамках проекта НИУ ВШЭ «Анализ российских и международных практик поддержки творческих индустрий и разработка практических моделей для г. Москвы» по заказу ГБУК г. Москвы «МосАРТ».

Учёт потребностей и интересов молодого поколения, ориентированного на саморазвитие, самообразование, самоопределение, позволяет этим учреждениям использовать культурно-образовательные, информационно-просветительные, коммуникационные, рекреационные технологии, фактически делая данную площадку самым популярным местом в молодёжной среде.

В современном культурном процессе любой продукт (текст, картина, театральная постановка, фестиваль, музыкальное произведение) должен отвечать определённым требованиям. *Во-первых*, эмоционально связывать производителя и потребителя. Центр современного искусства «Винзавод» формирует особую субкультуру внутри своего пространства. Граффити, галереи, необычные рисунки становятся объединяющими факторами для молодёжных групп. Философский клуб, проекты поддержки молодых художников «СТАРТ» и «Открытые студии» формируют лояльное отношение творческих людей к пространству, которое даёт возможность погружаться в профессиональную арт-среду. *Во-вторых*, продукт высокого качества должен формировать площадку для активности и самореализации участников. Синергия зарубежных исполнителей и отечественных сотрудников социально-культурной сферы повлияла на реализацию проекта «Liquid Theatre» в центре «Фабрика». Группа молодых людей долго искала пространство для новой идеи. И территория грязного цеха, выделенная руководством, превратилась в лабораторию иммерсивного театра. Уникальный формат проекта, игра актёров и инновационный для столицы театральный формат позволили

труппе стать лауреатом премии фестиваля «Золотая Маска» [9]. В-третьих, продукт или услуга должны создавать конкурентные преимущества в креативном секторе экономики. На территории «АР-ТСтрелки» в пространстве бывшей кондитерской фабрики, например, постоянно работает несколько разноплановых художественных пространств галерейного типа, размещённых в бывших промышленных ангарах. Локации работают в едином режиме, а новые выставки открываются в конце каждого месяца. Удобство расположения, актуальный формат социально-культурной деятельности и современная концепция интеграции культурного продукта в бизнес-схему позволяют этой территории быть востребованной на рынке.

Проведённый анализ творческих кластеров, использующих event-технологии, позволяет сформулировать положительные тенденции в развитии данных учреждений, а именно:

- механизм “special events” в кластерной культуре выступает как один из способов формирования имиджа организации, успех которого измеряется интенсивностью его освещения в средствах массовой информации [10];

- специальные события – это не только инструмент особой практики активности человека, но и маркетинговые технологии;

- специальные события становятся всё более эффективным средством коммуникации;

- проводя театральные показы в заводских цехах, финал школы молодых дизайнеров среди деревянных перекрытий, симфонический концерт в метро или лекцию на открытом воздухе, организаторы

стремятся расширить рамки привычного, изменить стереотипность мышления;

- использование event-технологий в социально-культурной сфере позволяет эффективно проводить рекламную деятельность;

- повышает активность горожан, развивает их гражданскую инициативу, вовлекает в решение социальных проблем;

- разнообразие спектра услуг предоставляет возможность участникам выбора в досуговых предпочтениях.

Следовательно, происходящая децентрализация культурной жизни, поддержка арт-проектов, стимулирование творческих инициатив позволяют изменять отношение горожанина к пространству города. Комплексный подход к изучению «своего» потребителя помогает кластерам быть привлекательными площадками для досуга москвичей; устанавливая как предпринимательские, так и эмоциональные отношения с участником мероприятия, сотрудником или партнёром, руководство создаёт инкубатор творческих идей.

Event-технологии совершенствуют идею креативных индустрий по созданию передовых, интересных, актуальных творческих проектов и позволяют совершенствовать культурную продукцию кластеров за счёт комплексности. Уже существующий опыт показывает, что можно, сохраняя самобытность мест, вызывать эмоции у участников социально-культурной деятельности и повышать показатели возвратности аудитории.

В современных условиях event-технологии являются интенсивно развивающейся социальной практикой деловой активности и культурной жизни общества, внедрение технологий в процесс органи-

зации социально-культурной деятельности с населением в креативных институтах и учреждениях культуры позволяет: повышать компетентность специалистов в области создания событий; способствовать созданию культурного продукта высокого качества; удовлетворять культурные и экономические запросы современного жителя; выявлять творческие способности отдельных людей; создавать сеть креативных пространств.

Таким образом, внедрение составляющих event-технологий в процесс реали-

зации социально-культурных мероприятий в учреждениях культурной сферы и креативных индустрий может способствовать: расширению аудитории; удовлетворению потребностей жителей города; качественному наполнению деятельности участника (посетителя) во время проведения проектов; формированию позитивного имиджа производителя (организатора); развитию внешних и внутренних связей; позиционированию результатов своей деятельности на рынке культурных услуг и т.д.

Примечания

1. *Абанкина Т. В.* Оптимизация сети. Технологии управления и модели финансирования организаций культуры в сфере реформ бюджетного сектора // Справочник руководителей учреждений культуры. 2006. № 2. С. 8–16.

2. *Герасимова И. А., Литвиненко В. А.* Современные условия развития event-технологий в учреждениях культуры города Москвы // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 1 (24). С. 106–114.

3. *Гнедовский М.* Винзавод, Стрелка, Флаконт. Творческие кластеры в больших городах [Электронный ресурс] // Русский журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 13.12.2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Vinzavod-Strelka-Flakon>

4. *Гнедовский М.* Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. 2005. № 4 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskiy-vyzov-dlya-rossii> (дата обращения: 20.12.2017).

5. *Евменов А. Д., Благова И. Ю., Скорчеллетти Д. С.* Актуальные тенденции формирования творческих кластеров на территории Санкт-Петербурга // Вестник Российской академии естественных наук. 2014. № 18 (3). С. 98–102. URL: <http://www.raenjournal.ru/sites/default/files/027..pdf>

6. *Зеленцова Е. В.* О проекте «Творческие индустрии и креативная экономика: развитие научно-практических исследований и проектной деятельности» // Творческие индустрии и креативная экономика как пространство исследовательской и проектной деятельности : сборник материалов международной конференции. Москва : АНО «Творческие индустрии», 2012. С. 10–15.

7. *Зеленцова Е. В.* Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре : анализ зарубежного опыта : дис. на соиск. учёного степеней кандидата культурологии : 24.00.01 / Зеленцова Елена Валентиновна. Москва, 2008. 153 с.

8. *Зотова А. Р.* Креативный город: творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. 2015. Том 9. № 11. С. 1465–1490. doi: 10.18334/ce.9.11.2085

9. *Королева М.* Творческие кластеры Москвы // Искусство кино. 2015. № 2 (февраль).

10. *Котлер Ф., Шефф Дж.* Все билеты проданы : стратегии маркетинга исполнительских искусств / [пер. с англ. Л. Акопян, Е. Дубинец, С. Грохотов]. Москва : Классика-XXI, 2004. 687 с.

11. Манихин А. А. Понятие, сущность и преимущества событийного маркетинга // Российское предпринимательство. 2010. Том 11. № 3. С. 69–72.

12. Федотова Н. Г. Креативные индустрии (Creative Industries): теория и практика // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник № 4 (2012). Великий Новгород, 2012. С. 52–72.

13. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»: [веб-сайт]. Электрон. дан. 2012. № 3. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/

References

1. Abankina T. V. Optimizatsiya seti. Tekhnologii upravleniya i modeli finansirovaniya organizatsiy kul'tury v sfere reform byudzhethnogo sektora [Network optimization. Management technologies and models of financing of cultural organizations in the sphere of budgetary sector reforms]. *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniy kul'tury* [Directory of the head of cultural institutions]. 2006, no. 2, pp. 8–16.

2. Gerasimova I. A., Litvinenko V. A. The actual conditions for the development of event-technologies in cultural institutions of Moscow. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2017, no. 1 (24), pp. 106–114. (In Russian)

3. Gnedovsky M. *Vinzavod, Strelka, Flakon. Tvorcheskie klastery v bol'shikh gorodakh* [Winery, Arrow, Bottle. Creative clusters in big cities]. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Vinzavod-Strelka-Flakon>

4. Gnedovsky M. Tvorcheskie industrii: politicheskiy vyzov dlya Rossii [Creative industries: a political challenge for Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2005, no. 4 (24). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskiy-vyzov-dlya-rossii> (accessed: 20.12.2017).

5. Evmenov A. D., Blagova I. Yu., Scorchelletti D. S. Current Trends in Forming Creative Clusters in St. Petersburg. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2014, no. 18 (3), pp. 98–102. Available at: <http://www.raejournal.ru/sites/default/files/027..pdf> (In Russian)

6. Zelentsova E. V. O proekte "Tvorcheskie industrii i kreativnaya ekonomika: razvitie nauchno-prakticheskikh issledovaniy i proektnoy deyatel'nosti" [About the project "Creative industries and creative economics: development of scientific and practical research and project activities"]. *Tvorcheskie industrii i kreativnaya ekonomika kak prostranstvo issledovatel'skoy i proektnoy deyatel'nosti: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii* [Creative industries and creative economics as a space for research and project activities: a collection of materials of an international conference]. Moscow, Published by Creative Industries. Russian Profile, 2012. Pp. 10–15.

7. Zelentsova E. V. *Stanovlenie i razvitie kreativnykh industriy v sovremennoy kul'ture: analiz zarubezhnogo opyta. Diss. kand. kul.* [Formation and development of creative industries in contemporary culture: analysis of foreign experience. Cand. cult. st. diss.]. Moscow, 2008. 153 p.

8. Zotova L. R. The creative city: creative industries and urban development. *Creative Economy*. 2015, vol. 9, no. 11, pp. 145–1490. DOI: 10.18334/ce.9.11.2085 (In Russian)

9. Koroleva M. Tvorcheskie klastery Moskvy [Creative clusters of Moscow]. *Iskusstvo kino* [Art of cinema]. 2015, no. 2.

10. Kotler Ph., Scheff J. *Standing room only: strategies for marketing the performing arts*. Boston, Massachusetts : Harvard Business School Press 1997 (In Rus. ed.: Kotler F., Sheff Dzh.

Vse bilety prodany: strategii marketinga ispolnitel' skikh iskusstv [All tickets sold: marketing strategies for performing arts]. Moscow, Publishing House «Classica 21», 2004. 687 p.)

11. Manikhin A. A. Concept, Essence and Advantages of Event Marketing. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2010, vol. 11, no. 3, pp. 69–72. (In Russian)

12. Fedotova N. G. Creative Industries: theory and practice. *Kul'turnoe obozrenie. Informatsionno-analiticheskiy sbornik. Vypusk 2 (2012) [Cultural Review. Information-analytical collection. Issue 4 (2012)]*. Velikiy Novgorod, 2012. Pp. 52–72. (In Russian)

13. Flier A. Ya. Cultural Industries in History and Contemporaneity: The Types and Technologies The “Znanie. Ponimanie. Umenie” (“Knowledge. Understanding. Skill”). 2012, no. 3. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (In Russian)

*